

АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

БАРНАУЛ
1994

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АГУ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Археология Горного Алтая

Сборник научных статей

БАРНАУЛ • 1994

63.4(2Рос53 - 4Ал - 6Г)2УЗ

УДК 902.6

А 874

Редакционная коллегия:

д.и.н. Кирюшин Ю.Ф. (отв. редактор), д.и.н. Петрин В.Т., д.и.н. Бобров В.В.,
к.и.н. Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. (секретарь)

А 87 Археология Горного Алтая: Сборник научных статей. - Барнаул: Издательство АГУ, 1994. - 128 с. 82 илл.

Алтайский
Государственный
университет
БИБЛИОТЕКА
Инв. №

294233

ISBN 5-230-29777-8

Издательство Алтайского
государственного университета, 1994

В. Н. Владимиров, Н. Ф. Степанова

ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЕТОДОМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Изучение афанасьевской культуры Горного Алтая продолжается более 100 лет, к настоящему времени выявлено около 70 памятников. Отмечая самобытность культуры и ее пришлый характер, исследователи во многом расходятся в определении ее истоков и исторических судеб, хронологии и периодизации. С накоплением нового материала одной из наиболее важных проблем становится проблема относительной хронологии культуры. Выделение двух хронологических групп — ранней и поздней — практически никем не оспаривается, хотя одни и те же могильники у разных исследователей попадают то в раннюю, то в позднюю группу [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Особый интерес представляет наличие нескольких видов надмогильных сооружений, среди которых наиболее распространены два: кольца из вертикально поставленных плит (кромлехи) и кольца из горизонтально положенных камней и плит (ограды-стенки) [7, с. 50–53; 8, с. 57; 9, с. 30–32].

Возникает вопрос о соотношении указанных традиций с остальными элементами погребального обряда, непосредственно связанными с положением умершего, и возможным объяснении этих традиций. Большой интерес вызывает и возможность использования математических методов и компьютера в процессе работы с формализованным археологическим материалом, в частности, применение методов автоматической классификации. Эти вопросы и составили предмет исследования авторов, результаты которого изложены в ряде публикаций [10; 11], в том числе и в настоящей статье.

Мы отказались от попытки сравнивать могильники в целом. Прежде всего это связано с тем, что нет ни одного полностью раскопанного памятника, в ряде случаев исследовано 1–3 сооружения, что не позволяет составить полного представления о могильнике. Одним названием иногда обозначены фактически разные памятники (Ело 1, западная и восточная группы; Ело-Баши [9]). Разная степень изученности памятников, например, Нижний Тюмечин 1 (15 оград) и Каячча (1 ограда) [8; 12] затрудняет их сравнение. Поэтому более корректным нам представляется сравнение отдельных погребений.

Из полутора сотен погребений, известных нам по публикациям и отчетам, для анализа было отобрано 57. При отборе погребений мы не руководствовались какими-либо иными причинами, кроме более или менее четкого и достоверного описания в источниках погребений, не допускающего каких-либо серьезных разночтений в трактовке основных элементов погребального обряда. По этой причине мы были вынуждены исключить из анализа погребения, в которых не удалось определить характер надмогильной конструкции, наличие или отсутствие перекрытия, положение и ориентацию умерших и т. д. Поскольку нет оснований сомневаться в случайности подобного отбора, нам представляется, что выводы, сделанные на отобранном нами массиве погребений, в целом верно должны отражать действительное положение вещей. Пользуясь случаем, выражаем благодарность М. Т. Абдулганееву,

В. А. Посредникову, С. В. Цыбу за возможность использовать неопубликованный пока материал.

Для большинства могильников характерно какое-либо своеобразие в надмогильных конструкциях. Это затрудняет их сравнение. По-видимому, кроме оград из вертикально поставленных плит и оград из горизонтально положенных камней и плит существовали все же и насыпи, в частности, на Усть-Куюмском могильнике, м. 3, 13 [13, л. 100–105]. Кроме того, известно несколько объектов, на которых зафиксированы одновременно кольца из вертикально поставленных плит и горизонтально положенных камней и плит. Расположение колец относительно друг друга различно. Раскопано также несколько объектов, где вместо плит использованы валуны (Урмулык, п. 2 [14, с. 5, 15]). Можно перечислить еще целый ряд отличий, но тем не менее на большинстве объектов, не подвергшихся значительным разрушениям, можно выделить или кольцо из вертикально поставленных плит или валунов, или кольцо из горизонтально положенных плит и камней, или насыпь. Центральные сооружения внутри оград также разнообразны, но они подразделяются на 2 вида: каменная забутовка всего внутреннего пространства, как в Нижнем Тюмечине 1 о. 3 [8, рис. 1–3] и сооружения непосредственно над могилой, как в Нижнем Тюмечине 1 о. 6 [8, рис. 1–6].

Всего в качестве критерия для сравнения погребений был отобран 21 признак, включивший все основные элементы погребального обряда:

1. Насыпь;
2. Кольцо из горизонтально положенных камней и плит;
3. Кольцо из вертикально поставленных плит или валунов;
4. Каменная забутовка;
5. Центральное сооружение;
6. Перекрытие из каменных плит;
7. Перекрытие из дерева;
8. Отсутствие перекрытия;
9. Положение погребенного вытянуто на спине;
10. Положение погребенного скорчено на спине;
11. Положение погребенного на боку;
12. Ориентация на юго-запад;
13. Ориентация на запад;
14. Ориентация на северо-восток;
15. Ориентация на восток;
16. Наличие охры;
17. Плоскодонная керамика;
18. Остродонная керамика;
19. Круглодонная керамика;
20. Курильница;
21. Инвентарь.

Некоторые редко встречающиеся признаки (земляная насыпь, подбой и т. п.) не учитывались, поскольку их отсутствие в слишком большом числе погребений увеличивало сходство объектов по отсутствию признаков. Признаки в приводимой ниже таблице идут по порядку, начиная с первого. Каждый признак из общего списка кодировался в зависимости от его наличия (1) или отсутствия (0) в каждом конкретном погребении.

Ело 1 о. 1 0,1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1
 Ело 1 о. 4 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
 Ело 1 о. 3 0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Ело-Баши 1 о. 1 0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,1
 Ело-Баши 1 о. 3 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Ело-Баши 1 о. 6 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0
 Ело-Баши 1 о. 5 0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,1,0,0,0
 Нижний Тюмечин 1 о. 2 0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
 Нижний Тюмечин 1 о. 3 0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0,0,1
 Нижний Тюмечин 1 о. 6 0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0,1
 Нижний Тюмечин 1 о. 7 0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Нижний Тюмечин 1 о. 9 0,0,1,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,1
 Нижний Тюмечин 1 о. 10 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,1,0,1,0,0
 Нижний Тюмечин 1 о. 11 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Нижний Тюмечин 1 о. 13 0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1
 Кара-Коба 1 о. 1 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,1
 Кара-Коба 1 о. 2 0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
 Кара-Коба 1 о. 8 0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,0,0
 Кара-Коба 1 о. 10 0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0
 Кара-Коба 1 о. 11 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0
 Первый Межелюк 1 о. 1 0,0,1,0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,1,0,1
 Первый Межелюк 1 о. 5 0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
 Первый Межелюк 1 о. 12 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
 Первый Межелюк 1 о. 6 0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
 Семисарт 2 о. 1 0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0,0
 Нижний Тюмечин 4 о. 2 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0
 Теньга 4 о. 2 0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,1,0,0
 Кара-Коба о. 1 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,1,1
 Урмулык 1 о. 2 0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0
 Урмулык 1 о. 3 0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0,0
 Усть-Куем о. 3 1,0,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Усть-Куем о. 5 0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Бойтыгем 2 о. 1 0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,1,1,0
 Бойтыгем 2 о. 7 0,1,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0
 Бойтыгем 2 о. 9 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,1,0,1
 Айрыдаш 1 о. 6 0,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0
 Каракол о. 1 0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0,1,1,0,1,0,0,1
 Большой Толгоек о. 15 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,0,1,0,0
 Кызык-Телань 1 о. 31 0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1
 Кызык-Телань 1 о. 33 0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1
 Кора-Кобы 1 о. 1 0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0
 Кора-Кобы 1 о. 6 0,1,0,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1
 Бике 2 о. 1 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,1,0,0,0
 Бике 2 о. 2 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0
 Озерное 2 о. 1 0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0
 Арагол 1 о. 1 1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,1,0,0,0,0,0
 Теньга 2 о. 1 0,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0
 Кара-Су 2 о. 1 1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0

Пещеркин Лог 1 о. 1 0,1,0,0,0,1,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,1,0,0,0,1
 Бике 2 о. 10 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,1,1,0
 Ело 1 о. 2 0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
 Первый Межелюк 1 о. 10 0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1
 Первый Межелюк 1 о. 9 0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,1,0,1
 Теньга 4 о. 1 0,0,1,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
 Бойтыгем 2 о. 11 0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1
 Бике 2 о. 35 0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0
 Бике 2 о. 34 0,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0

Полученная матрица дихотомических данных далее анализировалась с помощью программы QDC, осуществляющей автоматическую классификацию объектов на заданное число классов по заданным эталонам [15; 16]. Авторы статьи выражают глубокую благодарность заведующему Лабораторией исторической информатики МГУ в. н. с. Л.И. Бородину и сотрудникам этой лаборатории Е.Б. Беловой и В.В. Лазареву за возможность работать с оригинальным программным продуктом. К сожалению, рамки статьи не дают возможности привести все результаты, полученные в ходе исследования, поэтому мы остановимся только на центральном сюжете — выделении эталонных памятников.

В исследовании мы исходили из предположения, что во всем множестве афанасьевских погребений определяющими являются две традиции сооружения надмогильных конструкций — ограды из вертикально поставленных плит и ограда-стенки. В ходе работы с программой QDC было задано разделение материала на два класса, которые предполагались состоящими соответственно из оград-стенок и оград из вертикально поставленных плит. В качестве эталонов были выбраны типичные, на наш взгляд, погребения каждой традиции: для оград-стенок это о. 4 могильника Ело 1 и о. 1 могильника Кара-Коба 1; для оград-кромлехов — о. 2 могильника Нижний Тюмечин 1 и о. 2 могильника Кара-Коба 1.

Классификация показала что свыше 80% объектов в каждом из двух классов составили однотипные конструкции — ограды-стенки и ограды из вертикально поставленных плит. Основная идея дальнейшего исследования заключалась в том, чтобы, используя возможности программы QDC, которая позволяет путем повышения порога принадлежности объектов к тому или иному классу выделять ядро и периферию, прийти до такого состава классов, который выражал бы обе тенденции в наиболее «чистом» виде. Иными словами, путем постепенного отсеивания менее характерных и смешанных объектов мы постепенно приходим к двум эталонным классам афанасьевских погребений. После этого анализировалось процентное соотношение различных признаков в каждом из эталонных классов, чтобы выяснить, соотносятся ли различные тенденции в сооружении надмогильных конструкций с различным характером перекрытия могильной ямы, ориентацией и положением погребенного, набором инвентаря и т. д. Порог последовательно повышался до уровня 33%, когда степень принадлежности каждого погребения к одному из двух классов составляла не менее 67%. Принадлежность на две трети к соответствующему классу мы считаем вполне достаточной для определения того или иного объекта как эталонного.

Таблица 1

Ограды из вертикально поставленных плит		Ограды-стенки
Ело-Баши 1/1	Кара-Коба 1/11	Ело 1/4
Ело-Баши 1/3	П. Межелик 1/1	Кара-Коба 1/1
Ело-Баши 1/6	П. Межелик 1/5	Бойтыгем 2/9
Ело-Баши 1/5	П. Межелик 1/12	Айрыдаш 1/6
Н. Тюмечин 1/2	Семисарт 2/1	Бике 2/1
Н. Тюмечин 1/3	Н. Тюмечин 4/2	Бике 2/2
Н. Тюмечин 1/6	Теньга 4/2	Теньга 2/1
Н. Тюмечин 1/10	К. Коба/1	Бике 2/10
Н. Тюмечин 1/11	Урмулык 1/3	Бойтыгем 2/11
Н. Тюмечин 1/13	Б. Толгоек/15	Бике 1/35
Кара-Коба 1/2	Озерное 2/1	Бике 1/34
Кара-Коба 1/8	П. Межелик 1/9	
Кара-Коба 1/10	Теньга 4/1	

Таких оказалось в группе оград-стенок 11, а в группе оград из вертикально поставленных плит — 26, иными словами, эталонные объекты составили около 65%, т. е. примерно две трети исходной совокупности. Интересно, что эталонные ограды-стенки составляют 56% от общего количества, а эталонные ограды из вертикально поставленных плит — 81% от всех подобных конструкций, что свидетельствует о большей монолитности второй группы по сравнению с первой. Нам представляется, что эталонные объекты каждой группы в наиболее чистом виде выражают те тенденции в развитии признаков, которые составляют основное содержание погребального обряда и отличают одну тенденцию от другой, несмотря на их безусловную и очень высокую смешанность между собой.

Анализ распределения признаков в каждой группе эталонных объектов показал, что обе группы существенно отличаются друг от друга. В таблице 2 исключен признак «насыпь», остальные признаки соответствуют признакам со 2 по 21 (см. выше). Нули и единицы обозначают соответственно наличие или отсутствие признака, встречаемость дается в процентах по отношению ко всей эталонной группе.

При этом ряд признаков характерен для обеих групп и представляет собой, на наш взгляд, те общие черты, которые присущи афанасьевскому погребальному обряду в целом: скорченное на спине положение костяка, ориентация преимущественно в западный сектор, окраска погребенного охрой, остродонная и круглодонная керамика, а также наличие примерно в трети случаев другого сопроводительного инвентаря. Вместе с тем ряд признаков является характерным для

Таблица 2

Ограды из вертикально поставленных плит				Ограды-стенки
Признак	Значение	Встречаемость	Значение	Встречаемость
стенка	0	100.00	1	100.00
верт.	1	100.00	0	100.00
забут.	0	73.08	0	100.00
-	1	26.92	-	-
центр.	0	80.77	0	27.27
-	1	19.23	1	72.73
плиты	0	15.38	0	100.00
-	1	84.62	-	-
дерево	0	92.31	0	18.18
-	1	7.69	1	81.82
без пер.	0	96.15	0	81.82
-	1	3.85	1	18.18
выгян.	0	100	0	90.91
-	-	-	1	9.09
скорч.	0	11.54	0	9.09
-	1	88.46	1	90.91
бок	0	88.46	0	100.00
-	1	11.54	-	-
ЮЗ	0	57.69	0	90.91
-	1	42.31	1	9.09
З	0	53.85	0	54.55
-	1	46.15	1	45.45
СВ	0	88.46	0	81.82
-	1	11.54	1	18.18
В	0	100.00	0	72.73
-	-	-	1	27.27
охра	0	30.77	0	9.09
-	1	69.23	1	90.91
плоск.	0	84.62	0	100.00
-	1	15.38	-	-
остр.	0	38.46	0	63.64
-	1	61.54	1	36.36
кругл.	0	76.92	0	72.73
-	1	23.08	1	27.27
курил.	0	96.15	0	90.91
-	1	3.85	1	9.09
инвент.	0	61.54	0	63.64
-	1	38.46	1	36.36

одной группы, отсутствуя или будучи слабо представленным в другой. Для первой группы это ограды-

стенки, центральное сооружение в ограде, перекрытие могильной ямы из дерева. Для второй — ограды из вертикально поставленных плит и перекрытие могилы из каменных плит. Кроме того, в первой группе встречаются признаки: вытянутое положение костяка и восточная ориентация, отсутствующие во второй; в которой, в свою очередь в сравнительно небольшом количестве встречаются признаки, отсутствующие в первой, — каменная забутовка, положение погребенного на боку, плоскодонная керамика. Очень интересно положение с ориентацией погребенных: в первой группе ориентация на юго-запад почти отсутствует, а во второй она становится преобладающей наряду с западной.

Наиболее реальными причинами отличий групп друг от друга представляются хронологические, либо этнографические. Для того, чтобы говорить о хронологических отличиях, необходимо выделить ранние и поздние признаки. До сих пор относительная датировка афанасьевских памятников Горного Алтая строилась на основании аналогий с близкими по времени, а возможно, и по происхождению, культурами (древнеямная), но, как правило, с сопредельных либо удаленных территорий — от Прибайкалья до Нижнего Поднепровья [1; 2; 3; 17]. Проведенные за последние годы исследования памятников эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае дают возможность сравнить афанасьевскую культуру с культурами, близкими не только по времени, но и территориально.

Ранными признаками обычно считают погребения, совершенные вытянуто на спине, групповые и одиночные захоронения, сильную окраску охрой, безынварные погребения, сосуды с высоким венчиком, ориентацию на восток или северо-восток [2, с. 19–20; 23; 3, с. 38–41; 7, с. 53]. К поздним признакам относят погребения, совершенные на боку, снижение окраски охрой, плоскодонную керамику, иногда ориентацию на юго-запад [1, с. 58–59; 2, с. 31; 3, с. 41; 7, с. 53]. Остальные признаки разделяются исследователями на ранние и поздние в зависимости от преобладания их в соответствующих группах.

На наш взгляд, группа «ранних» признаков выглядит довольно неоднозначно. Наличие групповых или одиночных парных захоронений, конечно, можно считать архаичным признаком, но нельзя преувеличивать его значение при датировке частично раскопанных могильников, относящихся к одной культуре. Отсутствие подобных захоронений на неисследованном полностью могильнике не может свидетельствовать в пользу большей молодости памятника. Безынварные погребения характерны для многих культур разных эпох, в том числе и эпохи раннего железа, а погребения без инвентаря, совершенные вытянуто на спине и обильно окрашенные охрой, характерны для каракольской культуры, датируемой эпохой бронзы [18, с. 57–59; 19, с. 15, 18–19; 20, с. 80–84; 21, с. 45–47]. Погребения из Арагола, Теньги 2 и Карасу 2 имеют большее сходство с каракольскими, нежели с афанасьевскими, хотя и не соответствуют первым полностью. Возможно, прав В. А. Могильников, датирующий могильники Теньга 2 и Карасу 2 эпохой бронзы [22, с. 26]. Таким образом, перечисленные признаки нельзя считать безусловно архаичными, а положение погребенного вытянуто на спине, скорее всего, не имеет отношения к традиционному комплексу афанасьевской культуры.

Термин «высокий венчик» требует специального уточнения. Высота афанасьевских венчиков из Горного Алтая колеблется от 0,5 до 5 см, а высота так

называемых «высоких» венчиков из Нижнего Поволжья (Бережновка 1, к. 5, п. 22; Быково 2, к. 2, п. 3) немногим более 1 см [2, с. 19; 23, с. 72, рис. 17–8; 24, с. 174, рис. 22–3]. Для древнеямной культуры Нижнего Поволжья подобные сосуды можно считать сосудами с высоким венчиком (25, рис. 12–15), однако надежность их как датирующего признака проблематична не только из-за весьма относительного сходства с афанасьевскими сосудами, но и из-за того, что в последние годы их датировка и культурная принадлежность пересмотрены [26; 27].

Обильную или полную окраску охрой, вероятно, можно считать ранным признаком. Косвенным подтверждением этому являются данные по окраске погребенных в афанасьевских памятниках Минусинской котловины, считающихся более поздними по сравнению с горноалтайскими [5, с. 164], что подтверждается и радиоуглеродными датами [28, с. 96; 29, с. 62 и др.]. На могильниках Афанасьевский, Подсуханыха, Малые Копены 2, Красный Яр, Тепсей 8, Черновая 6 и других прослеживается тенденция снижения окраски охрой погребенных по сравнению с горноалтайскими памятниками. В то же время для ранних памятников древнеямной культуры, с которой некоторые исследователи связывают происхождение афанасьевской [30, с. 100], характерна обильная окраска охрой [25, с. 45–54].

Фактически нет оснований считать архаичными признаками ориентацию умерших на восток и северо-восток, особенно после раскопок могильников Бике 1 и Бике 2, определенных авторами как позднеафанасьевские [6, с. 57–63; 31, с. 55–57].

Более надежными выглядят так называемые «поздние» признаки. Прежде всего это касается положения погребенного на боку. К аргументации С. В. Цыба [3, с. 41] по данному поводу можно добавить, что в Минусинской котловине умерших хоронили на боку и скорченно на спине с приблизительно одинаковой частотой. Этот признак может быть этнографическим и хронологическим одновременно.

Мнения исследователей по поводу плоскодонной керамики расходятся. С. В. Киселев считал Куроту 2 поздним памятником прежде всего из-за наличия плоскодонной керамики [1, с. 58–59]. В то же время М. Д. Хлобыстина считает Куроту 2 ранним памятником, хотя и отмечает неархаичный облик керамики [2, с. 23]. Тот факт, что для памятников эпохи бронзы Горного Алтая характерна плоскодонная керамика (могильники Озерное [20, с. 80], Улита [18, с. 59], поселение Малый Дуган [32, с. 74, 78, 81] и др.), наводит на мысль, что плоскодонная керамика у афанасьевцев — явление позднее. Это подтверждают и технологические исследования афанасьевской керамики, проведенные одним из авторов статьи. Плоскодонные сосуды составляют незначительный процент от общего количества афанасьевской посуды. С точки зрения изготовления плоского дна их можно разделить на две группы. Для первой (Нижний Тюмечин-1, о. 10, 14) характерно зарождение подобной традиции. Сосуды еще недостаточно устойчивы, чувствуется некоторая неуверенность мастера. Сосуды второй группы (Ело 1, о. 1 [9, рис. 3–6]; Курота 2 [1, табл. VI–18], Пещеркин Лог 1 [33], Ело-Баши, о. 5 [34, рис. 28]) изготавливали гончары, использовавшие не только другие технологические традиции, но и значительно более совершенные навыки, видимо, передававшиеся от поколения к поколению. Возможно, обе группы сосуществовали, но наличие разных технологических традиций, как правило, свидетельствует о

неоднородности населения [35, с. 58]. На наш взгляд, сосуды первой группы изготовлены афанасьевскими мастерами, вероятно, контактировавшими с носителями других технологических традиций, а сосуды второй группы — носителями других традиций, которые могли контактировать с афанасьевским населением. Небольшое количество плоскодонных сосудов у населения афанасьевской культуры, а также новые приемы в их изготовлении указывают на относительно позднее время их появления. Добавим, что для древнейшей культуры также отмечено появление плоскодонной керамики на поздних этапах [25, рис. 13–15]. Все это позволяет считать наличие плоскодонной керамики поздним признаком.

Остальные признаки пока трудно определить как хронологические, что отмечалось и другими исследователями [6, с. 86]. Вероятно, и надмогильная конструкция может быть чисто этнографическим признаком. В Минусинской котловине также известны сооружения обоих типов, однако в отличие от Горного Алтая преобладают ограды-стенки. Для древнейшей культуры надмогильные конструкции аналогичных типов (каменные заклады и ограды из вертикально поставленных плит) известны в Нижнем Поднепровье. Исследователи объясняют наличие разных традиций в их сооружении сложным этническим составом населения [36, с. 344–347].

В целом мы считаем, что пока невозможно предложить полную схему относительной хронологии афанасьевских памятников, но в то же время нельзя не отметить некоторых тенденций. В группе эталонных оград-стенок нет ни одного объекта с поздними признаками, да и для группы оград-стенок в целом поздние признаки прослежены только у шестой части оград. В то же время к ней относятся могильники Бике 1 и Бике 2, датируемые позднеафанасьевским временем [6, с. 57–63; 31, с. 55–57]. Для половины эталонных оград из вертикально поставленных плит, как и для многих объектов, не попавших в эталонную группу, характерно наличие поздних черт. Вероятнее всего, обе традиции сооружения надмогильных конструкций являются отражением этнографических различий оставившего их населения и существовали длительное время, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде и инвентаре. В то же время, если сравнить памятники, на которых произведены относительно массовые раскопки, наибольшее количество поздних признаков отмечено на могильнике Нижний Тюмечин 1, меньшее — на могильниках Кара-Коба 1, Усть-Куюмском, Курота 2. Почти нет их на могильнике Первый Межелик 1. Нет поздних признаков на могильниках Ело-Баши о. 1, 2, 3, 6 (о. 4, 5 относятся к другим цепочкам, а точнее могильникам) и Аярьдаш 1. Остальные памятники, на которых раскопано до 3 объектов и на которых, например, есть плоскодонная керамика, можно отнести к поздним или к переходным от ранних к поздним.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
2. Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. № 1. С. 17–33.
3. Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.
4. Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: Автореферат дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.
5. Цыб С. В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к научной конференции. Барнаул, 1988. С. 162–164.
6. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
7. Степанова Н. Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 50–53.
8. Посредников В. А., Цыб С. В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин 1 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 4–10, 156–160.
9. Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 28–32.
10. Владимиров В. Н., Степанова Н. Ф. О типологии афанасьевских погребений Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы научно-практической конференции. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 84–86.
11. Vladimirov V. N. New Information Technologies in Historical Research and Education: The Siberian Experience // History and Computing in Eastern Europe. St. Katharinen, 1993. P. 31–38.
12. Казаков А. А. Новые материалы афанасьевской культуры со Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.
13. Архив ЛОИА. Ф. 42. Д. 92. № 109.
14. Суразаков А. С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
15. Белова Е., Бородин Л. QDC: программа классификации нечисловых данных с учетом экспертного знания // Информационный бюллетень комиссии по применению количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН и ассоциации «История и компьютер». 1993. № 8, март. С. 60–62.
16. Belova E. V., Lazarev V. V. Software for Historical Research. Specifics of Behaviour and Interface // The Art of Communication: VIII International AHC-Conference. Graz, Austria, August 24–27, 1993. Vienna, 1993. P. 97–100.
17. Руденко С. И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. № 5–6. С. 108–109.
18. Мамадаков Ю. Т., Цыб С. В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 57–59.
19. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
20. Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.

21. Кубарев В. Д., Ларин О. В., Суразаков А. С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек// Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 45–47.
22. Могильников В. А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая// Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
23. Силицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда// МИА. № 60. Т. 1. С. 178–181.
24. Смирнов К. Ф. Быковские курганы// МИА. № 78. С. 169–237.
25. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 167 с.
26. Васильев И. Б., Гаяшев Р. С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья// Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, С. 3–23.
27. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. 129 с.
28. Ермолова Н. М., Марков Ю. Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири// Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.
29. Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр// Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.
30. Вадецкая Э. Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры// Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 98–100.
31. Черемисин Д. В., Слюсаренко И. Ю. Раскопки на могильнике Бике в 1990 году// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 55–57.
32. Степанова Н. Ф. Поселение Малый Дуган — памятник эпохи бронзы Горного Алтая// Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73–86.
33. Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции): Препринт. Новосибирск, 1987. 76 с.
34. Вадецкая Э. Б. Сибирские курительницы// КСИА. Вып. 185. М., 1986. С. 50–59.
35. Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения: Тез. докл. советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980. М., 1980. С. 57–59.
36. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985. 567 с.

Л. Н. Смердина, А. Р. Ким, Г. А. Кошкин

МЕЗИОЦИСТАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ЗУБОВ У БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ (краниологический материал)

Изучение изолированных этнических групп представляет интерес с точки зрения познания механизма развития и наследственной передачи морфологических признаков различных систем человеческого организма.

В изолированных, ограниченных по размеру популяциях нарушается случайность выбора супружеских пар и, как следствие, возникает определенный уровень кровного родства [11], что в свою очередь ведет к интенсификации генетико-автоматических процессов в популяции и концентрации морфологических признаков и генетически обусловленных заболеваний [2].

Исключительно удобной морфологической основой подхода к анализу малых изолированных этнических групп с выраженным инбридингом является зубочелюстная система, так как с помощью определения концентрации одонтологических признаков можно выявить особенности этнической группы, уточнить некоторые этиологические вопросы и в конечном счете улучшить диагностику, профилактику и лечение заболеваний у представителей малой изолированной этнической группы.

К редкой этнической группе с резко выраженным инбридингом относятся бачатские телеуты, проживающие на территории Кемеровской области.

С целью изучения состояния зубочелюстной системы бачатских телеутов в историческом аспекте, в частности выяснение влияния мезиодистальных размеров зубов на формирование зубных рядов у современных телеутов, нами исследовалась краниологи-

ческая коллекция кабинета антропологии Томского государственного университета.

Краниологическая коллекция бачатских телеутов собрана в 1975 году А. Р. Кимом в результате раскопок заброшенной кладбища некрещеных телеутов конца XIX–начала XX в. в деревне Челухоево Беловского района Кемеровской области [5].

Материал и методика исследования

Анализ краниологических показателей проводился с предварительным распределением черепов по половому признаку, так как сравнение средних данных краниологических показателей показало достоверное различие между большинством показателей мужских и женских черепов. Для количественного выравнивания проводилось суммирование по обоим полам черепов с ортогнатическим прикусом с использованием средних поправок на половой диморфизм (Алексеев, Дебец, 1964).

На черепах измерялись мезиодистальные размеры сохранившихся зубов, ширина зубных дуг в области первых премоляров и первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей.

Сравнение полученных данных между параметрами зубов, зубных рядов, апикального базиса у черепов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов проводилось без деления по половому признаку, так как сравнение средних значений указанных параметров показало отсутствие достоверной разницы между мужскими и женскими черепами ($P > 0,05$).

Таблица 1

Сравнение мезиодистальных размеров зубов, ширины зубных рядов, ширины апикального базиса черепов телеутов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов

	Параметры	Череп с ортогнатическим прикусом			Череп с аномалиями положения зубов			
зубы верхней челюсти	центральные резцы	7,96	0,38	0,120	8,80	0,32	0,074	0,001
	боковые резцы	6,23	0,67	0,123	7,01	0,46	0,098	0,001
	клыки	7,32	0,22	0,074	7,59	0,28	0,065	0,01
	первые премоляры	6,62	0,18	0,062	7,02	0,40	0,093	0,001
	вторые премоляры	6,24	0,28	0,095	6,54	0,33	0,072	0,01
	первые моляры	10,48	0,66	0,22	10,41	0,69	0,155	0,05
зубы нижней челюсти	центральные резцы	5,25	0,13	0,046	5,46	0,21	0,045	0,001
	боковые резцы	5,77	0,15	0,055	6,11	0,25	0,053	0,001
	клыки	6,48	0,25	0,085	6,77	0,42	0,091	0,05
	первые премоляры	6,46	0,23	0,078	6,77	0,44	0,094	0,01
	вторые премоляры	6,68	0,21	0,072	6,91	0,41	0,091	0,05
	первые моляры	10,68	0,62	0,208	11,06	0,66	0,152	0,05
ширина зубной дуги	в области 41 4 зубов	35,64	2,27	0,685	35,47	1,13	0,276	0,05
	в области 61 6 зубов	48,22	2,72	0,821	46,54	2,56	0,640	0,05
ширина апик. базиса	верхняя челюсть	38,23	1,56	0,450	39,24	1,56	0,403	0,05
	нижняя челюсть	32,59	1,43	0,430	32,84	1,67	0,394	0,05

Полученные данные обрабатывались вариационно-статистическим методом на электронно-вычислительной машине «НАИРИ-2» в кабинете вычислительной техники кафедры ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института.

Результаты и их обсуждение

Аномалии зубочелюстной системы обнаружены у 41 черепа (74,5%).

Преобладающими аномалиями являются аномалии положения зубов при недостатке для них места в зубном ряду. Такие аномалии имеются у 37 черепов, что составляет 67,3% всех черепов и 90,2% среди черепов с аномалиями. Аномалии прикуса — у 4 черепов (7,2%).

Аномалийное положение (в мужских и женских черепах) занимают только центральные и боковые резцы на верхней и нижней челюстях, которые располагаются вестибулярно, небо-язычно, с поворотом вокруг оси.

Последующая статистическая обработка указанных параметров выявила достоверное увеличение мезиодистальных размеров центральных и боковых резцов, клыков, первых и вторых премоляров на верхней и нижней челюстях у черепов с аномалиями положения зубов (табл. 1).

Увеличенные мезиодистальные размеры зубов приводят к значительному нарушению формирования зубных рядов (рис. 1).

Ширина зубной дуги в области первых премоляров, первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей в сравниваемых группах не имеют достоверного различия ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны ширины зубных дуг и апикального базиса у черепов с аномалиями положения зубов.

Анализ краниологических показателей не выявил достоверного различия краниологических показателей при ортогнатическом прикусе с показателями

Таблица 2

**Сравнение средних краниологических показателей черепов телеутов
(ортогнатический прикус с аномалиями положения зубов)**

Краниологические показатели	Ортогнатический прикус			Аномалии положения зубов			
11. Ширина основания черепа	122,0	5,45	1,091	121,2	6,38	1,77	0,05
43. Верхняя ширина лица	101,9	2,09	0,447	100,2	1,61	0,447	0,05
45. Скуловой диаметр	126,8	4,30	0,861	126,3	4,23	1,174	0,05
46. Средняя ширина лица	95,1	2,70	0,540	93,5	2,30	0,638	0,05
61. Ширина альвеолярной дуги верхней челюсти	62,2	2,74	0,599	62,0	3,11	0,985	0,05
63. Ширина неба	40,2	2,35	0,539	39,6	2,05	0,684	0,05
65. Мыщелковая ширина	114,9	6,22	1,269	114,6	5,63	1,563	0,05
66. Угловая ширина	96,0	6,39	1,332	95,4	5,41	1,632	0,05

Рис. 1. Череп женский (30-35 лет). Макроцентия $\begin{matrix} 5432 & 2345 \\ 5432 & 2345 \end{matrix}$ зубов; аномалии положения зубов II группы (небное положение 2|2 зубов, вестибулярное положение |1 зуба, тортоаномалия 2¹|₁ зубов)

при аномалиях положения зубов ни в группе мужских, ни в группе женских черепов ($P < 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны лицевого скелета при нарушении зубных рядов (табл. 2).

Отсутствие изменений лицевого скелета, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей, ширины зубных дуг, сочетающееся с увеличением мезиодистальных размеров зубов верхней и нижней челюстей (кроме первых моляров), позволяет утверждать о решающем значении размеров зубов в формировании зубных дуг телеутов.

Высокая частота аномалий положения зубов у черепов телеутов, обусловленная макродентией почти всех зубов, дает основание говорить о концентрации этого морфологического признака в этнической группе бачатских телеутов.

Заключение

Современные телеуты имеют высокую частоту аномалий зубочелюстной системы с преимущественным нарушением формирования зубных рядов, связанных с аномалиями положения зубов.

Аномалии положения зубов возникают за счет увеличенных мезиодистальных размеров зубов, являющихся решающим этиологическим фактором аномалий у телеутов.

Концентрация одонтологического признака в малой изолированной этнической группе с резко выраженным инбридингом является основанием для предположения о генетической природе данного признака.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
2. Дубинин Н. П. Общая генетика. М.: Наука, 1976. С. 590.
3. Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. С. 200.
4. Этническая одонтология СССР/Под ред. А. А. Зубова, А. И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 256.
5. Ким А. Р. Материалы к краниологии телеутов// Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 151–163.
6. Миргазизов М. З., Кошкин Г. А. О значении антропологии в стоматологии//Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 162–166.
7. Пасехов В. П. О некоторых результатах действия изоляции// Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27. С. 32–44.
8. Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций: Древние изоляты Памира. М.: Изд-во МГУ, 1969 а. 221 с.
9. Рычков Ю. Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири//Вопросы антропологии. 1969 б. Вып. 33. С. 16–33.
10. Смердина Л. Н. Этнические аспекты зубочелюстных аномалий.//Профилактика, диагностика и лечение заболеваний человека. Кемерово, 1981. С. 515–518.
11. Таусик Т. Роль популяционной структуры в распределении генетической информации в популяциях. Автореф. канд. дисс. МГУ, 1975.

Н. Ф. Степанова, С. В. Неверов

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ВЕРХ-ЕЛАНДА II

Курганный могильник Верх-Еланда II открыт в 1983 г. М. Т. Абдуганеевым [1, с. 189]. Раскопки памятника проводились в 1987 г. Катунской археологической экспедицией Алтайского государственного университета [2, с. 120].

Могильник расположен за восточной окраиной с. Еланды Шебалинского района Горно-Алтайской а. о., у подножия горы, имеющем уклон с востока на запад, особенно в восточной части. Это отразилось на внешнем виде курганов: камни насыпей сместились на запад. Курганы хорошо задернованы. Камни, как правило, видны только с западной стороны, а с восточной границы насыпи не прослеживались или фиксировались очень слабо. Курганы расположены несколькими группами и в целом образуют цепочку, вытянутую с востока на запад (рис. 1). Раскопаны все 14 объектов, 13 из которых относятся к скифскому времени, а один — курган 10 — к VIII–X вв. н. э. [2, с. 121].

Курган 1 (рис. 2). Находится в северо-западной части могильника, на конусе выноса. Хорошо задернован. До раскопок выделялось кольцо из камней диаметром около 7–7,5 м, высотой 0,1–0,3 м. После зачистки объект представлял собой кольцо, сложенное из рваных камней, с внешним диаметром 7,25–8,5 м и внутренним — около 4 м. С севера, северо-северо-запада и востока насыпь ограничена вертикально стоящими плитами размерами до 0,9х0,5х0,3 м, 1,1х0,55х0,15 м.

Плиты, по-видимому, поддерживали сползавшие по склону камни из насыпи. По внешнему краю кольца камни лежали в один слой, по внутреннему — в два-три. В центральной части объекта они находились ниже верхнего слоя камней кольца в среднем на 0,5 м и располагались в один слой. В западной части объекта среди камней насыпи у бровки найдены обломки сосуда баночной формы. К северу от него, под камнями, выявлено погребение ребенка. Могильная яма не зафиксирована. Умерший был уложен на спину, с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Сохранность костей плохая. Инвентаря не обнаружено.

Основная могила находилась в центре кургана под западиной и имела подовальную форму со скругленными углами размерами 3,25х2,75 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Яма сильно сужается ко дну. На глубине 2,4 м (отсчет здесь и далее от 0 репера) ее размеры 2,0х2,1 м, а форма подпрямоугольная со скругленными углами. На этом уровне обнаружен развал глиняного сосуда (рис. 4–1) и нижняя челюсть животного. Глубина могилы — 3,7 м. Высота стенок от материка различна: восточной — 2,35 м, западной — 2,2 м. Могила сильно потревожена грабителями, в т. ч. и деревянный сруб, находившийся на дне ямы. По-видимому, он был сложен в два венца, но от верхнего остались только небольшие обломки дерева. Частично разрушен и нижний венец. Удалось проследить, что в

западном углу западное бревно перекрывало северное. Погребено два человека. Первоначальное положение костей сохранилось только в нескольких случаях. По ним удалось определить, что умершие были уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Из инвентаря сохранились фрагменты еще одного сосуда, форма которого не реконструирована. По венчику у него располагались напольные ушки.

Курган 2 (рис. 3-1, II). Находится в 2 м к юго-юго-западу от кургана 1. Насыпь подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ее максимальные размеры с севера на юг и запада на восток — 6,25x6,75 м. Сложена из рваных камней, уложенных по кругу горизонтально, наклонно и вертикально. По краям насыпи находились наиболее крупные камни, в центре — более мелкие. В целом объект «плоский»: камни лежали в один слой. В центре кургана они просели в могилу. Возле них, у восточного края могилы на глубине 0,65–0,7 м, располагался целый баночный сосуд, стоявший вверх дном. Он украшен жемчужником и ящиками (рис. 4-2). Могильная яма несущественно смещена к востоку от центра кургана. Она прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры на глубине 0,75–0,9 м — 2,3x1,9 м. Яма сужается ко дну до 2,05x1,5 м. Ее глубина — 2,05 м. Заполнена камнями. На дне могилы — деревянный «сруб». Дерево очень плохой сохранности. Вероятнее всего, «сруб» был сооружен из жердей или брусков, длина которых от 1,5 до 2,05 м, ширина 5–6 см. Длинные жерди уложены поверх коротких, а короткие на 5–10 см смещены от стенок могилы к центру. Погребено три человека. Умершие занимали 2/3 могилы. Все они уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами. Средний погребенный втиснут между крайними. Все они ориентированы головой на юго-юго-восток. Из инвентаря найдено два раздавленных глиняных сосуда (рис. 4-3, 4), один из которых со сливом, напольными ушками и валиком. Возле среднего погребенного находилось украшение из тонкого листового золота диаметром до 1,4 см (рис. 11-7). Кроме того, возле сосуда найдены позвонки барана.

Курган 3 (рис. 3-III, IV). Находится в 9 м к югу от кургана 2. Насыпь имела подпрямоугольную форму с наибольшими размерами с севера на юг и запада на восток — 4,75x5 м. Сложена из рваных камней и плит, уложенных горизонтально. Большая часть крупных плит располагалась в северном секторе. Какой-либо конструкции в расположении камней не прослеживалось. Они лежали в один-два слоя. Нижний слой состоял из более мелких камней, чем верхний. Могильная яма смещена от центра кургана к востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры на глубине 0,9–1,15 м — 2,5x1,15 м. Она сужается ко дну до 2,1x0,85 м. Глубина ее — 2,3 м. Высота стенок от материка: восточной — 1,3 м, западной — 1,15 м. Дно имеет уклон на запад. Могилы окаймлены деревянной рамой. Дерево очень плохой сохранности. Погребенный уложен на спину, ноги слегка согнуты в коленях. Головой ориентирован на юго-восток. Сохранность костей плохая. В восточном углу могилы располагался глиняный сосуд (рис. 9-1) и позвонки барана.

Курган 4. Находится в 1 м к юго-юго-востоку от кургана 3, самый южный на могильнике. Насыпь вытянута с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 4,5x3,75 м. Сложена из рваных камней, лежащих в один-два слоя (в два слоя — мелкие). Окантурована

кольцом из вертикально поставленных плит и камней. Диаметр кольца — 3,6–3,7 м. Размер плит и камней до 75x40x25 см и 70x45x35 см. Могильная яма смещена от центра кургана к юго-востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами, ее размер на глубине 0,6 м — 2,0x1,3 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Могилы сужаются ко дну до 1,7x0,95 м. Ее глубина — 2,65 м. Окантурована деревянной рамой (?). Сохранность дерева очень плохая. Погребено два человека. Один уложен вытянуто на спину, второй — на спину, но с согнутыми в коленях ногами, оба головой на юго-восток. Сохранность костей плохая. В восточном углу могилы находились два целых глиняных сосуда (рис. 9-2; 12-3) и позвонки барана.

Курган 5 (рис. 5). Находится в 14 м к юго-юго-востоку от кургана 1. Насыпь подовальной формы размерами 4,4x5,8 м. Сложена из рваных камней и плит. В восточной части прослежена западина без камней размерами 2x1,5 м, глубиной 0,15–0,2 м. Камни и плиты уложены в один-два слоя горизонтально, часть заглублена в глыбистую прослойку. Вертикально стоящие камни образовали овал, ориентированный с запада на восток размерами 4,6x4,2 м. Размер вертикально стоящих камней от 45x20x40 до 94x25x50 см. Могилы смещены к востоку от центра кургана. Они подовальной формы, на глубине 0,45 м размерами 2,0x1,4 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Яма сужается ко дну. С глубины 1,15 м находились следы разрушенного перекрытия из плит, лежащих по краям могилы. Под плитами находились каменные ящики подчетырехугольной формы. Каждая стенка ящика состояла из одной вертикально или наклонно стоящей плиты, а юго-восточная — из двух параллельных. Углы заполнены небольшими плитками, которые соединили длинные и короткие стенки. Размеры ящика по дну между плитами — 1,2x0,6 м, глубина ящика — 0,45–0,5 м, а глубина могилы от соприкоснувшейся плоскости — 1,8 м. Погребено два человека. Заброшены сильно разрушены грабителями, инвентаря не сохранилось.

Курган 6 (рис. 6, 7-1). Находится в 2 м к северо-востоку от кургана 5. Насыпь подовальной формы размерами 6,1x5,6 м. Сложена преимущественно из крупных и мелких рваных камней, лежащих по краю насыпи в один, ближе к центру — в два слоя. В восточном секторе камни образовывали полукольцо. Могильная яма смещена от центра кургана к востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Размер ямы — 2,3x1,3 м. Она сужается ко дну до 1,8x0,9 м. Глубина могилы — 2,05 м. Окантурована по дну деревянной рамой. Короткие бревна (?) находились между длинными. Погребен один человек, уложенный на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Кости очень плохой сохранности. В юго-восточном углу могилы находились глиняный сосуд (рис. 4-6) и позвонки барана, между фалангами пальцев правой руки виден небольшой бронзовый предмет (рис. 11-8).

Курганы 7–9 находятся рядом, в центральной части могильника и включены в общий раскоп. В результате установлено, что холмы курганов не перекрывали друг друга.

Курган 7. Насыпь округлой формы диаметром 4 м. Сложена из рваных камней. Крупные камни находились ближе к краю насыпи, но конструкции в их расположении не зафиксировано. По краю камни лежали в один слой, в центре — в два. Могильная яма смещена от центра кургана к северу. Подовальной

формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 2,2x1,35 м. Сузилась ко дну до 1,75x0,95 м. Глубина ямы — 2,95 м. Погребен один человек у западной стенки могилы. Между ним и стенкой сохранились фрагменты деревянной пласки (?). Кости погребенного сдвинуты к стенке. Головой он ориентирован на юго-юго-восток (рис. 7-2). В юго-восточному углу находились два глиняных сосуда (рис. 12-1, 2) и позвонки барана. Дно, в отличие от остальных могил, было из плотной глины.

Курган 8. Насыпь частично разрушена. Ее сохранившаяся часть размерами 5,2x5,0 м, сложена из рваных камней, лежавших в один слой. Могильная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее размеры — 2x1,3 м. Сужалась ко дну до 1,8x1,0 м. Глубина от современной дневной поверхности — 2,55 м. Могила разрушена. По контуру ямы прослежен древесный тлен. По-видимому, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Из инвентаря сохранились фрагменты глиняного сосуда с налепными ушками, два железных ножа, бронзовое кольцо.

Курган 9 (рис. 7-III). В насыпи, среди камней, в трех местах отмечены скопления фрагментов неорнаментированной керамики от разных сосудов. Насыпь прямоугольной формы, вытянута с севера на юг. Ее наибольшие размеры — 4,8x4,6 м. Сложена из рваных камней. Крупные камни располагались в основном по краю насыпи в один слой, ближе к центру — в два. Могильная яма смещена к востоку от центра кургана. Она ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Ее размеры 1,9x1,1 м. На дне могилы (на глубине 1,7 м) сооружен четырехугольный каменный ящик. Длинные стенки сложены из двух плит каждая, короткие — из одной. Высота плит до 0,35-0,4 м. Размеры ящика между плитами — 1,35x0,61 м. Погребено два человека: взрослый и ребенок. Захоронения потревожены. Взрослый уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами головой на юг. Ребенок лежал, вероятно, в такой же позе, головой на юг (рис. 6-3). У восточной стенки найдены позвонки барана и глиняный сосуд с четырьмя ушками (рис. 4-5), а также миниатюрный бронзовый чекан, нож, кинжал (рис. 8-2, 4, 5).

Курган 12. Находится в 13 м к востоку от кургана 9. Насыпь вытянута с востока на запад. Ее наибольшие размеры 6,65x5,8 м. Сложена из рваного камня. Много крупных камней. В восточной части объекта западина размерами 1,9x1,6 м, глубина 0,2 м. Камни лежали в основном в один слой. Могильная яма располагалась под западиной. Яма ориентирована с севера на юг. Ее первоначальные размеры 1,8x1,1 м, по дну — 1,65x0,95 м. Глубина — 2,1 м. По контуру могилы на дне зафиксированы остатки дерева очень плохой сохранности. Погребены взрослый и ребенок. Взрослый уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Кости ребенка потревожены. Удалось только определить, что головой он ориентирован на юг (рис. 7-IV). Все кости очень плохой сохранности. В юго-восточном углу находились остатки сосуда с налепными ушками слабого обжига, к северо-востоку от него найден миниатюрный бронзовый нож (рис. 11-4).

Курган 11 (рис. 10-1, II). Находится в 19 м к востоку от кургана 12. Насыпь вытянута с северо-востока на юго-запад на 5,75 м, с севера на юг — 5,25 м, с запада на восток — 5 м. Сложена из рваных камней и плит, уложенных по кругу по краю насыпи в один слой, ближе к центру — в два. Могильная яма ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Ее первоначальные

размеры 2,6x1,45 м, по дну — 2,1x0,9 м. Глубина — 2,25 м. На дне находилась деревянная рама. Дерево плохой сохранности. Погребены два человека. Западный погребенный частично перекрыт деревянной плаской. Оба умерших были уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Сохранность костей плохая. В юго-восточном углу могилы располагались два сосуда: высокий — с четырьмя ушками, низкий — с двумя (рис. 9-3, 5). У одного из погребенных между тазовыми и бедренными костями находилось бронзовое зеркало (рис. 8-3).

Курган 13 (рис. 10-III). Крайний в цепочке, находится в 12 м к востоку от кургана 10. Насыпь ориентирована горизонтально и вертикально стоящими камнями и плитами. С западной стороны они лежали двумя полукругами. Насыпь округлой формы размерами 5,5x5,75 м. Сложена из рваных камней и плит, которые уложены преимущественно в один слой. В северо-восточной части кургана камней не было. Почти в центре объекта среди камней обнаружено скопление фрагментов керамики от 5-6 сосудов (рис. 4-7; 9-4, 7). Некоторые сосуды орнаментированы (елочка и зигзаг). Могильная яма смещена к востоку от центра кургана. Она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее первоначальные размеры — 2,5x1,5 м, по дну — 1,8x1,0 м. Глубина — 2,65 м. Вдоль стенок могилы по дну сохранились остатки дерева. Погребен один человек, уложенный на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. В могиле, очевидно, находились 2 глиняных сосуда, один из них с ушками и налепным валиком, 2 бронзовых зеркала с ручками (рис. 11-1; 8-1), два шила и бляшка (рис. 11-2, 3, 6).

Курган 14 (рис. 10-IV). Расположен в 20 м к северу от кургана 13. Насыпь округлой формы диаметром 4,8 м. Камни лежали в один слой. В центре объекта их не было. Могильная яма зафиксирована в центральной части кургана. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее первоначальные размеры 3,3x2,9 м, по дну — 2,9x2,4 м. Глубина — 3,52 м. Погребены два человека и лошадь, которая была уложена у восточной стенки на левом боку с согнутыми ногами, головой на юго-восток. Умершие, по-видимому, были уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Кости очень плохой сохранности. Между головами лошади и человека находились развалы двух глиняных сосудов и железный кольчатый нож (рис. 11-9). Оба сосуда с ушками (рис. 9-6; 12-4); у одного — налепной валик, у второго — несколько дырочек на тулове. Один из них очень слабого обжига.

Могильник Верх-Еланда 2 выделяется среди памятников скифского времени в Горном Алтае в первую очередь расположением курганов. Для скифских памятников характерно расположение курганов цепочками с севера на юг [3, табл. 1, 2]. Иные ориентации цепочек встречаются как исключение из правил, например, на Кайнду — с северо-северо-востока на юго-юго-запад и северо-востока на юго-запад [4, с. 242, 243]. На могильнике Верх. Еланда 2 выделяются цепочка курганов 5-13, расположенных с востока на запад, и микроцепочка курганов 1-4, ориентированных с севера на юг (рис. 1). Вторая отличительная черта памятника — ориентация погребенных головой на юг, юго-юго-восток и юго-восток, в то время как на других памятниках умершие обычно ориентированы головой на восток, реже на северо-востоко-восток, запад, северо-запад [3, табл. 1, 2; 4, с. 242-270]. Ориентация на

юго-восток встречается редко, в частности, на могильниках Дялян — к. 15, 16 [5, с. 66], Ташанта 1 — к. 1, 2 [6, с. 195, 197], Кайнду — к. 42, 18, 16 [4, с. 246, 263], Белый Бом 2 — к. 61 [7, с. 98]; на юго-юго-восток и юг на могильниках Белый Бом 2 — к. 28 [7, с. 98], Айрьдаш III — к. 1, 3, 5, 6, 7, 8 [18, с. 210–221]. Своеобразна и конструкция надмогильных сооружений на Верх. Еланде 2. В нескольких случаях прослежены под насыпями кольца или дуги из вертикально поставленных плит, иногда заглубленных в материк, тогда как на других памятниках крепики составлены из крупных камней (валунов или глыб) или отсутствуют вообще.

В могильных ямах на Верх. Еланде 2 прослежено 3 типа конструкций: 1) остатки срубов до двух венцов; 2) рамы из плашек или жердей, уложенных в один венец, на одном уровне впритык, не перекрывая друг друга; 3) каменные ящики. Срубы и каменные ящики часто встречаются в скифских могилах в Горном Алтае [3, табл. 1, 2]. Деревянные рамы, безусловно, зафиксированы на Кайнду — к. 40, 41, 42, 1, 3, 5, 6, 13, 18 [4, с. 242–270] и, по-видимому, были и на других памятниках, в частности, на Бике 1 — к. 5, 6 [9, с. 51, 53] и Айрьдаше III — к. 2 [8, с. 213–214].

Отличается от других памятников Верх. Еланда 2 и тем, что только в 6 из 13 могил похоронено по одному человеку. Только на Боротале III в трех из шести — одиночные захоронения [10, с. 180–191] и Бураты IV из трех в одной могиле одиночное захоронение [11, с. 90–109]. Но на Бураты IV это может быть и случайной выборкой. Обычно в скифских могильниках преобладают одиночные захоронения.

Несмотря на то, что большинство курганов не тронуты, в них мало инвентаря, который, в основном, представлен глиняными сосудами. Керамика найдена и в насыпях, и в могилах. Сосуды из насыпей и могил различаются по всем признакам. В насыпях найдены преимущественно баночные сосуды. За исключением одного, из кургана 2, они сохранились в обломках и полностью не восстанавливаются.

Аналогий в Горном Алтае им пока известно мало, в частности, в могильнике Бийке 1 — к. 1 [12, с. 67–69]. Наибольшее сходство они имеют с керамикой более северных территорий Бийского и березовского этапов [13]. В насыпи кургана 13 найдены фрагменты от нескольких профилированных горшков и одного небольшого цилиндрического сосудика. Подобный цилиндрический сосуд найден на поселении Майма I [14, с. 182]. Два сосуда, орнаментированные прочерченными линиями в виде зигзага, имеют аналогии по орнаменту в Бике 1 — к. 2 [9, с. 46].

Керамика из могил по формам также имеет аналогии. Сосуды из курганов 2 и 3 похожи на сосуд из Кайнду — к. 2 [4, с. 248]. По форме их можно сравнить и с керамикой из Алферовского могильника [15, с. 121]. Имеют сходство сосуды из кургана 6 и из Кайнду — к. 5 [4, с. 248], Дяляна — к. 15 (5); из кургана 7 Верх. Еланды 2 и Кара-Кобы II — к. 5 [16, с. 73]. Сосуды со сливом, а вдобавок еще и с ушками и валиком встречаются редко. Фрагменты сосуда со сливом и ушками найдены в Кызыл-Джаре III — к. 1 [17, с. 63]. Пожалуй, ни на одном могильнике в Горном Алтае нет такого количества керамики с налепными ушками: из 19 сосудов — 10 с ушками, 4 — с валиком и ушками одновременно. Глиняных сосудов с налепными валиками к настоящему времени в Горном Алтае найдено много, например, Кок-Су I — к. 25 [18, с. 73]; Усть-Кожоло [19, с. 93], Уландрыке II — к. 7, 11; Уландрыке I — к. 1, 3, 14 [6, с. 205, 209, 228 и др.]; Кастакте — к. 28 [20, с. 181]; Кызыл-Джаре I — к. 2, 6 [21,

с. 27]; Ташанте IV — к. 4 [6, с. 296] и др. Сосуды с налепными ушками также встречаются в скифских могилах, хотя и реже, чем с валиками, в частности, на могильниках Кайнду [4, с. 254]; Кара-Коба II — к. 1, 3 [16, с. 4]; Талдур а I — к. 4 [22, с. 105]; Бике 1 — к. 5, 8, 2, 1 [9, с. 45, 46, 52, 55]; Айрьдаше II — к. 1 [8, с. 212]; Уландрыке I — к. 5 [6, с. 213]. Сосуды, имеющие одновременно валик и ушки, находят еще реже: они известны в могильниках Уландрык II — к. 11, 5 [6, с. 243, 254]; Катонском — к. 14 [23, с. 53].

Ушек на сосуде может быть либо два, либо четыре. Они располагаются на венчике, шейке или тулове. На керамике из Верх-Еланды 2 их также бывает от двух до четырех, но налеплились они только на венчик и шейку. По налепу они делятся на два типа. Тип 1 — ушки, полученные в результате налепа жгута длинной стороной вокруг отверстия на сосуде (рис. 4–4; 9–3, 5, 7); тип 2 — ушко, полученное в результате налепа жгута основаниями на сосуд. Отверстие в таких случаях образовано жгутом (рис. 4–5). В Верх. Еланде 2 в 9-ти случаях зафиксированы ушки типа 1 и в одном — типа 2. Аналогии типу 1 есть на сосудах из могильников Уландрык II — к. 5; Талдур а I — к. 4; Кызыл-Джар III — к. 1; Катонском — к. 2, 14; Айрьдаше III — к. 1. Аналогии типу 2 известны из могильников Кара-Коба II — к. 1, 3; Кайнду — к. 13; Бике 1 — к. 1, 2, 5. Два типа ушек свидетельствуют о двух технологических традициях их изготовления.

Разные технологические традиции прослеживаются и в рецептах формовочных масс, обработке поверхностей, обжиге. Даже предварительный анализ позволяет установить, что по искусственно введенным минеральным примесям в формовочную массу особо выделяется сосуд из кургана 9, т. е. тот же сосуд, что имеет ушки типа 2.

Разные технологические традиции свидетельствуют, как правило, о том, что сосуды изготовлены разными гончарами, представляющими разное население [24]. Интересно, что для кургана 9 зафиксирован еще один нетипичный для данного памятника признак — погребение в каменном ящике. На могильнике каменные ящики были только в двух случаях из 13-ти. По-видимому, сочетание этих признаков не случайно.

Имеет аналогии и остальной инвентарь. Бронзовое зеркало из кургана 11 — плоский диск диаметром 6,2 см, с боковой ручкой в виде трапеции, расширяющейся от диска, с треугольной прорезью в петле. Ручка — одно целое с диском. Имеет наибольшее сходство с зеркалами из могильников Юстьд XII — к. 3, 4 [25, с. 133]; Джолин I — к. 1 [25, т. LXXI–I] и Узунтал III — к. 3 [26, с. 49], датируемые авторами V–III вв. до н. э.

Бронзовые зеркала из кургана 13 — массивные диски диаметрами 10,5–10,7 см с центральными ручками в виде кнопок на трех и четырех ножках. Диск зеркала с ручкой на трех ножках слегка вогнут. Высота ручки до 2,5 см, высота ручки второго зеркала до 1,7 см. Кнопка у этого изделия имеет подчетыреугольную форму, а у трехножного зеркала — она скорее аморфная. Наиболее близкие аналогии им известны в могильниках Кок-Су I — к. 30 [18, с. 74, 85, 89], и из Чистоостровского — к. 1 и раскопок А. В. Адрианова, вероятно на Илюсе [27, с. 84, т. 21–6, 7]. Авторы датируют подобные зеркала с IV по III вв. до н. э., но чаще VI–IV вв. до н. э. В нашем случае зеркала более массивные, возможно, и более раннего происхождения.

Бронзовому ножу из кургана 12 имеются аналогии в Кок-Су I — к. 18 [18, с. 70] и Юстьде XII — к. 9 [25, т. XXVIII], миниатюрному ножу из кургана 9 — относительные аналогии в Кайнду [4], Тьткескене 6 [28, р. 2–16].

Рис 1. Курганный могильник Верхняя Еланда-2

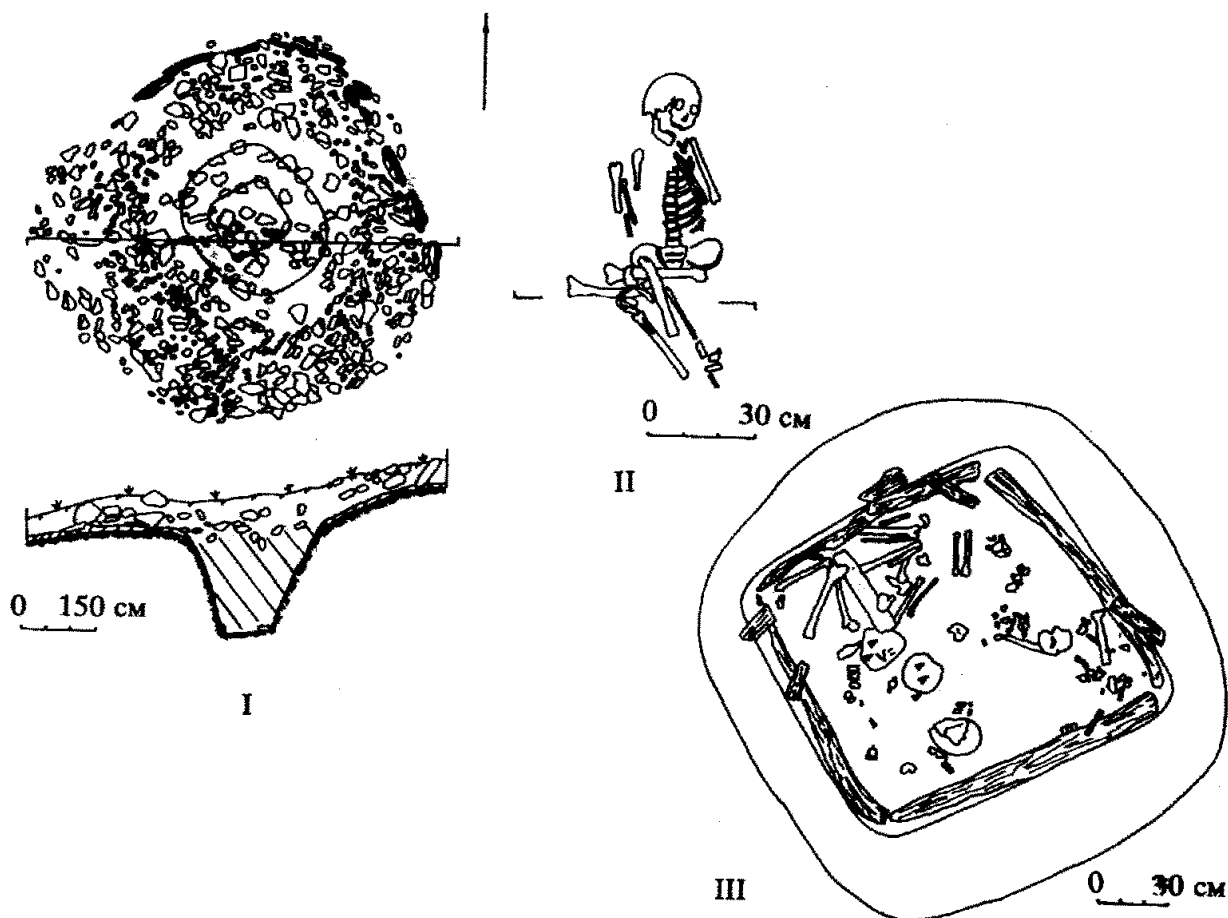

Рис. 2. План и разрез кургана № 1(1), план погребения № 2 (II) и погребения № 1(III) кургана № 1

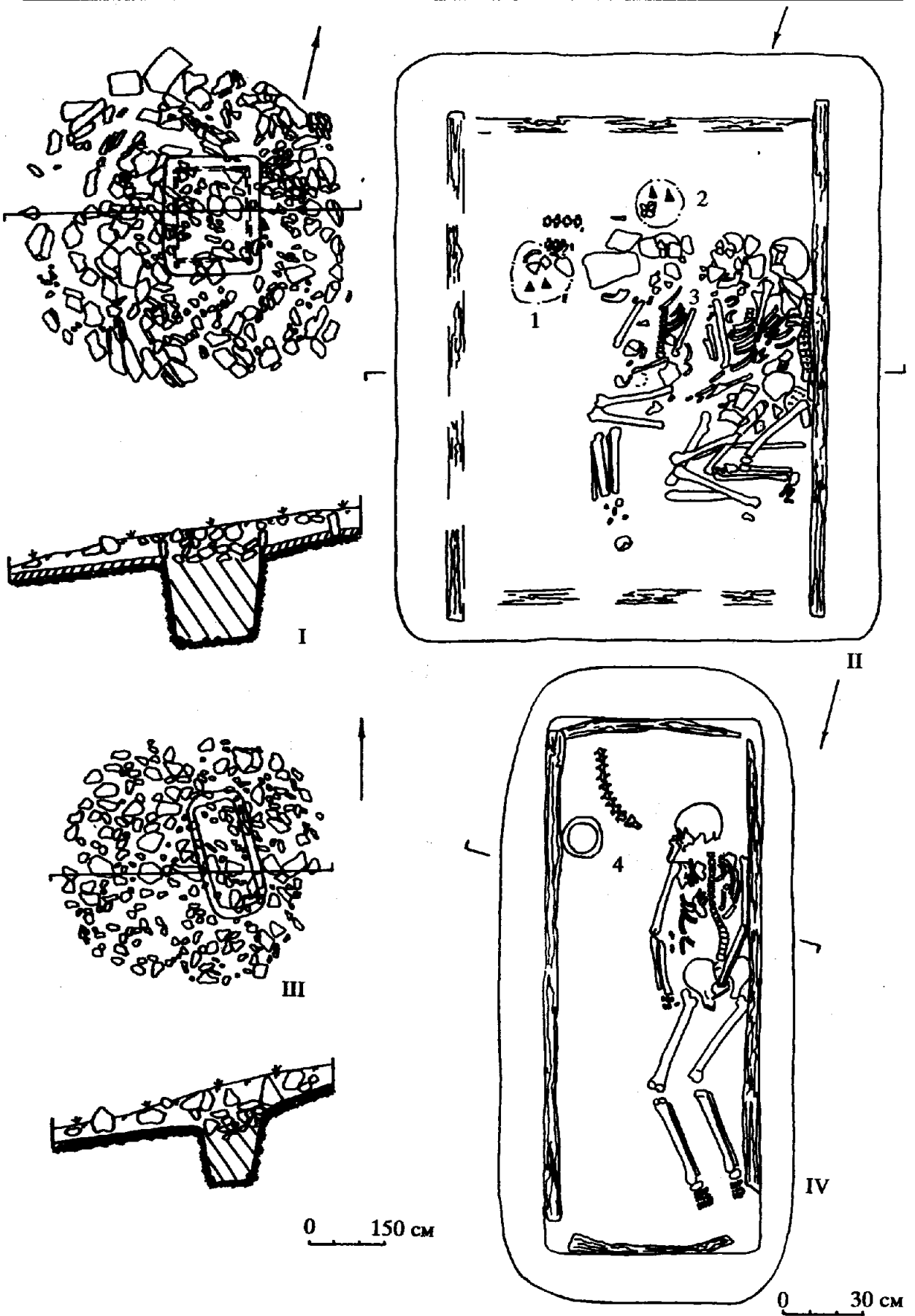

Рис. 3. Планы и разрезы курганов № 2(I) и 3(III), планы погребения кургана № 2(II) и 3(IV).
1, 2, 4, 5 - глиняные сосуды; 3 - золотое украшение

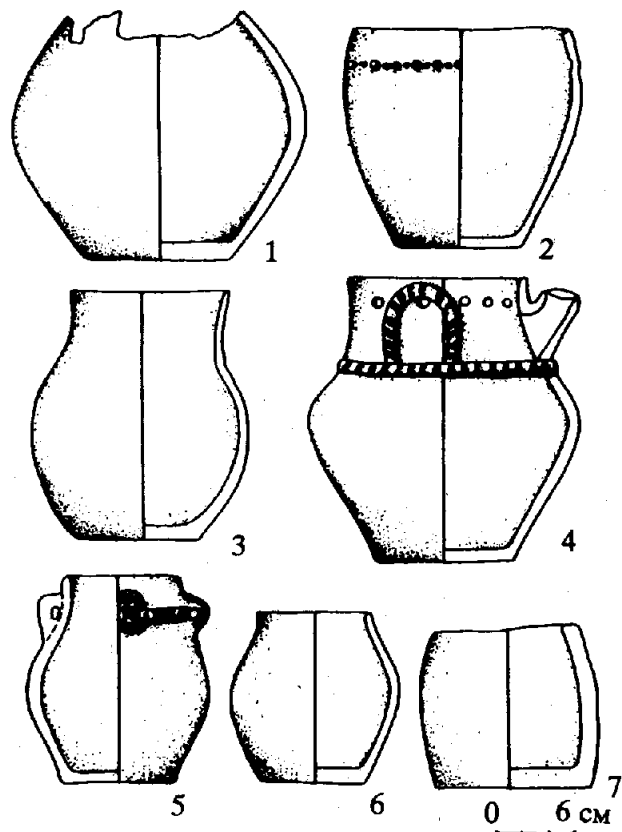

Рис. 4. Глиняные сосуды из курганов № 1(1), № 2(2, 3, 4), № 9(5), № 6(6), № 13(7)

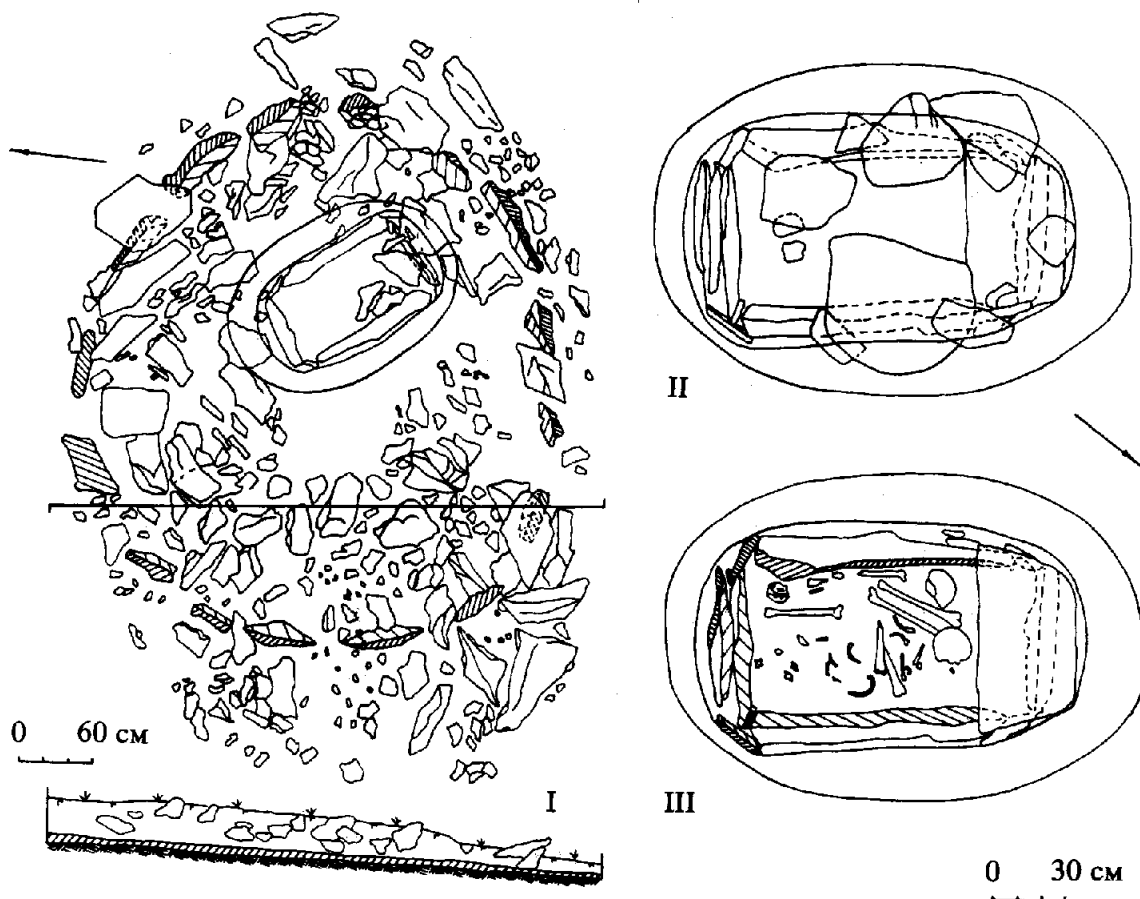

Рис. 5. План и разрез кургана № 5(1), план перекрытия (II) и погребения в каменном ящике (III) кургана № 5

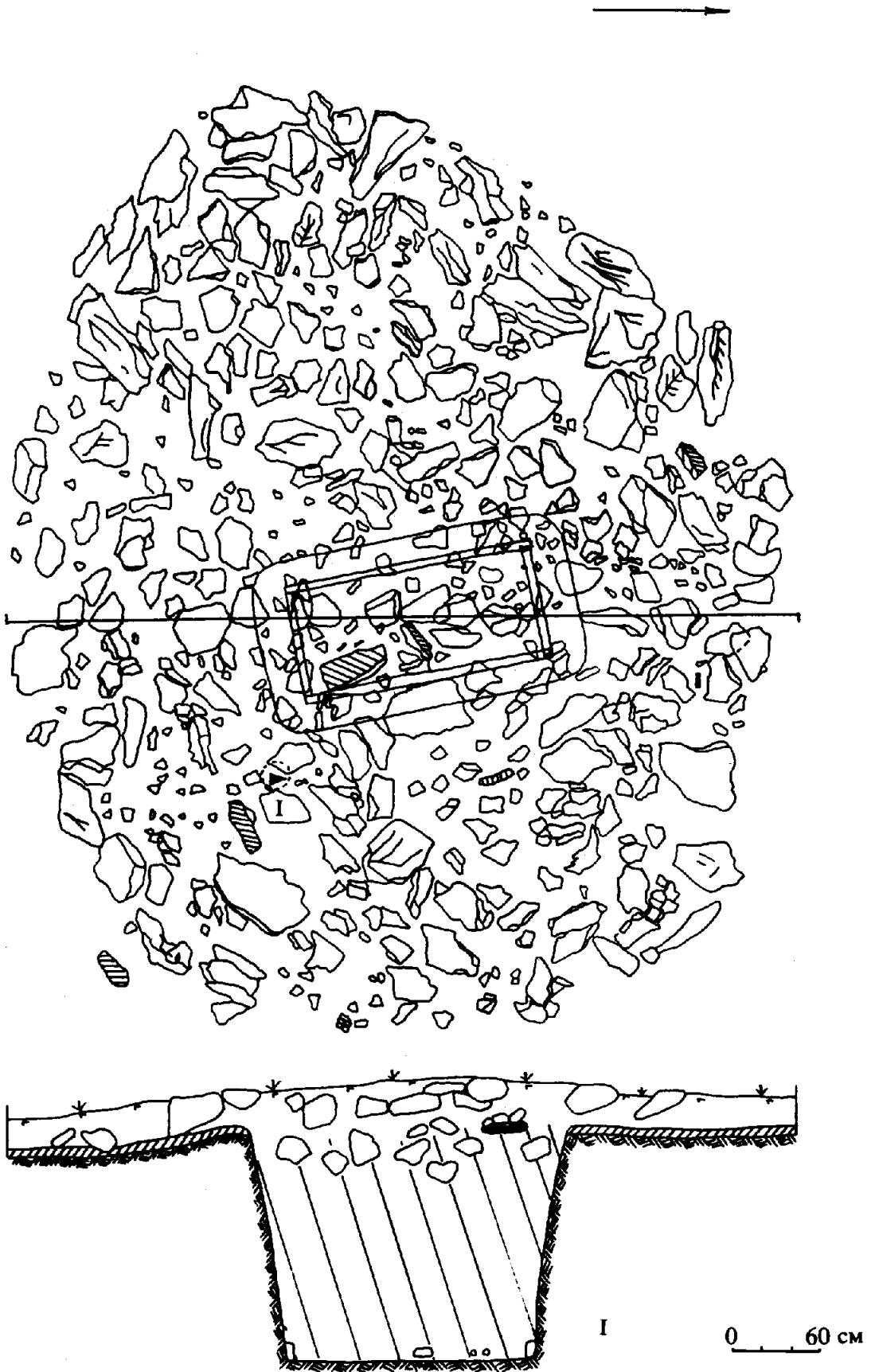

Рис. 6. План и разрез кургана № 6 (1). I - развал глиняного сосуда

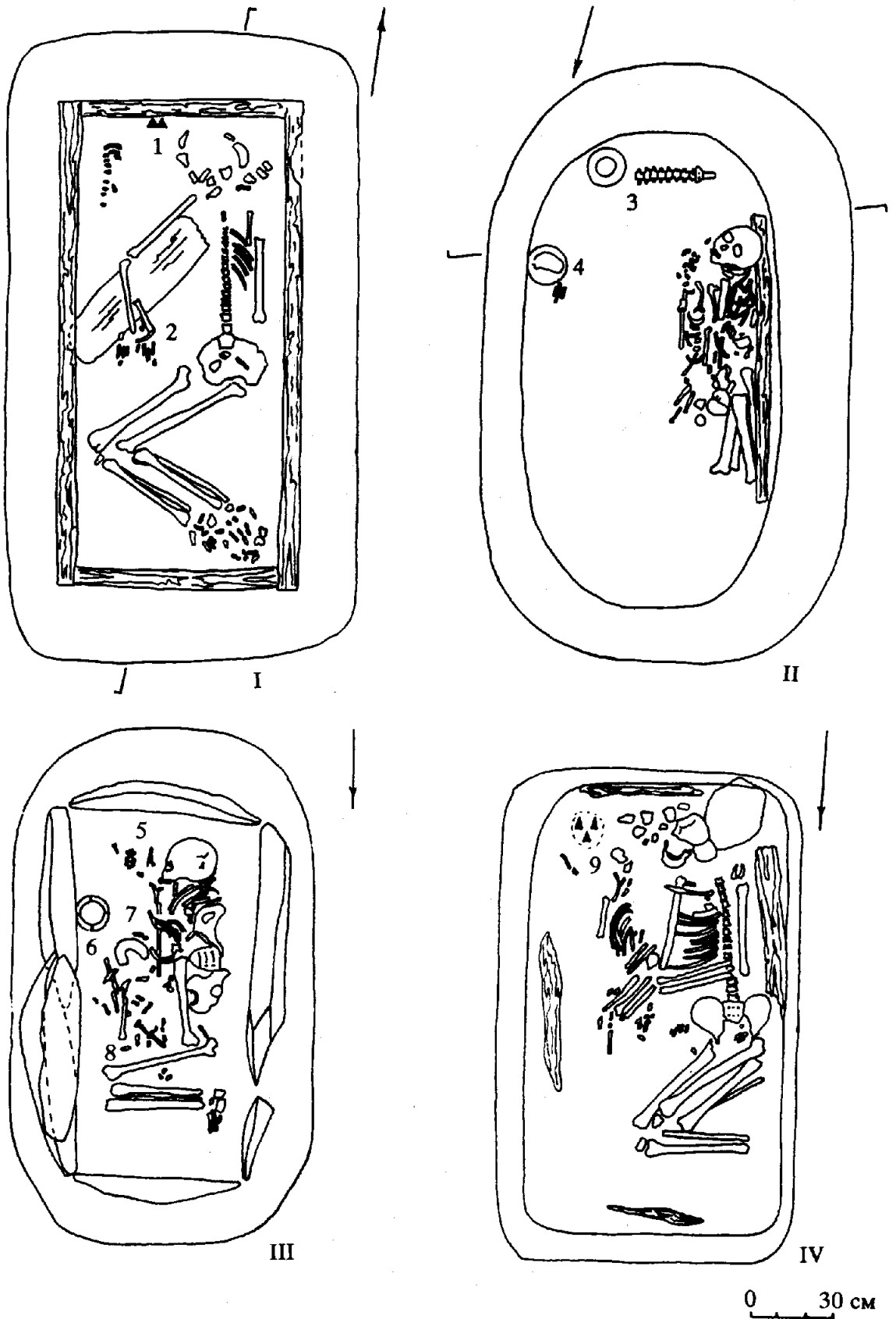

Рис. 7. План погребения курганов № 6(I), № 7(II), № 9(III), № 12(IV). 1, 3, 4, 6, 9 - глиняные сосуды; 2 - бронзовый предмет; 5 - бронзовый нож; 7 - бронзовый чекан; 4 - бронзовый кинжал

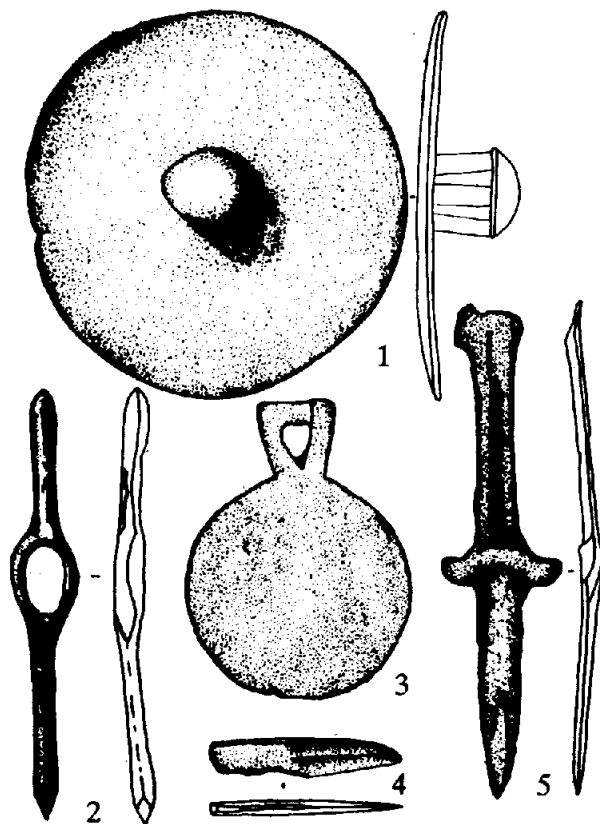

Рис. 8. Предметы из погребений курганов № 13(1), № 9(2, 4, 5), № 11 (3). 1-5 - бронза

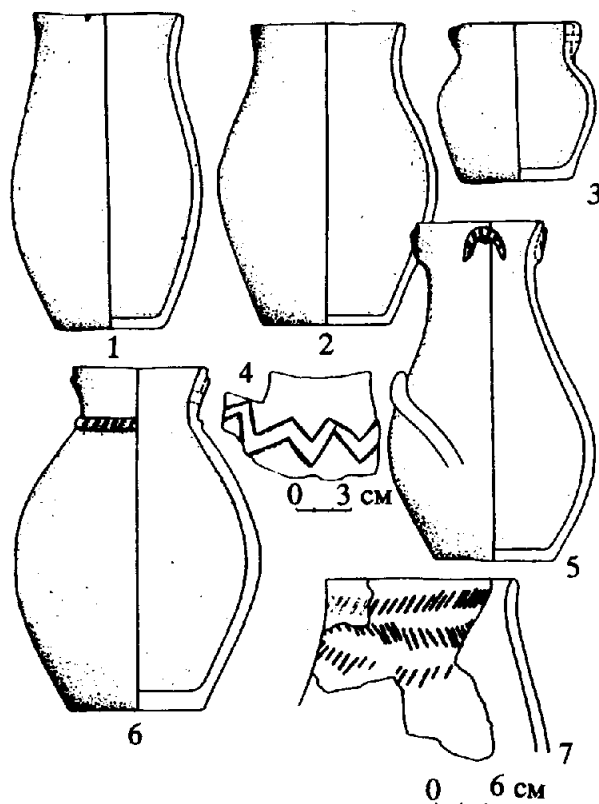

Рис. 9. Глиняные сосуды из курганов № 3(1), № 4(2), № 11(3, 5), № 14(6), № 13(4,7)

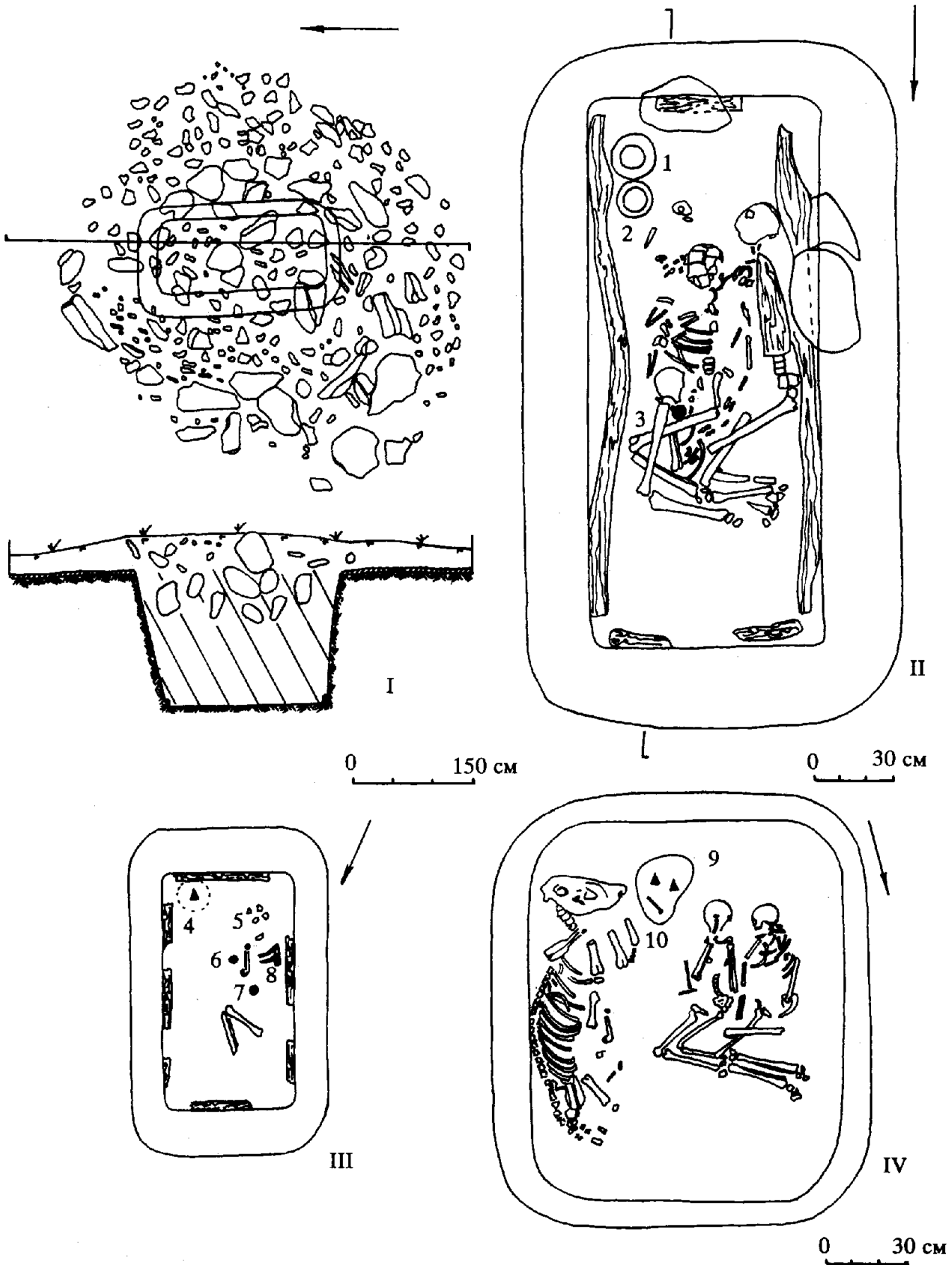

Рис. 10. План и разрез кургана № 11(I), план погребения в нем (II), план погребения курганов № 13(III), № 14(IV). 1, 2, 4, 9 - глиняные сосуды; 3, 6, 7 - бронзовые зеркала; 5 - бронзовая бляшка; 8 - бронзовое шило; 10 - железный нож

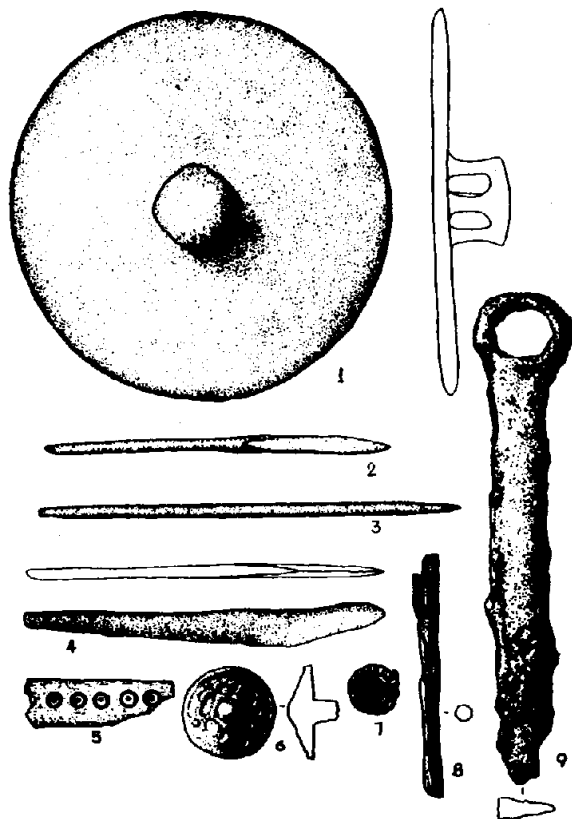

Рис. 11. Предметы из погребений курганов № 13(1, 2, 3, 6), № 12(4), № 10(5), № 2(7), № 6(8), № 14(9)

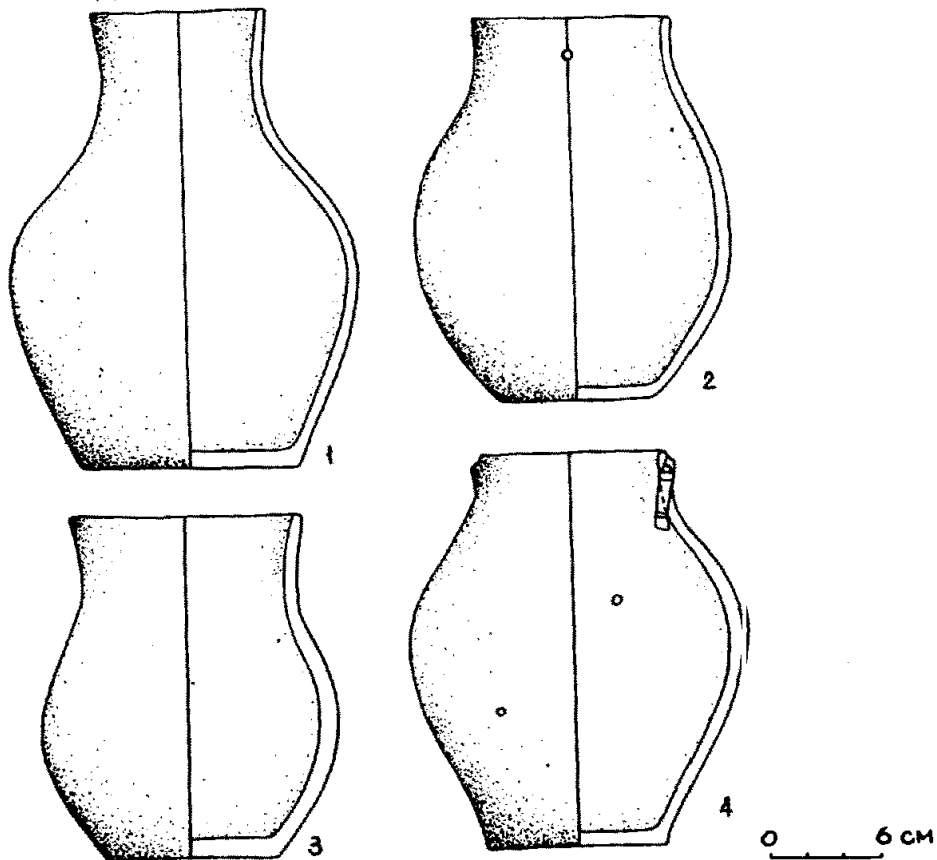

Рис. 12. Глиняные сосуды из курганов № 7(1, 2), № 14(4), № 4(3)

Железные кольчатые ножи того же типа, что из кургана 14, известны в могильниках Узунтал III — к. 3 [26, с. 51], Алагаил — к. 1 [10, с. 189], Боротал III — к. 5 [10, с. 185], Бураты IV — к. 11 [11, с. 107], Юстыд XII — к. 27 [25, т. LIX-3]. Большинство авторов датируют их концом I тыс. до н. э., а В. Д. Кубарев считает, что нижнюю дату их бытования следует ограничить IV–III вв. до н. э. [25, с. 71].

Бронзовые чекан и кинжал из кургана 9, видимо, изготовлены специально для погребения. Они миниатюрны или, по другой терминологии, — малые. Чекан проушной, его длина — 12 см. Наиболее близкое сходство он имеет с чеканом из Тербедека I — к. 1 [29, с. 159]. Длина кинжала — 13,5 см. Детали его проработаны недостаточно четко, особенно навершие. Лишний металл не убран. Безусловно, это копия.

Находки бронзовых шильев в скифских курганах Горного Алтая — явление редкое. Они найдены в Каракольском кургане [30, с. 17, р. 5–0], Джолине I — к. 7 [25, LXIX-3]. Чаще они встречаются в скифских могильниках Тувы [31].

Первым на могильнике Верх-Еланда 2, по-видимому, был сооружен курган 13, а от него с востока на запад возведены остальные. Считать его наиболее ранним позволяет комплекс вещей. В то же время по аналогии инвентарю остальные курганы можно датировать IV–III или V–III вв. до н. э. К сожалению, инвентарь из могильника не позволяет определить более узкие хронологические рамки, хотя памятник, по-видимому, сооружался не в течение 2–3 столетий, а в более короткий срок. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, небольшое количество курганов, с другой — близкая по технологическим признакам керамика из курганов 14, 13, 12; 11, 8, 1, которая, вероятно, изготовлена в короткий промежуток времени.

Анализ погребального обряда и инвентаря наводит на мысль, что население, оставившее могильник, не было однородным. С одной стороны, наличие общих традиций, таких, как ориентация погребенных на юг, юго-восток, с другой — три типа устройства могильных ям, при явном преобладании второго (деревянные рамы), разные традиции в изготовлении керамики и т. д. По-видимому, этот памятник — следствие не только механического смешения, но и более сложных процессов, которые еще не завершились. Хотя аналогии в погребальном обряде имеются, особенно на средней Катунь, касаются они отдельных черт, а не их совокупности. Аналогии инвентарю, в частности, керамики, есть не только в Горном Алтае, но и на более северных территориях: могильники Аэродромный [32], Бийск 1 [33], Мальев Гоньбинский Кордон, Чудацкая Гора и др. [34, 35], а также в Монголии [36] и Туве [31]. По-видимому, раскопками могильника Верх. Еланда 2 подтверждено предположение, что средняя Катунь служила зоной контактов различных групп населения (лесостепного, предгорного и Горного Алтая, и, вероятно, других регионов) и формирования новых этнических общностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулганеев М. Т. Работы в горном и лесостепном Алтае// АО, 1983. М., 1985. С. 189.
2. Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Новые материалы из курганов конца I–начала II тыс. н. э. средней Катунь// Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и материалов к конференции. Барнаул, 1990. С. 120–123.
3. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
4. Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае// Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242–270.
5. Тетерин Ю. В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине средней Катунь// Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы к конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 65–66.
6. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.
7. Владимиров В. Н., Шульга П. И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая// Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.
8. Кочеев В. А. Курганы урочища Айрыдаш III// Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 210–224.
9. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике// Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
10. Могильников В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил// СА, 1980. № 2. С. 180–191.
11. Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Курганы урочища Бураты// Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–109.
12. Тишкин А. А., Харченко Т. В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае// Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и материалов к конференции. Барнаул, 1990. С. 67–70.
13. Грязнов М. П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка// МИА. № 48. М.-Л., 1956. 226 с.
14. Киреев С. М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая// Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.
15. Суразаков А. С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае// Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
16. Могильников В. А. Курганы Кара-Коба III// Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–89.
17. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 40–71.
18. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су// АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974. С. 62–91.
19. Кочеев В. А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году// Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 91–93.
20. Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кастахта// Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.
21. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I–VIII — памятник пазырьской культуры Алтая// Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–39.

22. Могильников В. А., Елин В. Н., Курганы Талдура // КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 103–109.
23. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. № 8. 1966. С. 39–60.
24. Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения: Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. (София, сентябрь 1980). М., 1980. С. 57–59.
25. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
26. Савинов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 48–55.
27. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
28. Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Неверов С. В. Аварийные раскопки на средней Катунини // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.
29. Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Мартынова Г. С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
30. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 489 с.
31. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
32. Кунгуров А. Л., Кунгурова Н. Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
33. Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ, № 3. 1961. С. 89–108.
34. Абдулганеев М. Т., Владимиров Н. В. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая второй половины I тыс. до н. э. // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1981. С. 93–107.
35. Абдулганеев М. Т., Казаков А. А., Неверов С. В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 58–61.
36. Волков В. В. Улангомский могильник: По материалам раскопок 1972 г. // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101–107.

М. Т. Абдулганеев, О. В. Ларин

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЙТЫГЕМА

Река Бойтыгем — правый приток Катунини — протекает в узком ущелье в 26 км выше с. Куюс. В устьевой своей зоны она разделяет долину Катунини на две части. Протяженность обеих долин достигает 2 км, ширина не превышает 0,7 км. По обеим берегам реки в устье находятся разнообразные археологические памятники: курганы, ограды, кольца, стелы и петроглифы. В 1930–1950-е годы долины распахивались, о чем свидетельствуют кучки камней по краям полей и частично разрушенные бульдозерами курганы. В 1983–1984 гг. в связи с планируемым строительством Катунской ГЭС были картографированы все археологические памятники в зоне предполагаемого затопления, в том числе и на Бойтыгеме [1]. В 1989 и 1991 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета и Горно-Алтайского центра археологических исследований на могильниках Бойтыгем 1, 2 (правый берег Бойтыгема) и 4 (левый берег) были раскопаны 23 объекта, в том числе 13 афанасьевских, 6 майэмйрских и 3 древнетюркских. Настоящая публикация посвящена исследованиям афанасьевских памятников.

Могильник Бойтыгем 1 (рис. 1–3) находится в 1,5 км от устья р. Бойтыгем на северо-западной оконечности долины у прижима, отделяющего последнюю от урочища Карлагаш. Визуально на могильнике выделяются четыре группы, включающие 77 объектов: курганы, ограды, кольца и стелы. В северной группе помимо цепочек курганов скифского времени были заметны четыре плоских кургана, располагавшиеся, в отличие от раннежелезных, параллельно течению реки. Один из них был раскопан в 1989 г.

Курган 1 (рис. 1–1, 2) исследован раскопом 8х10 м. После зачистки оказалось, что насыпь представляет собой кольцо, сложенное из камня. Камни частично рассыпались, а сохранившиеся лежали в два слоя. Диаметр ограды составил 7,5 м; высота 0,4 м; первоначальная ширина кольца — 1,5 м. Могила имела овальную форму (длинная ось северо-запад—юго-

восток) и размеры 1,75х1,05 м. При разборке развала камней в центре на краю могильной ямы обнаружена лежащая вверх дном курильница с ручкой и полым поддоном, орнаментированная гребенчатым штампом (рис. 2–2). На глубине 1,6 м от материка лежал скелет взрослого человека на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и завалившимися налево ногами, согнутыми в коленях, головой на юго-восток (рис. 1–4). Погребенный засыпан охрой, а справа от его черепа находился остроугольный горшок, орнаментированный гребенчатым штампом (рис. 2–1).

Могильник Бойтыгем 2 (рис. 3–4) находится между могильником Бойтыгем 1 и устьем р. Бойтыгем, в 0,5 км от последнего. Разделен на 5 групп, состоящих из 79 объектов. Визуально выделяются курганы и кольца из валунов скифского времени, уплотненные курганы с ящичками и без них майэмйрской культуры, прямоугольные древнетюркские ограды и ограды-кольца или уплотненные курганы афанасьевской культуры. Последние ничем не отличаются от подобных раннескифского времени, а в северной группе рас-полагаются вместе. Курганы 1, 9–16 и 20 находились в южной группе могильника, 5 — в центральной, 7 и 17 — в северной. Поэтому их описание будет дано не по порядковому следованию номеров, а по территориальным группам.

Курган 1 (рис. 1–2) исследовался раскопом 7х8 м. После зачистки зафиксирована развалившаяся каменная ограда с частично сохранившимся крепидным основанием из более крупных камней. Диаметр ее составил 6,5 м, первоначальная ширина кольца — 2 м. В центре находилась яма трапецевидной формы размерами 1,75х0,9(0,6) м, ориентированная длинной осью по линии северо-восток—юго-запад-запад. Засыпка ее в верхней части была материковой. На глубине 0,75 м от материка лежал скелет женщины 15–17 лет (здесь и далее определения А. Р. Кима) на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, согнутыми в коленях и завалившимися направо,

головой на северо-восток-восток (рис. 3-3). Рядом с черепом найдены круглодонный сосуд, украшенный гребенчатым штампом и резными линиями (рис. 4-4), две чашечки на поддонах, одна из них вверх дном (рис. 4-1, 2), остроресберный сосуд без орнамента (рис. 4-3) и кости животных.

Курган 9 (рис. 7-1, 2) исследовался общим раскопом площадью около 280 кв. м с курганом 10 (рис. 7-3). Рядом с курганами находилась современная искусственная выемка грунта. Оказалось, что южная и западная части кургана 9 полностью разрушены, а в нетронутым состоянии осталась только северо-западная часть. Курган 9 первоначально представлял собой ограду-кольцо из плоских валунов и плит, сложенных в 2-4 слоя, высотой 0,5 м и диаметром 7 м. Ширина кольца — 0,5 м. В центре кольца, видимо, находилось какое-то центральное сооружение, состоявшее из земли и валунов. Под ним по уходящим в глубину камням, углам и кускам дерева прослежена могильная яма подпрямоугольной формы размерами поверху 2,0x2,4 м, ориентированная длинной осью по линии северо-запад—юго-восток. Первоначально могила имела деревянное перекрытие, затем сгоревшее и провалившееся вовнутрь. Ко дну (глубина от материка 1,0 м) размеры ее уменьшились до 1,15x1,7 м. В центре могилы на глубине 0,8 м было зафиксировано большое пятно охры мощностью 20 см, идущее до дна, вероятно, остатки сосуда или мешочка из бересты либо кожи. В нижней части (у локтя погребенной) найдено костяное изделие (рис. 4-15). На дне обнаружены отдельные кости женщины (40-45 лет), по которым можно установить ее первоначальное положение. Погребенная была уложена на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, согнутыми в коленях и завалившимися налево, головой на север-запад (рис. 7-4). В могиле обнаружены: у юго-западной стенки — удлиненная каменная галька, круглодонная корчага, украшенная гребенчатой качалкой (рис. 8-1), остродонный и круглодонный горшки, орнаментированные насечками и гребенчатым штампом (рис. 8-3, 4), в ногах — небольшой горшочек, украшенный насечками (рис. 8-2).

Курган 10 был почти полностью разрушен, а камни его сдвинуты на запад. Первоначальный диаметр его кольца составил около 8 м, ширина — около 1,5 м. Оно было сложено из обломочного материала и плит. В центре, вблизи могильной ямы, найдены фрагменты керамики (рис. 4-8) и кости человека. Могила имела трапециевидную форму, размеры 1,1(0,9)x1,9 м (длинная ось юго-запад-запад—северо-восток-восток). В заполнении встречались кости человека. На глубине 0,6 м от материка найдены сохранившиеся в неприкосновенности кости ног и сдвинутый к стенке череп мужчины (40-45 лет). Судя по ним, погребенный был уложен на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад-запад. Кости скелета окрашены охрой.

Курганы 11-16, 20 исследовались общим раскопом площадью около 310 кв. м (рис. 9-7). На современной поверхности были заметны контуры только четырех курганов, остальные два выявлены в процессе раскопок. Афанасьевские ограды располагались цепочкой на северо-запад—юго-восток, перпендикулярно течению Катуня. Ближе к берегу находился курган 16, последним в цепочке — курган 11. Остальные обнаружены между ними. С востока к афанасьевской цепочке был пристроен майэмирский курган 15. При раскопках между курганами 16, 13 и 20 зафиксированы две

костровые ямы. Описание раскопанных объектов дается с северо-запада на юго-восток.

Курган 11 (рис. 9-12) после зачистки представлял собой ограду-кольцо, сложенную из плит в 3-5 слоев, диаметром 7 м и высотой до 0,5 м. Ширина кольца — 0,5 м. В составе кольца прослежены камни красного цвета, лежащие с разрядкой между ними около 1 м. Внутри ограды находилось центральное сооружение из крупных валунов и глыб, представлявшее собой первоначально, внутреннее кольцо диаметром около 4,5 м. Могила подпрямоугольной формы размерами 1,6x2,2 м по верху и 1,6x1,0 м в низу (длинная ось юго-запад—северо-восток) находилась в центре кольца. На глубине 0,9 м от материка лежал скелет женщины (25-30 лет) на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища (левая кисть на бедре), и ногами, согнутыми в коленях и упавшими направо, головой на юго-запад (рис. 9-5). У правого локтя, в древесном тлене, найдена бронзовая пластинка (рис. 4-9), у колен — ребра животного, в северо-восточном углу могилы — скопление охры, вероятно, в мешочке из кожи или бересты.

Курган 12 после зачистки представлял собой кольцо, сильно рассыпавшееся, диаметром 3,5 м и шириной 0,5 м, сложенное из плоских камней. В центре лежала каменная плита, под ней — могила подпрямоугольной формы размерами 1,1x1,5 м (длинная ось юго-запад—северо-восток-восток). При выборке заполнения и на дне (0,6 м от материка) найдены отдельные кости ребенка.

Курган 14 после зачистки выглядел как кольцо из массивных блоков диаметром 3,5 м и шириной 1,0 м, частично разрушенное пристроенным к нему майэмирским курганом 15. Могила располагалась в центре, форма ее была подпрямоугольной, размеры 1,5x1,85 м (длинная ось юго-запад—северо-восток-восток), глубина 0,8 м от материка. В заполнении могилы и на ее дне найдены разрозненные кости взрослого человека. Непотроженной осталась только кисть левой руки, исходя из положения которой можно предположить, что погребенный лежал головой на юго-запад, видимо, на спине.

Курган 13 по конструкции был аналогичен кургану 11: кольцо из плит в 3-4 слоя диаметром 6 м, высотой 0,3 м и шириной 0,5 м. Внутреннее сооружение — кольцо, составленное из валунов и плит, имело диаметр 3 м. В центре ограды находилась подпрямоугольная могила размерами 1,7x2,0 м, ориентированная длинной осью по линии юго-запад-запад—северо-восток-восток. Она была перекрыта пятью плитами, частью сдвинутыми и перевернутыми. В заполнении могилы найдены фрагменты одного сосуда, затертого гребенчатым штампом (рис. 2-3), и разрозненные кости человека. На дне (глубина 0,65 м от материка) находились лежащие в анатомическом порядке позвоночник, часть грудной клетки, правая кисть и берцовые кости. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад-запад.

Курган 20 (рис. 9-3, 4) имел следующую конструкцию: кольцо из валунов диаметром 3 м в один слой, с запада — насыпь из таких же валунов. В центре кольца находилась могила округлой формы диаметром 0,9 м. На глубине 0,5 м от материка лежал скелет ребенка головой на запад, на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Кости ног (за исключением ступней) и череп отсутствовали (рис. 9-6). В районе пояса найдены десять обрезанных полых косточек птицы (рис. 4-10-14).

Курган 16 по конструкции был аналогичен курганам 11 и 14. Внешнее кольцо сложено из плит в 2-3 слоя, высотой до 0,35 м, имело диаметр 4,0 м и ширину 0,5 м. Внутреннее сооружение — кольцо диаметром 2,5 — составлено из крупных камней и валунов. В центре его находилась могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,4x2,0 м, длинной осью ориентированная по линии запад-восток. Могила была перекрыта тремя плитами, центральная из них сдвинута. В заполнении могилы найдены отдельные кости человека, а на дне (глубина 1,0 м от материка) находок не было.

Интересная деталь зафиксирована при разборке развалов камней оград южной группы. Наиболее вероятно, что рассыпались они одновременно, причем вскоре после сооружения: нижние камни развалов на 5-10 см врезались в материк, и следы от этого заметны вокруг всех без исключения сооружений. Ввиду естественного уклона местности, развал произошел главным образом в южную и восточную стороны. Причиной этого могло быть землетрясение.

Курган 5 (рис. 5-1, 2) внешне отличался от всех остальных афанасьевских объектов и имел вид высокой курганной насыпи с западиной в центре. Исследовался раскопом 10x12 м. После зачистки и разборки стало ясно, что наброска кургана представляет собой сплошную насыпь с крепидным кольцом из более крупных камней. Диаметр ее составил 9,5 м (крепидного основания — 7,5 м), высота — 0,75 м. При разборке в юго-западной части насыпи найдены две плиты перекрытия, выброшенные из могилы. В центре кургана находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 2,15x2,7 м по верху (длинная ось северо-восток—юго-запад), сужающаяся ко дну, на глубине 0,85 м от материка стенки ее стали вертикальными. Здесь же была найдена не тронутая грабителями плита перекрытия. На дне (1,25 м от материка) находилось разграбленное захоронение женщины (30-35 лет). В неприкосновенности остались лучевые и бедренные кости и частично череп. Исходя из их расположения, можно сказать, что погребенная лежала скорченно, головой на северо-восток (рис. 5-3). Часть костей была окрашена охрой, а у северного и восточного углов и за черепом были ее скопления. У северо-западной стенки найден раздавленный сосуд баночной формы, украшенный гребенчатым штампом (рис. 2-4).

Курганы 7 и 17 исследовались в разные годы и составили с маймирским курганом 6 один раскоп площадью более 160 кв. м (рис. 6-6). Курган 17 на поверхности не выделялся и был выявлен на уровне материка, а курганы 6 и 7 внешне ничем не отличались друг от друга.

После зачистки кургана 7 (рис. 6-1, 2) конструкция выглядела таким образом: удлиненное с юго-юго-запада на северо-северо-восток кольцо из крупных блоков размерами 4,0x5,5 м, внутри и вне которого лежал слой более мелких камней. Аналогичную форму и вид имели и маймирские курганы Бойтыгема (2, 6, 8, 15, 19). После снятия насыпи обнаружились две могильные ямы, расположенные параллельно друг другу поперек крепиды (длинная их ось — юго-запад-запад—северо-восток-восток). Южная могила имела размеры 0,9x2,0 м и глубину 0,6 м от материка. Кроме угольков, на дне в ней ничего не найдено. В северной могиле размерами 0,6x1,3 м и глубиной 0,6 м находилось погребение подростка (10-12 лет). Он лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад-запад, с кистями рук у колен (рис. 6-5). У правого локтя найден круглодонный горшок, орнаментированный гребенчатым штампом и резными линиями (рис. 2-5).

Курган 17 (рис. 6-3, 4) зафиксирован по верхним краям камней и более темному, по сравнению с материком, заполнению внутреннего пространства. Пятно оказалось округлой формы, диаметр его 6 м. По краям лежали плиты и обломки камня, частично сползшие в котлован. На глубине 0,4 м от современной поверхности в центре пятна было зафиксировано кострище размерами 1,2x2,0 м и мощностью до 10 см, с прокалом в нижней части. После выборки заполнения котлована оказалось, что по периметру он обложен камнями, имеет в разрезе форму усеченного конуса и глубину 0,4 м от материка. В западной части были вкопаны три валуна, удерживавших камни обкладки стен. При разборке последних найдены: в юго-западной части — венчик сосуда (рис. 4-7), в северной — обломок курильницы (рис. 4-5). В центре котлована обнаружена яма размерами 1,5x2,7 м, в заполнении которой найдены фрагменты керамики и кальцинированные кости (рис. 4-6). Дно ямы было прокалено.

Таким образом, из 13-ти раскопанных объектов 12 являются погребальными, один (17) — ритуальным. Последний очень близок по своей конструкции и, видимо, назначению (культ предков), ограде 5 Кара-Кобы 1 и, может быть, кургану 4 Кукома [5, с. 61, рис. 2].

Связано ли сооружение «кургана» 17 с погребением подростка в кургане 7 или же с какой-то другой либо другими афанасьевскими оградами, сказать трудно. Ясно, что использовался «курган» 17 по крайней мере дважды. В первом случае была оставлена яма с прокалом, во втором — кострище. К культу предков имеют отношение и находки в насыпях курганов, часть которых синхронна афанасьевским могилам. Почти во всех курганах (особенно много в курганах 9 и 10) найдены фрагменты керамики, в насыпях пяти (1, 9, 10, 13, 14) — кости животных, трех (7, 9, 16) — отщепы, а среди камней кургана 16 — скребок.

Погребальные конструкции Бойтыгема разделяются на четыре типа: 1. Ограда из обломочного материала с крепидой из более крупных камней или без нее (Бойтыгем 1, курган 1; Бойтыгем 2, курган 1); 2. Кольцо из крупных блоков с насыпью из мелких камней (Бойтыгем 2, курган 7); 3. Насыпь из обломочного материала с крепидой из более крупных камней (Бойтыгем 2, курган 5); 4. Ограда из плит, уложенных плашмя друг на друга с внутренним кольцом или сооружением либо без него (все остальные объекты). Первый и последний типы надмогильных сооружений очень широко распространены в Горном Алтае. Они имеются на могильниках Ело 1, Кара-Коба 1 [8, с. 32], Урмулык 1, 2 [14, рис. 1; 15, 1987, рис. 4], Лещеркин Лог [6, 1987, рис. 22], Кор-Кобы 1 [11, рис. IX, XI], Бике [10, рис. 20] и многих других. Второму типу аналогий почти нет: близки ему только курганы 31 и 33 могильника Кызыл-Телань 1 [11, рис. I, II, V, VI] и некоторые сооружения маймирской культуры.

Третий тип погребальных конструкций не имеет аналогий среди исследованных афанасьевских объектов и наиболее близок курганам рядовых кочевников конца VI-II вв. до н. э. Сам курган 5 Бойтыгема 2 отличается от остальных афанасьевских и рядом других особенностей. В первую очередь также следует отметить перекрытие могильной ямы у самого дна, тогда как в других каменные и деревянные перекрытия лежат поперек могил на уровне древнего горизонта. Нетрадиционно и помещение в могилу сосуда баночной формы, хотя такие случаи отмечены в могильниках Арагол, Курота 2 [9, табл. VI-16] и Улита 2 [13, с. 58].

Значительно отличается ориентировка погребенных: юго-восток (1 раз), северо-восток (2), северо-восток-восток (1), северо-запад (1), юго-запад (2), юго-запад-запад (2) и запад (1). Преобладает ориентация головой в юго-западный сектор, что типично для афанасьевских могильников [8, с. 31; 12, табл. 1], однако существенное место занимает и ориентация в северо-восточный сектор. Эту черту, а также первый и четвертый тип надмогильных сооружений Бойтыгема С. В. Цыб считает принадлежностью ранней группы афанасьевских могильников [16, с. 40, рис. 1].

Разнится и глубина погребений от материка: от 0,5 до 1,6 м. В южной группе Бойтыгема 2 она обусловлена уровнем залегания материковых валунов: при копке могилы вынимался только верхний слой камней или покойника укладывали прямо на них. Стандартна поза погребенных: на спине с согнутыми в коленях ногами. В одном случае (Бойтыгем 2, курган 7) зафиксировано положение скорченно на боку, в другом (Бойтыгем 2, курган 20) — вторичное или ритуальное захоронение. Подобные факты отмечены в афанасьевских могилах Минусинской котловины [4, с. 17]. Интересно наличие двух могил в кургане 7 Бойтыгема 2. Такая система более характерна для Минусинской котловины [4, с. 16; 9, с. 26, 30, 36], в Горном Алтае она зафиксирована только в кургане 14 Куюма и на Улите 2 [12, табл. 1; 13, с. 58, 59].

Инвентарь, помимо керамики, незначителен. Кроме отдельных фрагментов, найдены три остродонных яйцевидных сосуда, три круглодонных шаровидных, один баночный плоскодонный, одна корчага, две курильницы, две вазочки на поддонах и миниатюрный острорезерный сосудик; три последних без орнамента. Орнамент на остальных сосудах прочерченный, гребенчатый и гладкоштампованный. Гребенка образует елочку, качалку, зигзаг, наклонные ряды и горизонтальные линии. Прочерченные линии, как и насечки, выполнены, скорее всего, тем же гребенчатым штампом. Им же затерта внутренняя, а у некоторых сосудов и внешняя поверхность. И орнаментация, и формы сосудов типичны для афанасьевской культуры Горного Алтая. Несколько специфична орнаментация курильницы из кургана 1 Бойтыгема 1. Подобной схемы нет ни на одной из сибирских курильниц [4, рис. 53–55].

Интересна находка сосудов из неорганических материалов (Бойтыгем 2, курган 9, 11). До сих пор в афанасьевских могилах обнаруживались только комки охры [см. 10, рис. 26]. Нетипично для афанасьевских погребений Горного Алтая и то, что в двух курганах (1, 9) Бойтыгема 2 было найдено по четыре сосуда, хотя данный факт для афанасьевских могильников Минусинской котловины не является единичным [9, с. 24, 38; 3, с. 17].

В целом можно констатировать, что раскопки на Бойтыгеме дали много новых фактов. Южная группа Бойтыгема 2 и Бойтыгем 1 являются типичными для Горного Алтая афанасьевскими могильниками, обнаруживающими между тем много общего с памятниками Минусинской котловины. Северная группа Бойтыгема 2, помимо культового места («курган» 17), указывает на явную взаимосвязь афанасьевской и майэмирской культур. Курган 5 Бойтыгема 2 может быть выделен в особый тип памятников, однако окончательно решить вопрос о его культурной принадлежности помогут только новые раскопки.

Очень сложен вопрос абсолютной хронологии исследованных объектов. Традиционная датировка афанасьевской культуры III–начало II тыс. до н. э. [9,

табл. II; 16, 1980, с. 48] вступает в явное противоречие с радиоуглеродными датами, укладывающимися в пределах IV–начала III тыс. до н. э. [8, с. 31; 7, с. 96]. Не доверять датам вроде бы нет оснований, тем более что одна из них продублирована (СО АН — 1521 и ЛЕ — 1610). Может быть, имеющиеся радиоуглеродные даты дают нам только нижнюю границу афанасьевской культуры, а для основной массы памятников более верна традиционная датировка. Некоторые исследователи, в том числе и один из авторов данной работы, считают возможным доживание исследуемой культуры до начала I тыс. до н. э. [2, с. 74]. На наш взгляд, расположение афанасьевских курганов 7 и 17 в майэмирской цепочке и сходство их надмогильных сооружений являются косвенным подтверждением этой гипотезы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулганеев М. Т. Разведка на Алтае//АО 1984 года. М., 1986. С. 165.
2. Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая//Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
4. Вадецкая Э. Б. Сибирские курильницы//Памятники неолита и бронзы. КСИА № 185. М., 1986. С. 50–59.
5. Владимиров В. Н., Цыб С. В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба//Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55–62.
6. Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В. Археологические исследования на Алтае в 1986 году. Новосибирск, 1987. 76 с.
7. Ермолова Н. М., Марков Ю. Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири//Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.
8. Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня. Новосибирск, 1981. С. 28–32.
9. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
10. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
11. Ларин О. В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь//Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.
12. Марсаолов Л. С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае//АС ГЭ № 22. Л., 1981. С. 11–22.
13. Мамадаков Ю. Т., Цыб С. В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюз. научн. конф. Барнаул, 1991. С. 57–59.
14. Могильников В. А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 23–34.
15. Суразаков А. С. Афанасьевские памятники Горного Алтая//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
16. Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры//Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.

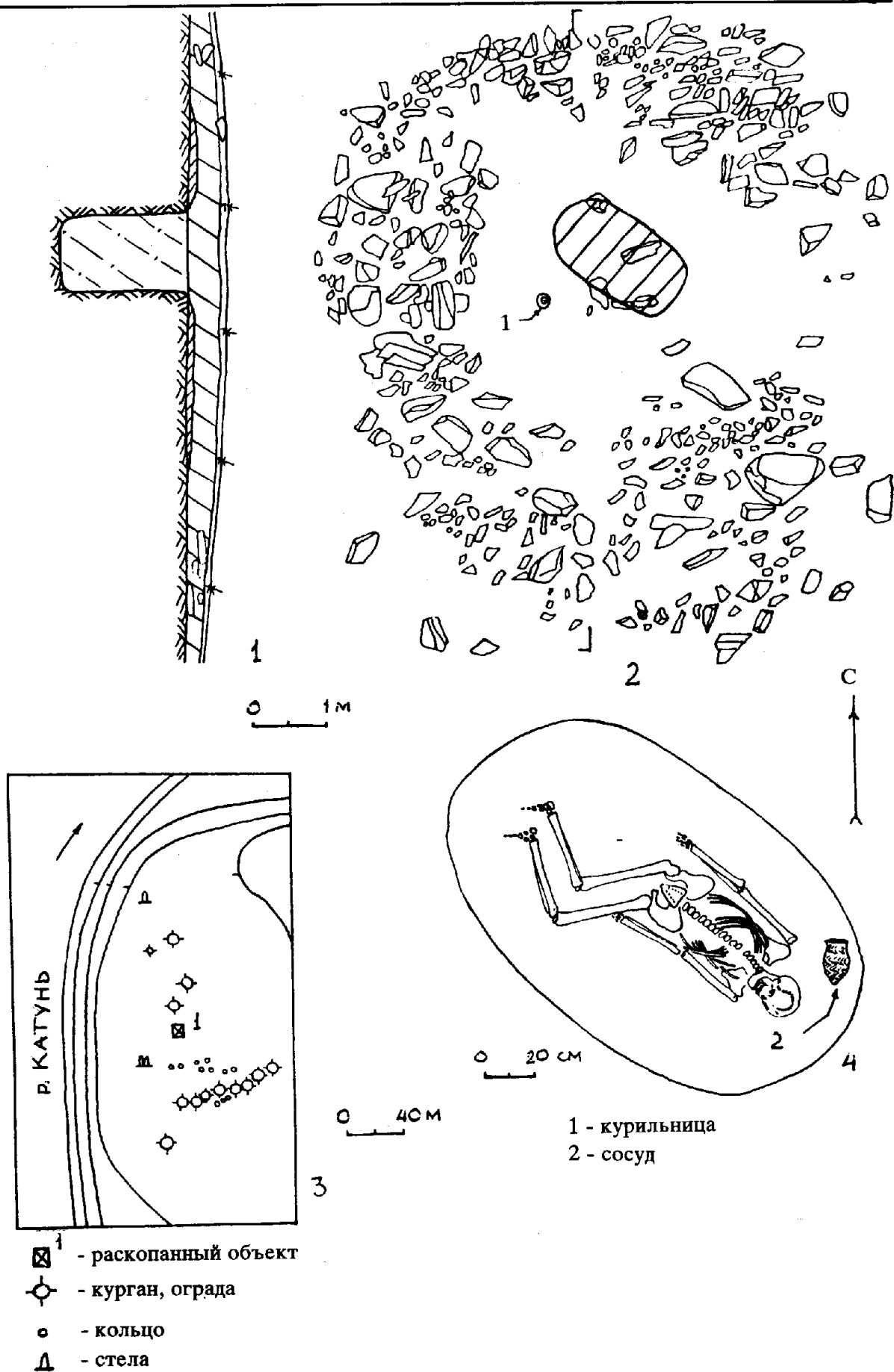

Рис. 1. Могильник Бойтыгем-1: план(2) и разрез (1) кургана 1, план могилы (4) и северной группы могильника (3)

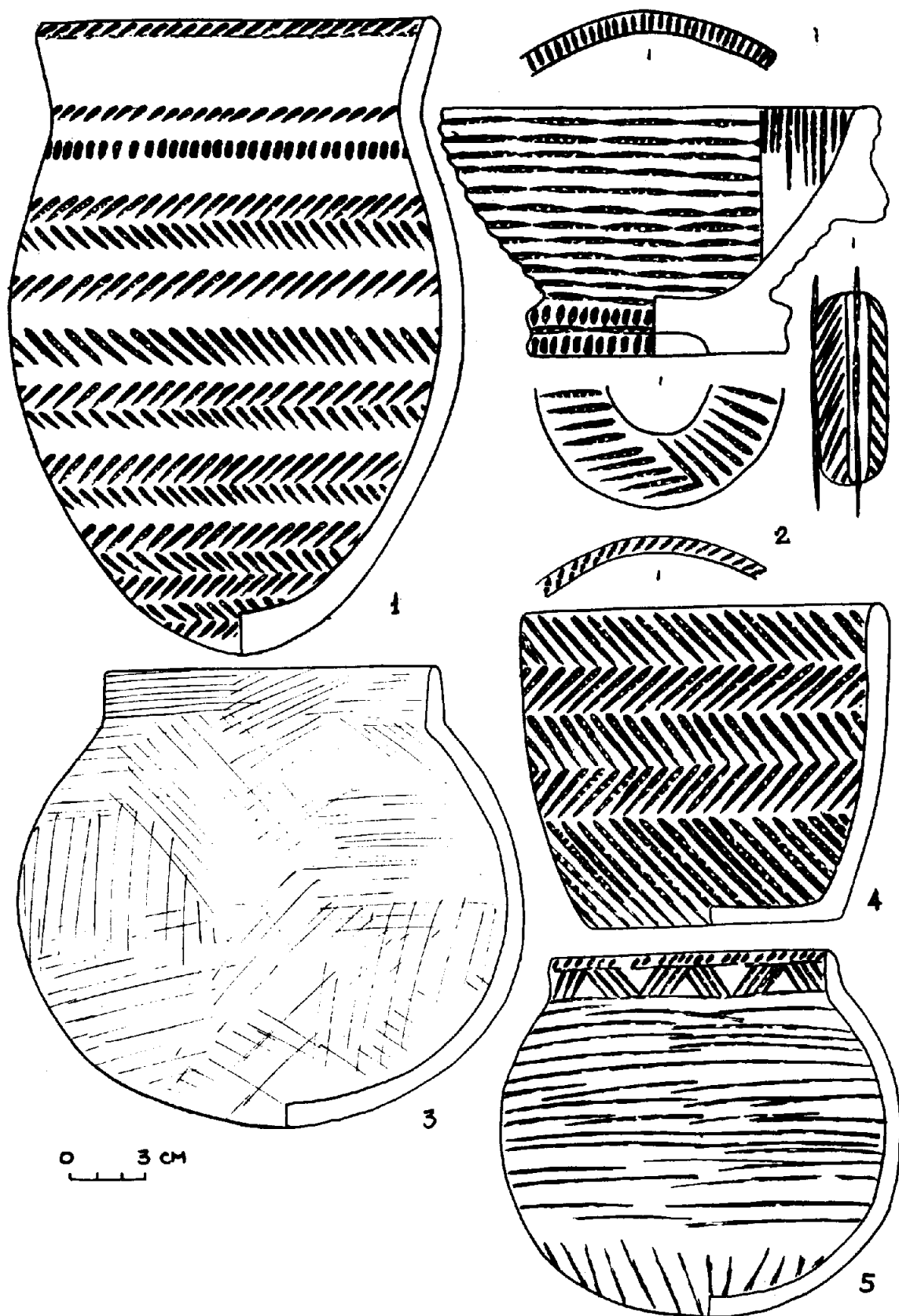

Рис. 2. Сосуды из могильников Бойтыгем-1 (1, 2) и Бойтыгем-II (3-5). 1, 2 - курган 1;
3 - курган 13; 4 - курган 5; 5 - курган 7

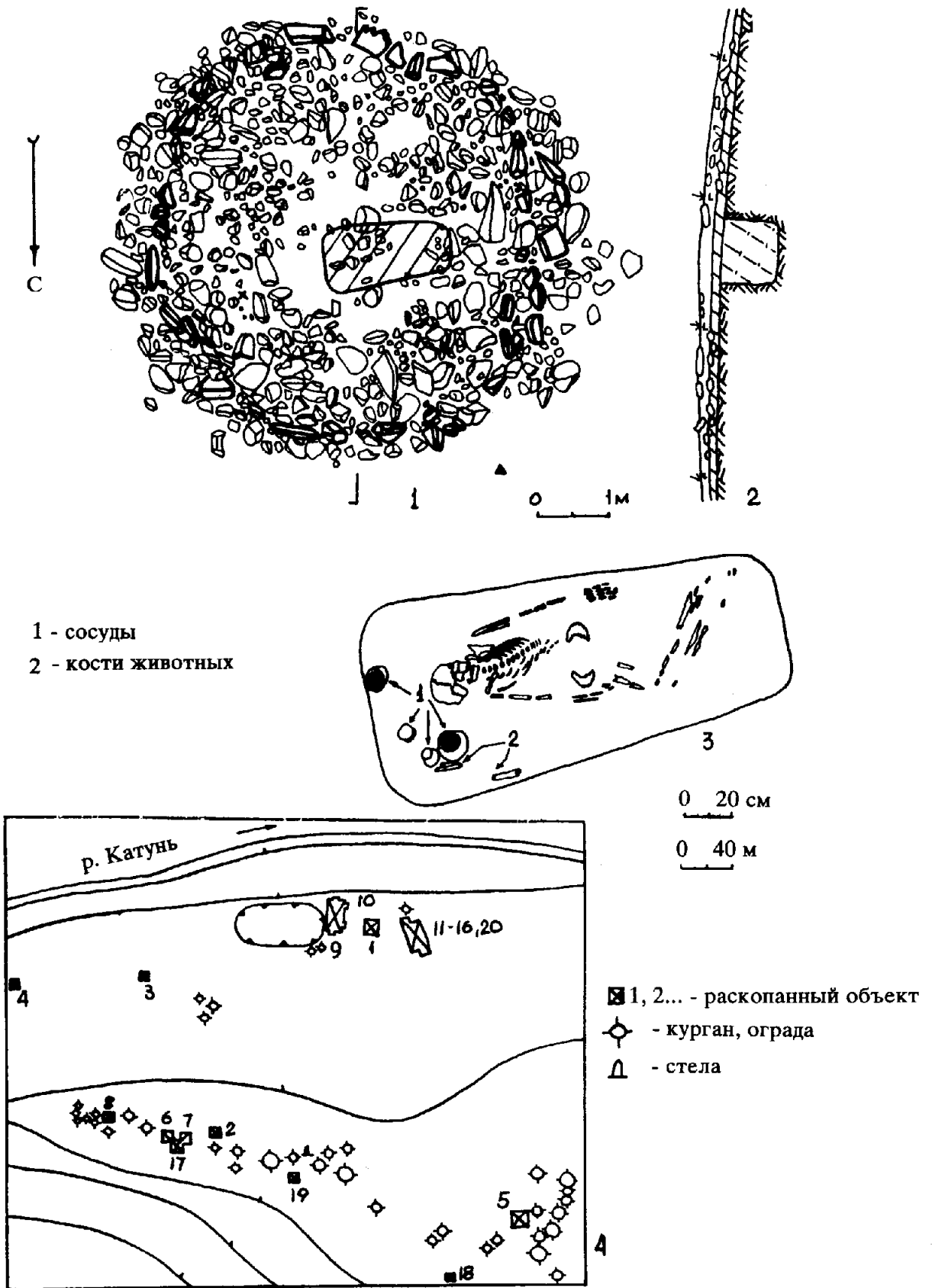

Рис. 3. Могильник Бойтыгем-II; план (1) и разрез (2) кургана 1, план могилы (3) и центральной, северной и южной групп могильника (4)

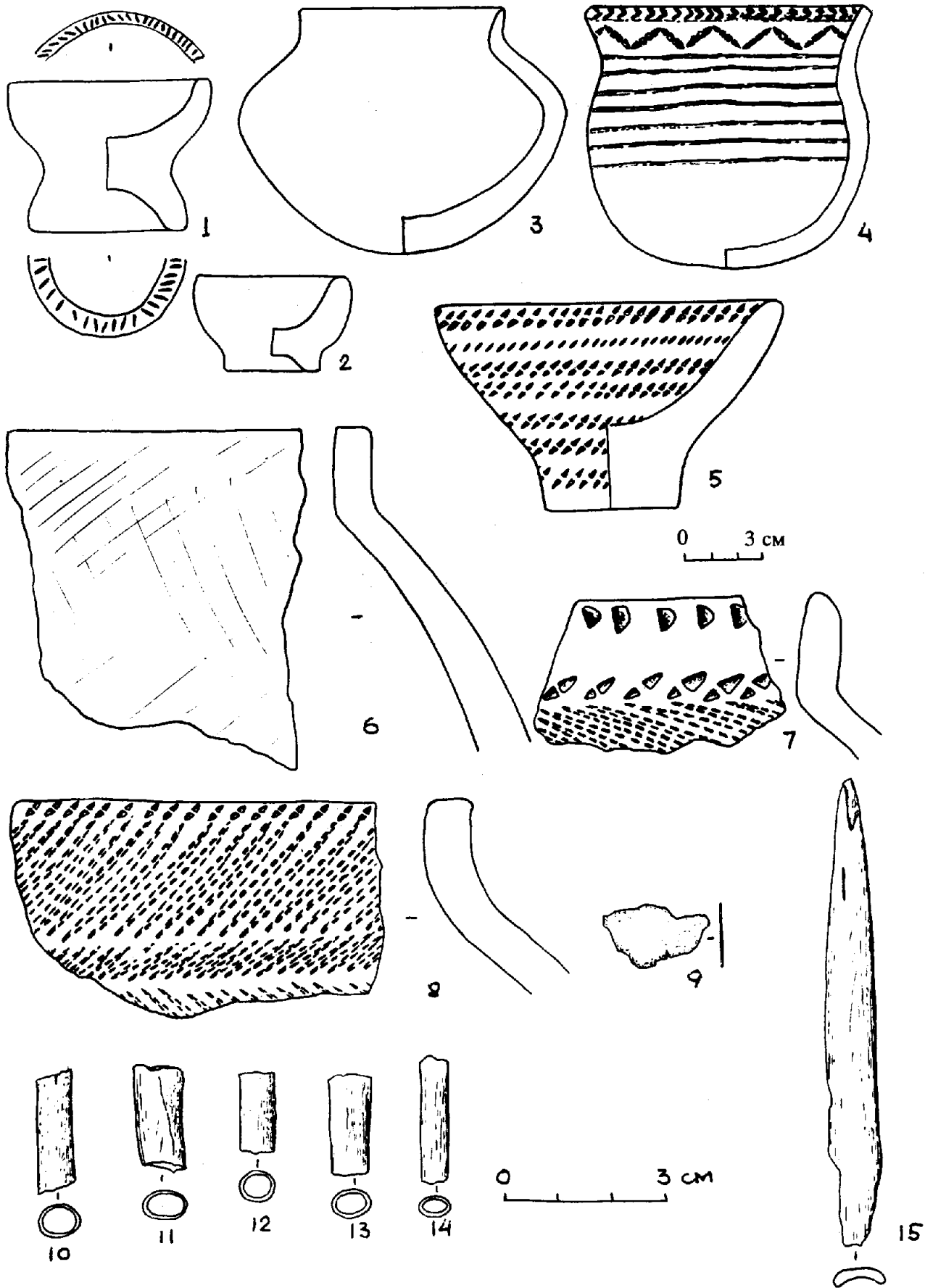

Рис. 4. Керамика (1-8), изделия из бронзы (9) и кости (10-15) из курганов 1(1-4), 9 (15), 10 (8), 11 (9), 17 (5-7), 20 (10-14) могильника Бойтыгем-П

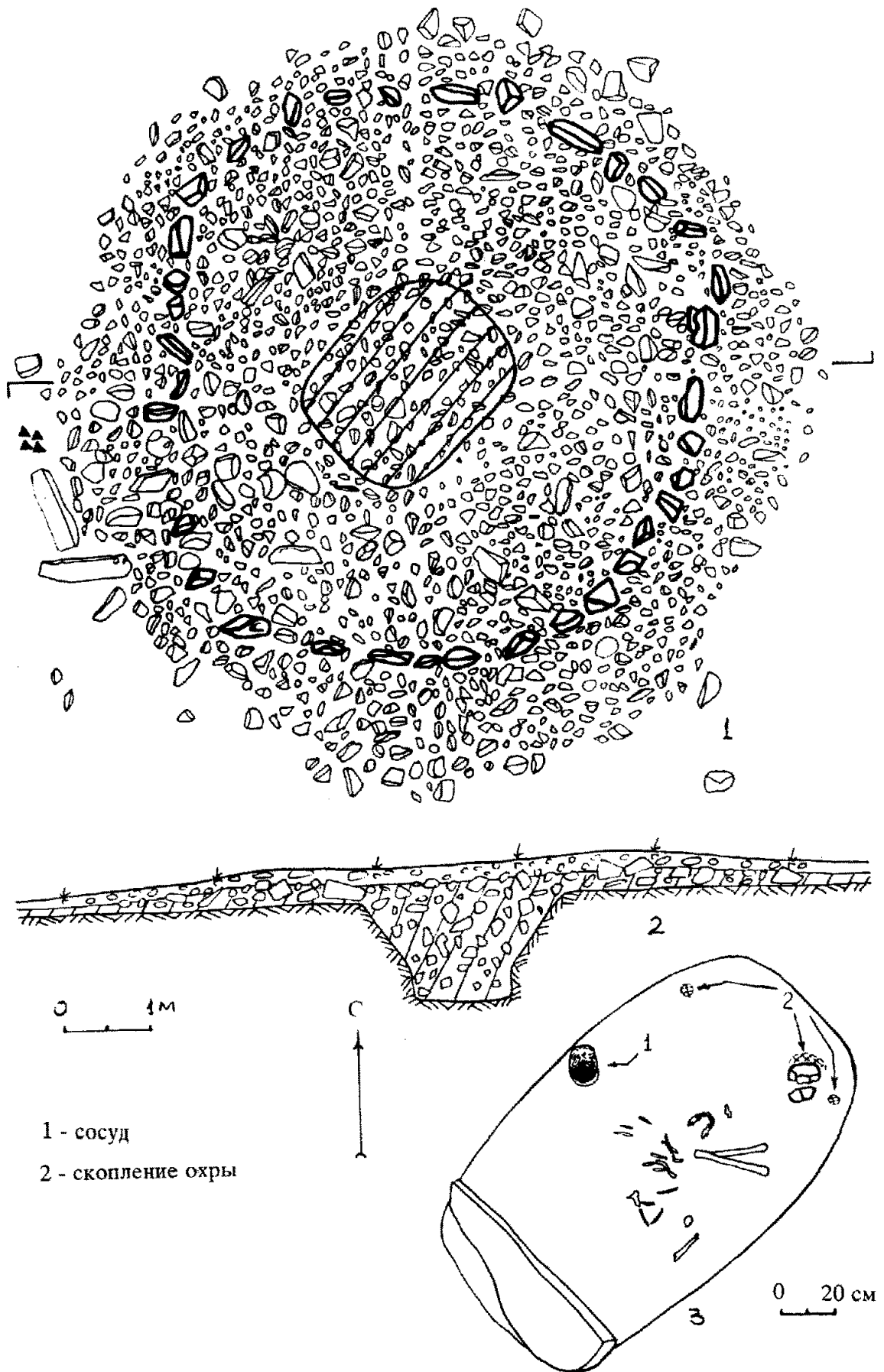
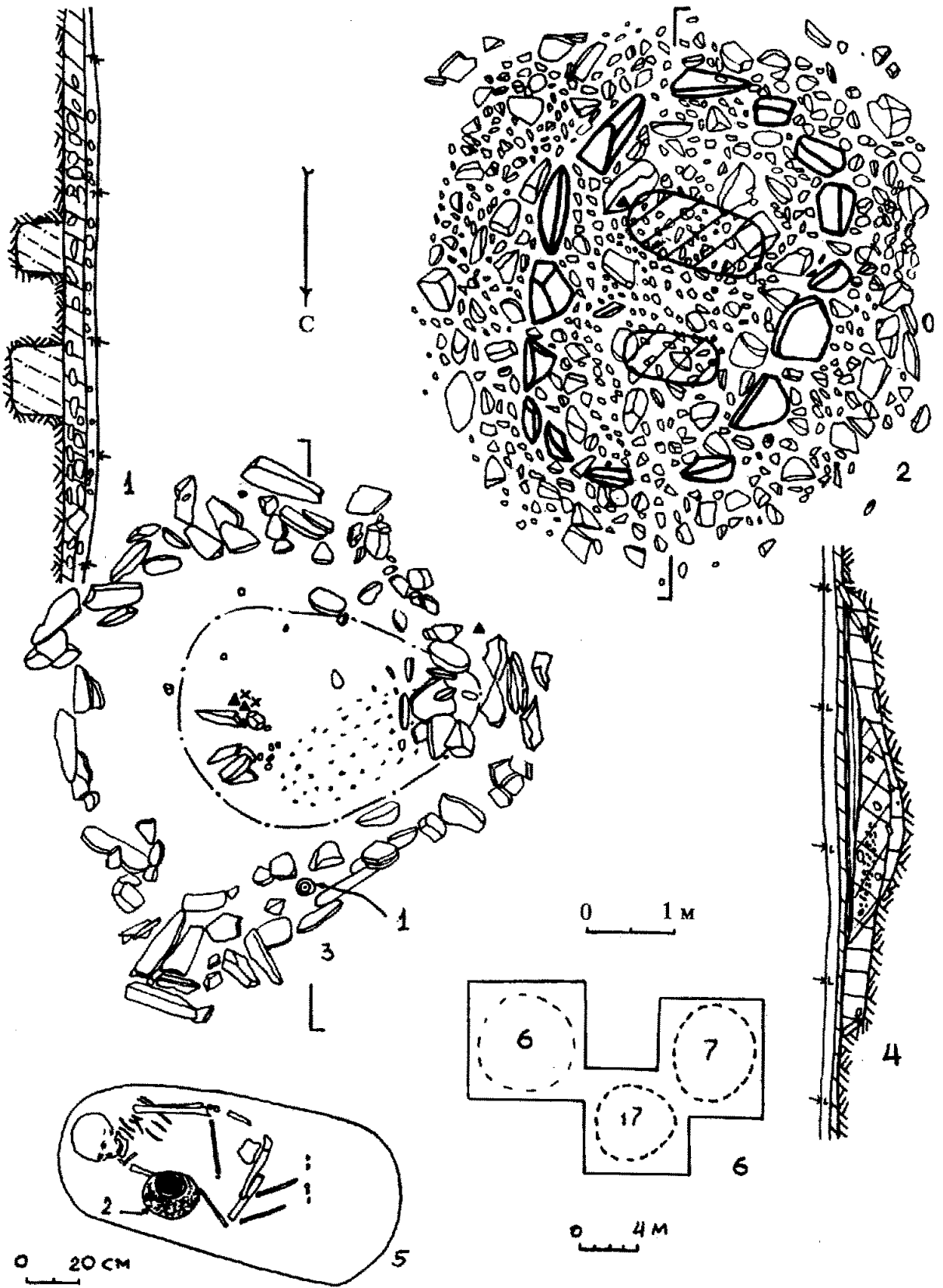

Рис. 5. Могильник Бойтыгем-II: план (1) и разрез (2) кургана 5, план могилы (3)

1 - курильница, 2 - сосуд

Рис. 6. Могильник Бойтыгем-II: план (2) и разрез кургана 7, могилы 1 (5), план (3) и разрез (4) кургана 17 и план раскопа курганов 6, 7 и 17 (6)

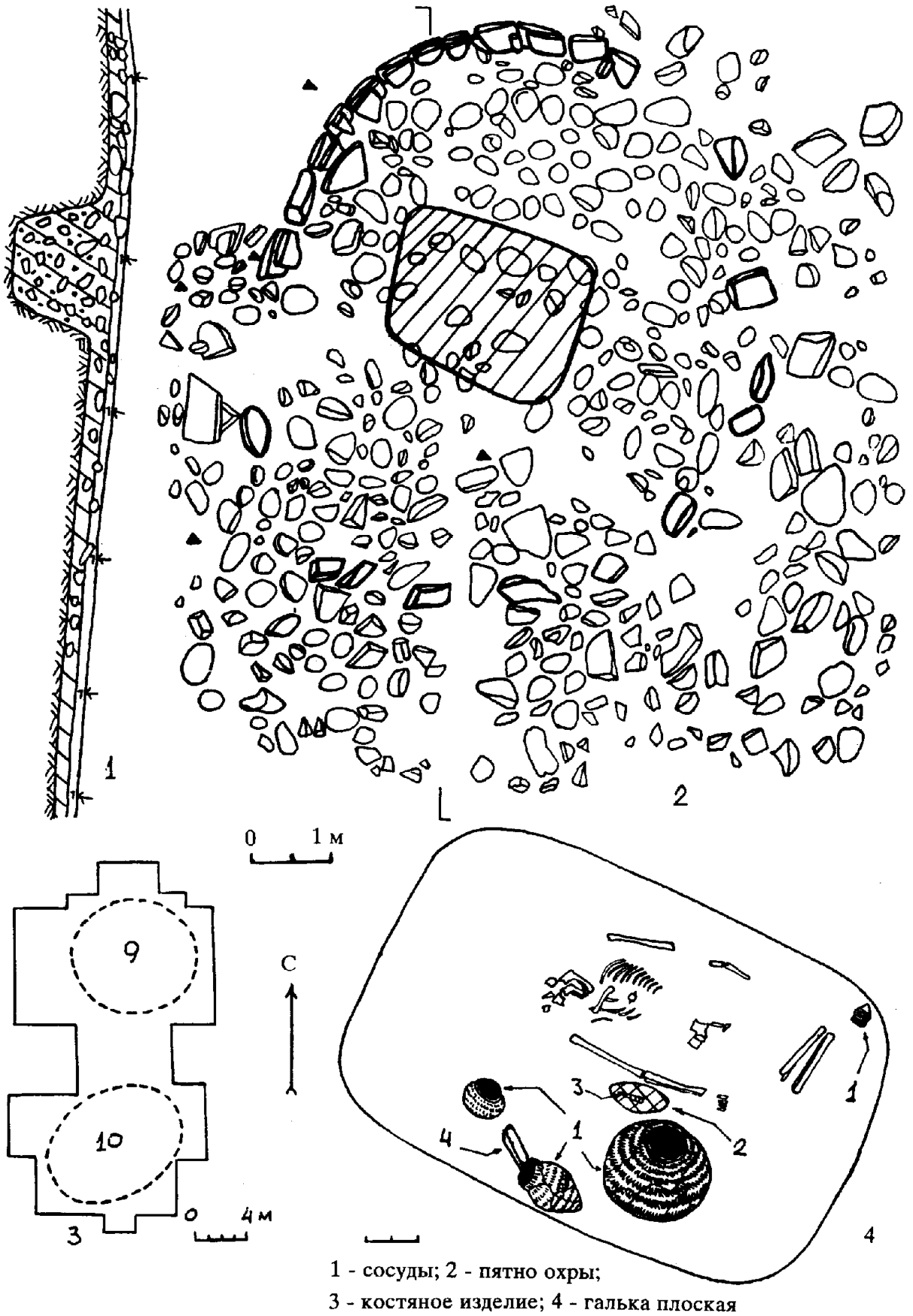

Рис. 7. Могильник Бойтыгем-II: план (2) и разрез (1) кургана 9, планы могилы (4) и раскопа курганов 9 и 10 (3)

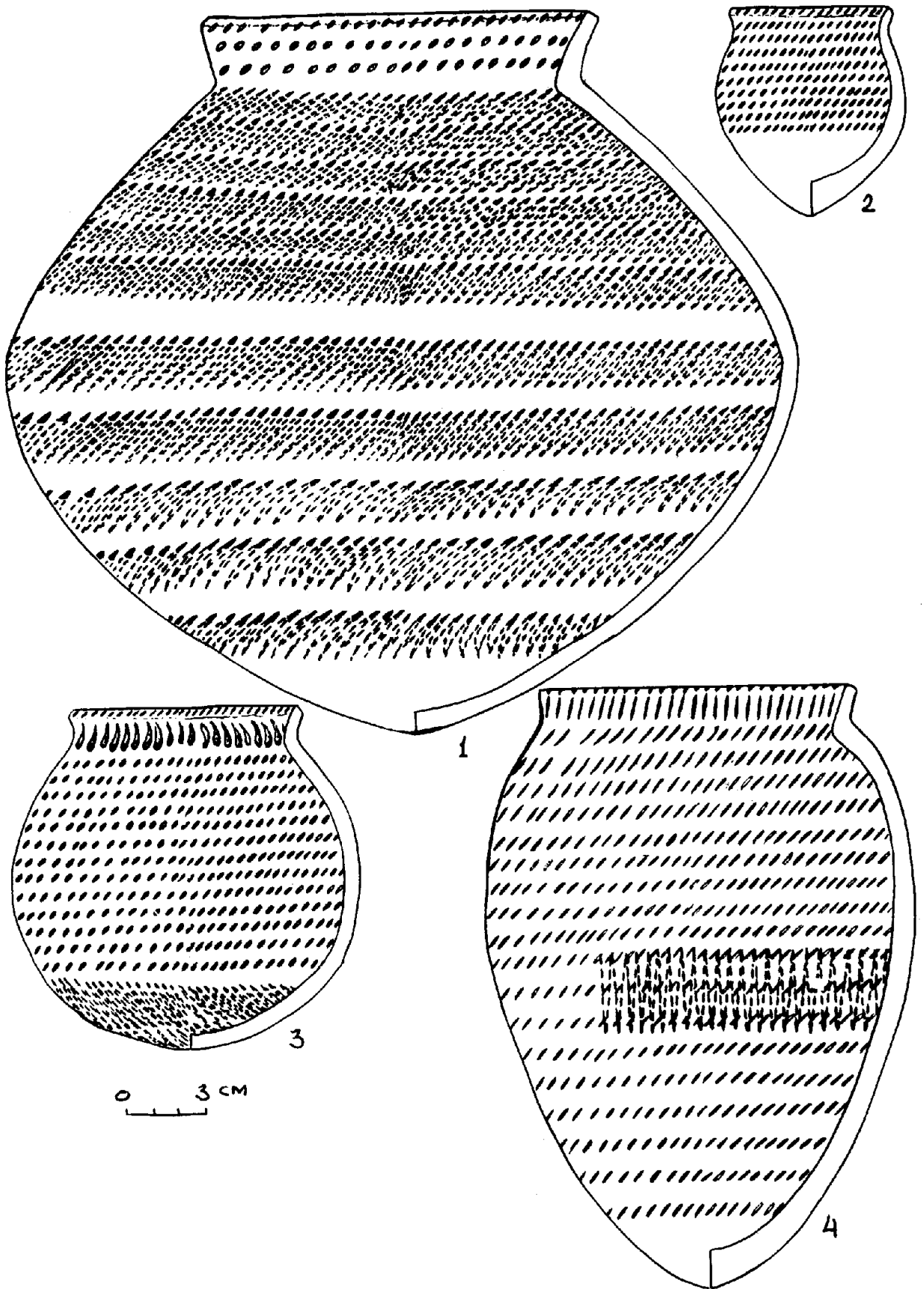

Рис. 8. Сосуды из кургана 9 могильника Бойтыгем-II

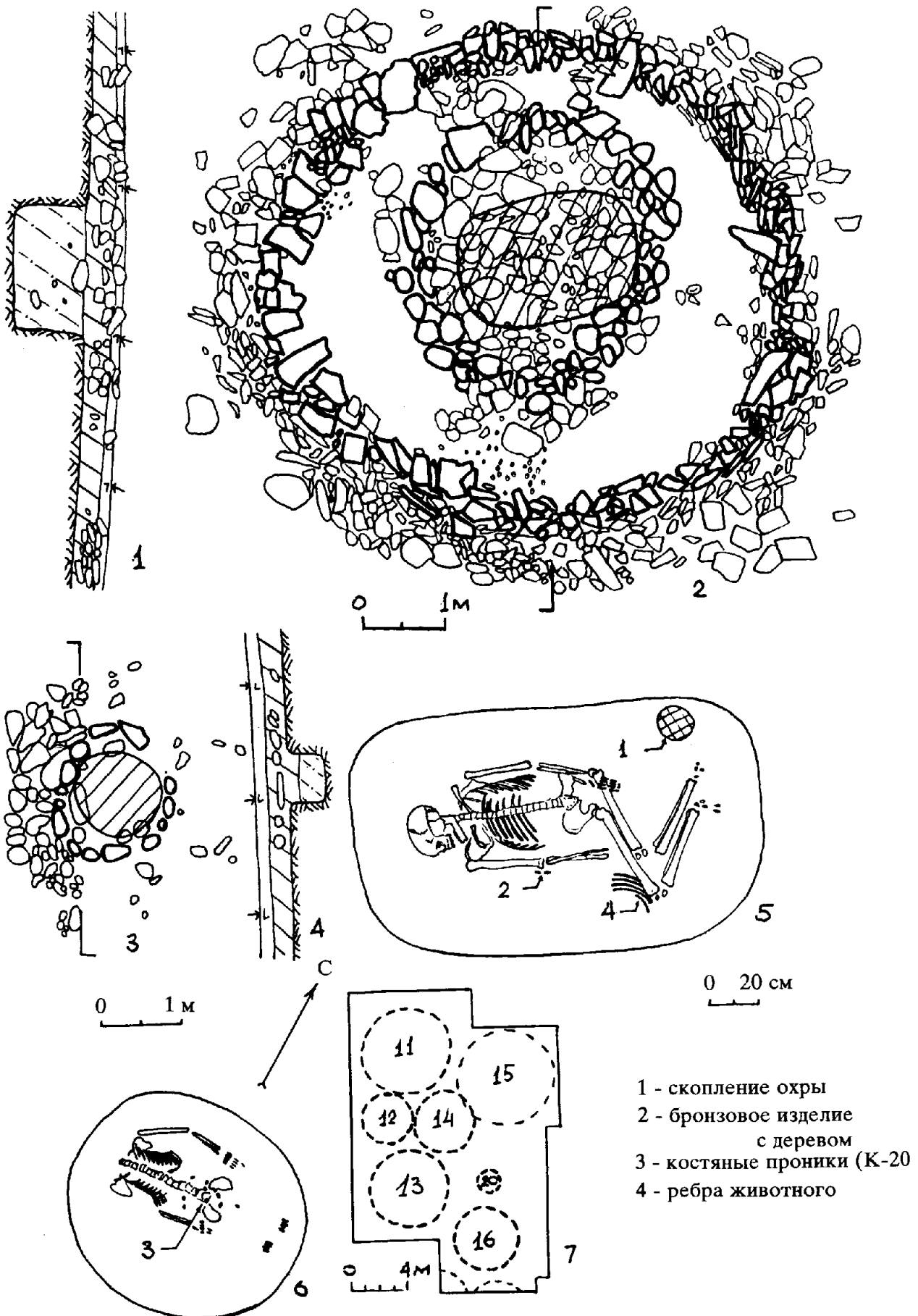

Рис. 9. Могильник Бойтыгем-II: план (2) и разрез (1) кургана 11, план могилы (5), план (3) и разрез (4) кургана 20, план могилы (6) и план раскопа курганов 11-16, 20 (7)

М. Т. Абдулганеев

МАЙЭМИРСКИЕ КУРГАНЫ БОЙТЫГЕМА

За последние десять лет материалы по раннескифскому времени Горного Алтая значительно увеличились: раскопаны десятки курганов на могильниках Бийке, Айрыдаш 1, Кызык-Телань 1, Кор-Кобы 1, Карбан 1, Агафонов Лог 3, Яломанские Ворота и ряде других. Во многом это случилось благодаря планировавшемуся строительству Катунской ГЭС, поскольку большая часть исследованных памятников находится именно там. Там же располагается и могильник Бойтыгем 2. Среди раскопанных на этом памятнике объектов шесть относятся к раннескифскому времени.

Майэмирские курганы находились в трех группах могильника: северной (8, 6, 2, 19), восточной (2) и южной (15) (см. рис. 3 на стр. 30 в настоящем сборнике). В последних двух случаях они могли быть одиночными, подобных объектов в этих группах более не наблюдается. В северной группе около 25 майэмирских курганов тянулись неупорядоченной цепочкой от края террасы между ее кромкой и склоном горы с востока на запад. Сама система их расположения заметно отличалась от пазырыкских и афанасьевских могильников Бойтыгема. Курган 8 находился в восточной части могильника, на конце террасы, курган 9 — в западной, курганы 2 и 6 в центре. Внешне все майэмирские курганы представляли собой хорошо задернованные холмики диаметром 5–8 м и высотой до 0,15 м. Из дерна торчали только отдельные камни насыпей, а в некоторых случаях — ящики. Таким же образом выглядел и афанасьевский курган 7, находившийся в центре могильника. Четыре кургана исследовались отдельными прямоугольными раскопами большими размерами, чем сами курганы. Курган 2 включен в единый раскоп с афанасьевскими 7 и 17, а курган 15 выявлен при раскопках афанасьевских 11–14, 16, 20.

Курган 2 (рис. 1–9) был сложен из обломков камня в 1–3 слоя. Размеры его составили 4,0x6,0 м, крепиды из более крупных камней были — 3,5x5,0 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток), высота 0,4 м. В центре насыпи находился ящик из 3 плит и глыбы (с запада), промежутки между которыми забиты мелкими камнями. Ящик установлен на древнем горизонте, а рядом с ним лежала сброшенная грабителями плита перекрытия. Внутренние размеры его составили 1,3x1,8 м (длинная ось северо-северо-восток—юго-юго-запад). В заполнении встречались отдельные кости мужчины 30–35 лет (здесь и далее определения А. Р. Кима), а на дне найдены его правая нога и каменный оселок (рис. 3–7). Судя по всему, погребенный лежал на левом боку, головой на юго-юго-запад. К востоку от ящика находилась яма размерами 0,9x1,45 м (длинная ось север-юг), заброшенная камнями. На дне, на глубине 0,35 м (все замеры глубин — от уровня материка), лежала втиснутая в яму лошадь с подогнутыми под туловище ногами, крупом на юг и отчлененной головой (рис. 1–8). Во рту ее найдены стремечковидные удила (рис. 1–2), рядом с ними — трехдырчатые S-видные псалли (рис. 1–1), у одного из них — распределительная бляшка (рис. 1–7). Под черепом лежал наносник (рис. 1–5), в районе грудной клетки — две трочные пряжки, одна со шпеньком (рис. 1–3, 4), а рядом с ними — наконечник ремня (рис. 1–6). Все вещи изготовлены из бронзы.

Курган 4 был сложен из крупных валунов в один слой. Диаметр его — 4 м, высота — 0,3 м. Среди камней насыпи найдены мелкие обломки костей и керамики без орнамента. В центре находился установленный на древнем горизонте ящик из 4 или 5 плит, полностью разрушенный и разграбленный. Одна из плит могла быть его перекрытием. Внутренние размеры ящика составили около 0,8x1,5 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток).

Курган 6 (рис. 2–1) был сложен из обломков камня в 1–2 слоя. Диаметр его 5,0 м, размеры крепиды из блоков — 4,0x4,5 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток), высота 0,3 м. После снятия насыпи в центре обнаружен стоящий в яме глубиной 0,3 м ящик из 5 плит (2 с юга). Промежутки между плитами, а также стенками ямы и ящиком забиты мелкими камнями. Внутренние размеры ящика составили 0,65x1,2 м (длинная ось северо-северо-восток—юго-юго-запад). В заполнении его найдена одна из плит перекрытия, а на дне — нарушенное погребение женщины 40–45 лет. Часть костей осталась в анатомическом порядке: левая нога и половина таза, берцовые правой ноги, пяточные, локтевые и частично плечевые, часть позвоночника. Судя по ним, погребенная лежала скорченно на правом боку, головой на северо-северо-восток. На левом ее колене найден кусок угля, а на груди — обломок мела (рис. 2–2).

Курган 8 был сложен из мелкого камня в один-два слоя. Диаметр его составил 7 м, высота — 0,2 м. По периметру заметны более крупные камни крепиды диаметром 6 м. В насыпи найден фрагмент керамики без орнамента; погребения не оказалось.

Курган 15 был сложен из обломков камня в один-два слоя. Диаметр его 7 м, крепиды из более крупных камней — 6,5 м. Для сооружения кургана 15 были частично использованы камни соседних с ним афанасьевских оград 12 и 14. В насыпи найдены мелкие косточки и фрагменты керамики без орнамента. В центре находился частично разрушенный ящик из 6 плит (по две — с севера и юга), установленный на древнем горизонте. Внутренние его размеры составили 0,7x1,5 м (длинная ось запад—восток). На дне найдены обломки ноги взрослого человека.

Курган 19 (рис. 2–4, 3–6) был сложен из обломков камня. Диаметр его 5,5 м, крепиды из более крупных камней 5,0 м. После снятия насыпи в центре зафиксирована яма размерами 1,45x2,7 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток). В западной ее половине находился ящик из 7 плит (3 — с востока, 2 — с юга), перекрытый плоским валуном и 3 плитами. В центре перекрытие отсутствовало. Стыки между плитами ящика, а также между ящиком и стенками ямы забиты мелкими камнями. Внутренние размеры ящика составили 0,7x1,05 м (длинная ось север—юг), глубина 0,6 м. На дне, в положении скорченно на правом боку, головой на северо—северо-запад, правым виском на каменном бруске лежал скелет женщины 25 лет (рис. 2–3). На левом бедре, ближе к поясу найдено крупное бронзовое петельчатое зеркало (рис. 3–1), на шее и груди — ожерелье из 4 снизков. В состав ожерелья входило 593 мелких и 15 крупных пастовых бусин (рис. 3–3), 4 плоские прямоугольные подвески из зеленого камня, 3 более мелких и 2 удлинненно-округлые

бусины из того же камня (рис. 3–2). Каменные бусины и подвески были в 1 снижке. Возможно, в то же ожерелье входили найденные за черепом (серьга 1 — рис. 3–4) и у правого плеча (серьга 2 — рис. 3–5) золотые серьги. Обе серьги представляют собой сомкнутые кольца, из округлой (1) или подквадратной в сечении (2) проволоки, на которые подвешены полые конусы. Внешняя их поверхность украшена зернью, в нижней части имеются отверстия для крепления. У подвески серьги № 1 сильно разработано отверстие для кольца и само кольцо отпаялось; вероятно, она использовалась вторично.

В восточной яме, в дополнительном углублении размерами 1,0х1,35 м (длинная ось запад—восток) находилось погребение лошади без черепа. Она была втиснута в яму и лежала на левом боку, с подогнутыми к животу ногами, крупом на восток (рис. 2–3). На ее грудной клетке найдены две крупные бронзовые трочные пряжки, одна со шпеньком (рис. 4–4, 5) и бронзовая уздечная бляшка со шпеньком (рис. 4–1). У лопаток находились две бронзовые желобчатые пронизки (рис. 4–6), бронзовая застежка со шпеньком и рифленным щитком (рис. 4–3) и костяная обойма (рис. 4–7), у передних ног — бронзовая желобчатая пронизка и костяная обойма. Между задними ногами и нижней частью ребер обнаружена бронзовая зооморфная бляшка со шпеньком (рис. 4–2).

Несмотря на находки вещей только в двух курганах, сам набор их достаточно разнообразен. Сходство, хотя и не идентичность трочных пряжек, а также относительно малые размеры могильника (северная группа, Бойтыгем 2) позволяют нам рассматривать оба комплекта конской упряжки как относящиеся к одной эпохе. Всем найденным предметам из конских захоронений имеется достаточно широкий круг аналогий.

Стремчовидные удила были распространены на очень широкой территории Тувы, Горного Алтая, Казахстана, Восточной Европы и в других местах [1 — рис. 9, с. 78; 2 — рис. 18–25, 27, 34, 40; 3 — рис. 1–2; 4 — табл. XX–5; 5 — рис. 83–1, 2, рис. 109–1; 6 — рис. 3–7; 7 — рис. 23–3, 6, рис. 27–4, рис. 28–2, 3, 4; 8 — рис. 3–2; 13 — рис. 7–2, 4, рис. 15–6, рис. 26–6, 7, рис. 28–8; 18 — рис. 43; 24 — рис. 8–1, 2, 3]. Наиболее вероятно ограничить время их бытования VIII–VII вв. до н. э., которым датируют и трехдырчатые псалии [15 — с. 12]. S-видным псалиям из кургана 2 Бойтыгем 2 абсолютных аналогий нет. Самые близкие образцы имеются в казахстанских материалах [1 — рис. 8, 10; 4 — табл. III–II, 12; 23 — с. 160], особенно в Измайловском комплексе IX–VII вв. до н. э. [9 — рис. 3–17, с. 162]. В Приуралье S-видные двудырчатые псалии появляются в VI в. до н. э. [18 — рис. 46, 47, с. 84]. Их, видимо, следует считать завершающим звеном в эволюции изделий такого типа. Трочные пряжки, обычно парные, распространены не менее широко, а с T-образным шпеньком — в тех же хронологических рамках (8–7 вв. до н. э.) [15 — с. 12]. Аналогии таким пряжкам имеются в Казахстане, Туве, Горном Алтае и ряде других территорий [1 — рис. 23, 24; 4 — табл. 1–4, 5, VIII–8, 9; XVII–5, 6; XVIII–35, 36; 6 — рис. 4–6, 9; 7 — рис. 83–2; 8 — рис. 17–18; 9 — рис. 3–15, 16; 10 — рис. 2–26, II — рис. 1; 13 — рис. 8–11, 14, 15, 17, 19, рис. 26 — 1, 2, 4, рис. 28–5, 6; 24 — рис. 7–6].

Шире (VIII–IV вв. до н. э.) датируются другие предметы конской упряжи, аналогичные бойтыгемским; наносники и наконечники ремней [7 — рис. 8–16; 13 — рис. 28–7; 25 — рис. 23–4; 26 — табл. 17–38], костяные пронизки и желобчатые бронзовые [4 — табл. III–1, 2,

XVII–3; 10 — рис. 3–9, 10, 11; 17 — табл. X–6, 7; XI–6, IX–7; 19 — рис. 5–8], распределительные бляшки и уздечные бляхи [6 — рис. 6–14; 17 — табл. XXX–1, XXXIX–2, X–1]. Известные нам застежки со шпеньком имеют обычно гладкий щиток; рифленные щитки редки [4 — табл. V–15, VII–3, VIII–3, IX–3, XVI–4; 5 — рис. 83–1, 109–1; 11 — рис. 1]. Вышеперечисленные изделия распространены достаточно широко, но встречаются чаще в Туве, Горном Алтае и Казахстане. Зооморфной бляшке полных аналогий найти не удалось: самая близкая по форме происходит с Верхней Оби [25 — табл. XXIII–5]. В общем, оба комплекта конской упряжи, как и могильник Бойтыгем 2 (северная группа), датируются VIII–VII вв. до н. э.

Находки из женского погребения кургана 19 также подтверждают нашу датировку. Для эволюции петельчатых зеркал VIII–III вв. до н. э. характерно уменьшение со временем их диаметров и толщины; наиболее близкие нашему относятся к VIII–VI вв. до н. э. [26 — табл. 21–3, с. 82]. Что касается ожерелья, то его состав (насовые и каменные бусы) обычен для погребений раннескифского времени Горного Алтая, хотя количество бусин обычно бывает меньше [8 — рис. 5–1–12; 14 — рис. 2, 3]. Золотых серег в майэмйрских курганах до находки на Бойтыгеме найдено не было. Зато они имелись в более позднем Быстрынском могильнике (северные предгорья) [10 — рис. 2–3, рис. 3–3] и алдыбельских курганах Тувы [5 — рис. 110–1; 12 — рис. 31–8].

Погребальный обряд могильника Бойтыгем 2 достаточно разнообразен: захоронения в ящиках на горизонте и в ямах, с сопроводительным захоронением лошади и без него, различная ориентация и форма курганов и т. д. Тем не менее любая из этих черт находит прямые аналогии в раскопанных ранее майэмйрских могильниках. Если рассматривать только северный (усть-куюмский) вариант памятников майэмйрской культуры (к которому и относится могильник Бойтыгем 2), то погребения лошадей в отдельных ямах зафиксированы на Айрыдаше 1, Элекмонаре 2, Кор-Кобы 1, Бийке и других памятниках [14 — рис. 2–1; 20 — с. 79, 21 — с. 198, 22 — с. 57; 23 — с. 68, 70], отчленение головы коня — на Усть-Куюме [14 — рис. 2–4], каменная «подушечка» под головой погребенного — на Карбане 1 и Бийке [8 — с. 30; 23 — с. 67]. Почти на всех памятниках усть-куюмского типа внутри насыпей прослеживаются их крепидные основания из более крупных блоков, но есть и каменные наброски без крепиды.

В литературе неоднократно отмечалась варибельность погребальной обрядности майэмйрской культуры. Она прослеживается как внутри отдельных могильников, так и между ними. Особенно заметны различия между куртуско-катонским и усть-куюмским локальными вариантами [16 — с. 50–51]. Вместе с тем многие черты, характеризующие северные памятники майэмйрской культуры, обычны и для алдыбельской Тувы (курганы с крепидой, погребения в каменных ящиках, положение скорчено на левом боку головой на запад или северо-запад и др. [5 — с. 24]), а часть памятников куртуско-катонской группы находится в Казахстане. С накоплением материалов становится ясно, что намеченная ранее граница между куртуско-катонским и усть-куюмским локальными вариантами в Центральном Алтае соответствует действительности. Оба варианта имеют свою территорию распространения, отличительные признаки, а объединяет их немногое: положение погребенных скорчено на левом боку головой на северо-запад, захоронение лошадей отдельно от человека и инвентаря.

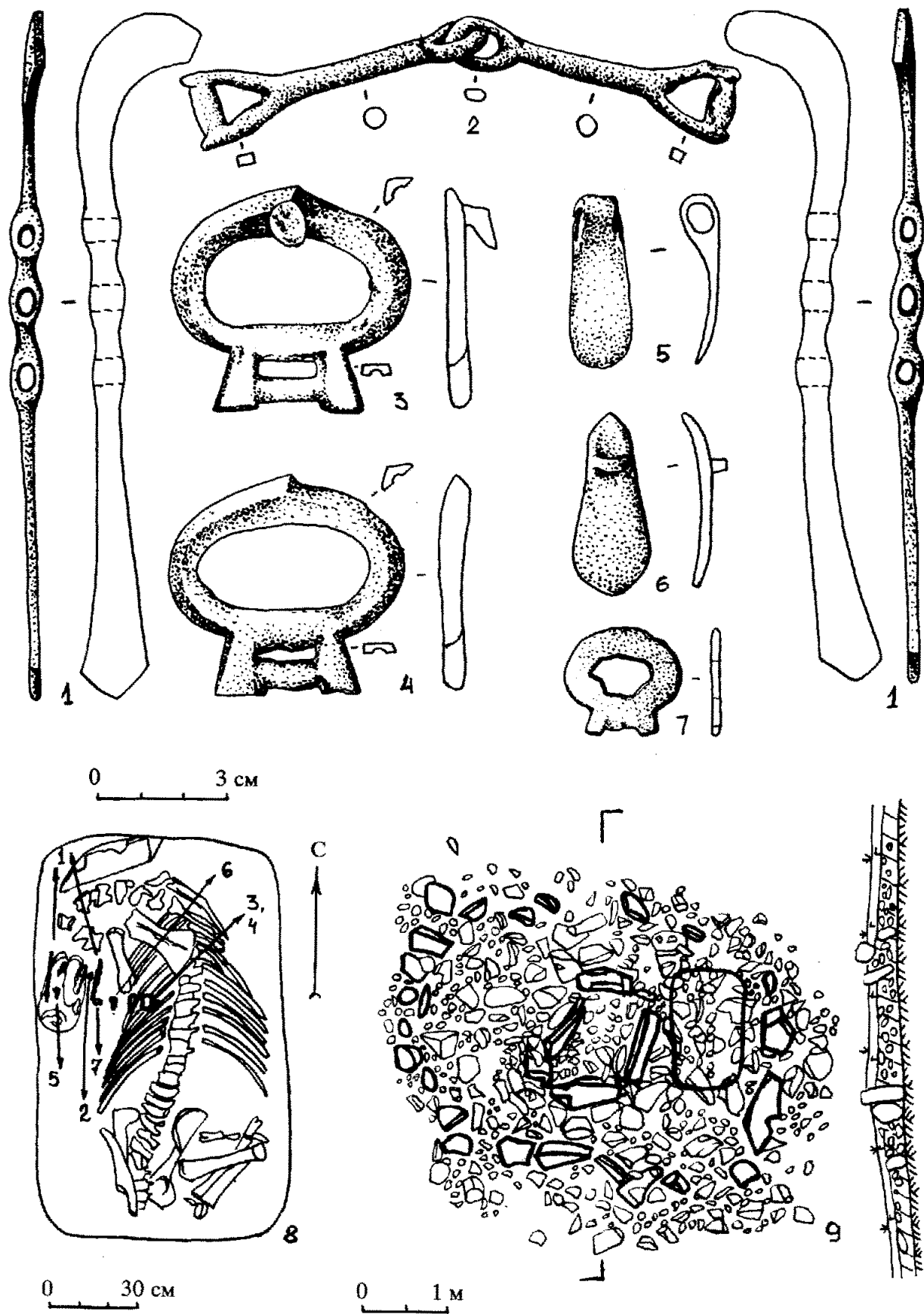

Рис. 1. Могильник Бойтьгем-II. План и разрез кургана № 2(9), захоронения коня (8) и бронзовые изделия из него (1-7) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

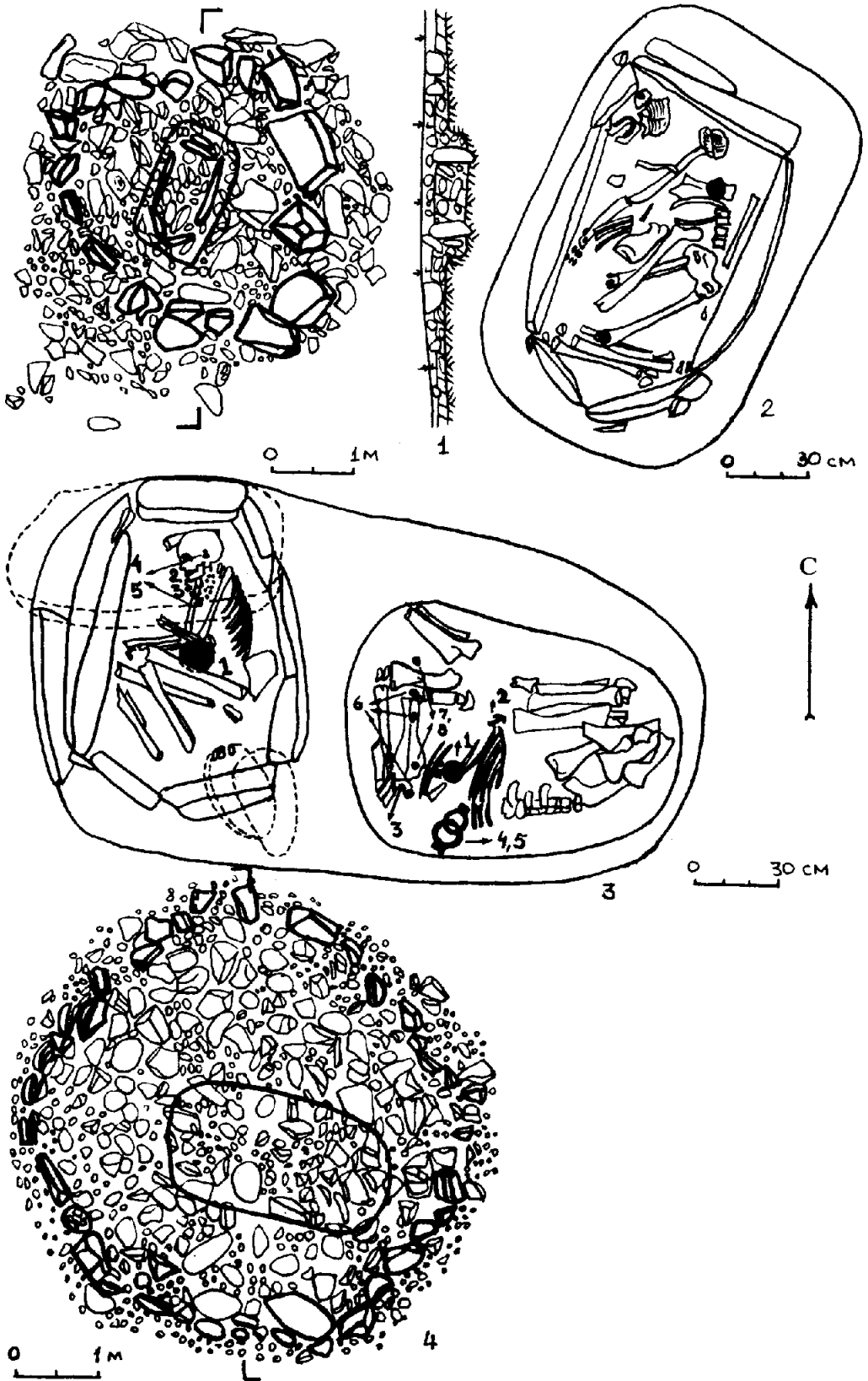

Рис. 2. Могильник Бойтыгем-II. План, разрез и план могилы кургана № 6 (1, 2), план насыпи и план могилы кургана № 19 (3,4)

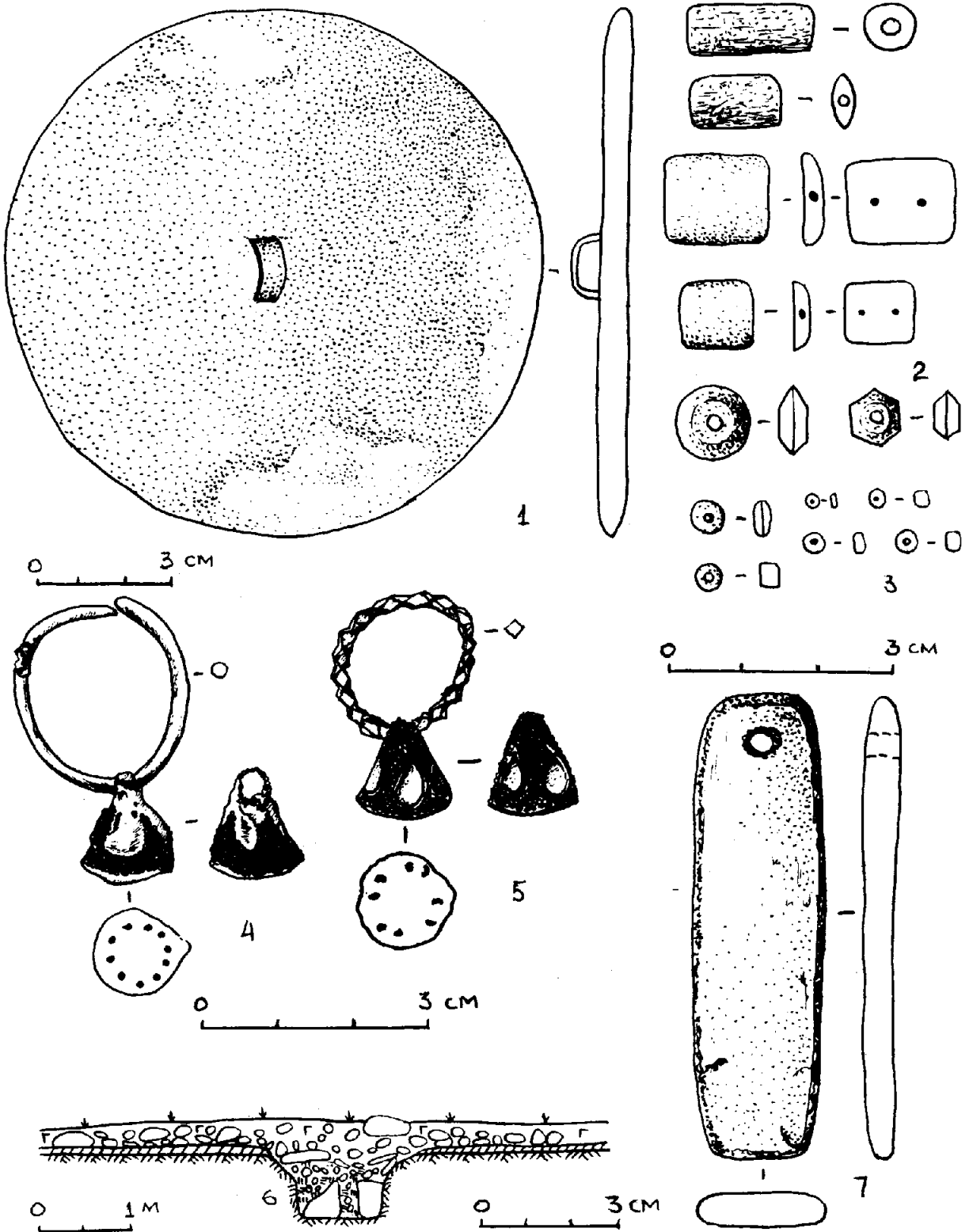

Рис. 3. Могильник Бойтыгем-II. Вещи из курганов № 2 (7) и № 19 (1-5), разрез кургана № 19 (6) (1 - бронза; 2, 7 - камень; 3 - паста; 4, 5 - золото) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

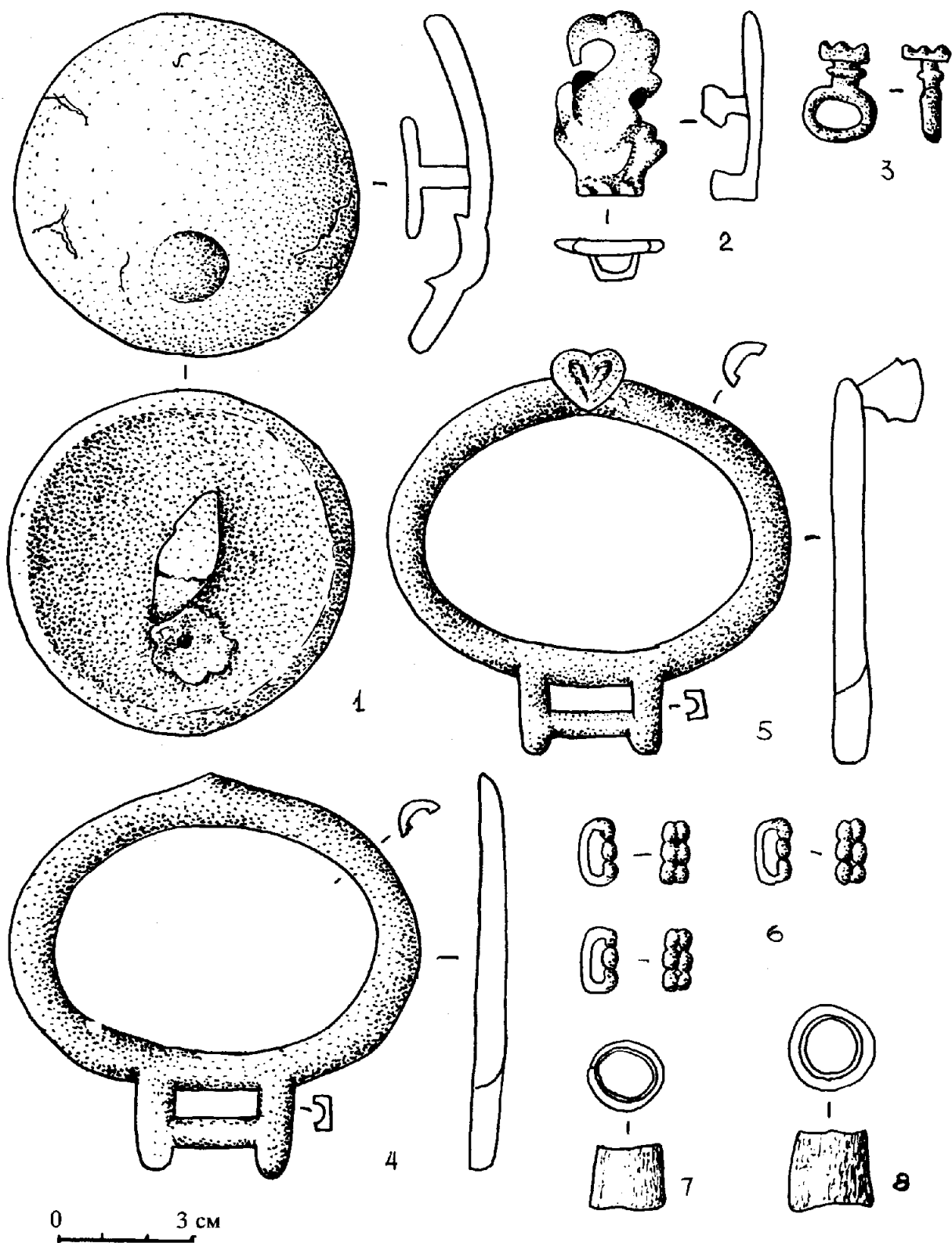

Рис. 4. Могильник Бойтыгем-II. Вещи из захоронения коня кургана № 19 (1-6 - бронза; 7, 8 - кость) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

Последний же одинаков не только в Горном Алтае, но и на обширной территории азиатских степей, характеризуя в целом раннескифское время. Вопрос заключается, на наш взгляд, только в том, что понимать под культурой и что — под локальным вариантом.

Прояснить положение помогли бы еще два момента. Во-первых, необходимо выделить типы вещей, распространенных в VIII–VI вв. до н. э. на территории Горного Алтая и характеризующих оба локальных варианта как в целом, так и в отдельности. Во-вторых, с той же целью нужно провести анализ форм и орнаментации погребальной и поселенческой керамики. Обе задачи на данном уровне исследования решить очень сложно. Трудности первой заключаются в ограбленности большей части раскопанных курганов и малом количестве инвентаря из них. Решение второй упирается в неразвитость ритуала установки посуды в могиле, а также не только неисследованность, но и вообще отсутствие зафиксированных майэмирских поселений. В связи с этим в настоящее время, на наш взгляд, термины «майэмирская культура», «усть-куюмский» и «куртукско-катонский» варианты следует использовать условно, имея в виду в первую очередь хронологию и территориальную привязку каждого конкретного памятника. В заключение остается констатировать, что нерешенных проблем по раннескифскому времени Горного Алтая стало даже больше, чем их было при выделении в 1986 г. [16] майэмирской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арсланова Ф. К. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана//Бронзовый и железный век Сибири (Древняя Сибирь, вып. 4). Новосибирск, 1974. С. 77–83.
2. Борщева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981. 126 с.
3. Бородаев В. Б. Местонахождение Вакулиха 1//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. докл. конф. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 150–155.
4. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–VI вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
5. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
6. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае//КСИИМК. Вып. XVII. М., 1947. С. 9–17.
7. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
8. Демин М. А., Гельмель Ю. И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая// Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.
9. Ермолаева А. С. Измайловский погребальный комплекс переходного времени от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья//Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 154–163.
10. Завитухина М. П. Курганы у села Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.)//АСГЭ. № 8. Л., 1966. С. 61–77.
11. Кадырбаев М. К. Курганы Котанэмеля//Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127–132.
12. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
13. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
14. Марсадалов Л. С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае//АСГЭ. № 22. Л., 1981. С. 11–22.
15. Марсадалов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–VI вв. до н. э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
16. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
17. Руденко С. М. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 523 с.
18. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов//МИА. № 101-М. 1961. 162 с.
19. Сорокин С. С. Цепочка курганов ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Горный Алтай)//АСГЭ. № 16. Л., 1974. С. 62–91.
20. Степанова Н. Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тез. доклада. Барнаул, 1986. С. 79–81.
21. Суразаков А. С. Раскопки в долине Айрыдаш//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 197–200.
22. Суразаков А. С. Раскопки памятников Курата 2 и Кор-Кобы 1 //Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
23. Тишкин А. А., Харченко Т. В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае//Охрана и использование археологических памятников Алтая./ Тез. докл. Барнаул, 1990. С. 67–70.
24. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи: По материалам Тагискена. СА, 1966. № 2. С. 151–175.
25. Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большерецкая культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1993. 184 с.
26. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.

А. Л. Кунгуров

ВЕРХНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3

Памятник был зафиксирован в 1985 г. Н. Ю. Кунгуровой. В 1988–1991 гг. экспедицией Алтайского государственного университета вскрыта общая площадь ок. 600 кв. м [1, 2, 4]. Поселение расположено на остатке третьей надпойменной террасы, имеющей высоту 30–32 м над уровнем Катунь и до 10–12 м над

уровнем Тыткескена. Площадка, занятая памятником, с востока, севера и запада ограничена правым берегом р. Тыткескень, а с южной стороны отрогами гор и вертикально стоящей известняковой скалой (рис. 1). Ее поверхность плавно поднимается от края террасы (северная часть) к скалам (перепад высот в раскопе

больше 2 м). Откос к реке занят березово-сосновым лесом, хорошо маскирующим площадку, на которой древесной растительности нет. Памятник имеет достаточно сложную стратиграфию, изменяющуюся от края террасы к скальным выходам.

1. 0–0,05 м — дерн.
2. 0,2–0,44 м — верхний гумусовый горизонт черного цвета с редким содержанием обломков известняка, галек и валунов. Мощность слоя увеличивается от севера (0,2 м) к югу (0,44 м). Также увеличивается и его насыщенность обломками известняка.
3. 0,1–0,5 м — нижний, более светлый, гумусовый горизонт. Мощность также возрастает к северу. В 57 м от северного края кровля слоя 3 насыщена обломками известняка, ниже (севернее) включений продуктов разрушения известнякового массива меньше. Общее увеличение гумусовой пачки объясняется смывом обогащенных перегноем частиц почвы с гор.
4. 0,05–0,3 м — серая лессовидная карбонатизированная супесь. Горизонт в южной части неоднороден (разорван погребенной почвой). К кромке террасы практически сходит на нет.
5. 0–0,1 м — темно-серая (насыщенная гумусом) супесь. Появляется в 53 м от края террасы и перекрывает слой 4.
6. 0–0,4 м — погребенная почва черного цвета с большим содержанием древесного угля. Появляется в 53 м от края террасы, подстилает слой 5.
7. 0–0,05 м — погребенная почва темно-бурого цвета, насыщенная обугленной органикой. Подстилает слой 6.
8. 0–0,1 м — погребенная почва темно-бурого цвета, содержит обугленную органику. Прослежена с 51 м от края террасы. Подстилает слой 4.
9. 0–0,2 м — погребенная почва бурого цвета. Прослежена с 57 м от края террасы, подстилает слой 8.
10. 0–0,3 м — серый золотый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа (край террасы).
11. 0–0,1 м — зеленовато-серый золотый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа.
12. 0–0,05 м — черно-коричневая погребенная почва, насыщенная органическими остатками. Является подошвой рыхлых отложений субаэрального генезиса. Ниже ее фиксируются аллювиальные отложения. Прослежена с уровня 47 м от края террасы.
13. 0–0,95 м — зеленоватый крупнозернистый аллювиальный песок. Появляется как слой на уровне 30 м от края террасы.
14. 0–0,2 м — аллювиальный гравийный горизонт, появляется в 35 м южнее края террасы.
15. 0–0,1 м — зеленоватый мелкозернистый аллювиальный песок, появляется в 40 м южнее края террасы.
16. Ниже 0,35–3,48 м — аллювиальный валунно-галечниковый конгломерат-цоколь террасы.

Падение аллювия от края террасы к скалам на глубину почти 3 м объясняется тем, что в древности под скалами проходило русло Тьтгескена, сместившееся позднее на свое нынешнее место. Оставшаяся старица была замыта песком и гравием (слои 13–15) во время разливов Тьтгескена, а затем занесена субаэральными отложениями. Первое поселение возникло на Тьтгескене 3 в эпоху палеолита (слой 12), когда большая часть этой площадки представляла собой галечниковую гряду, огораживающую засыпанное песком и гравием старое русло реки. После перерыва, оставившего 10–

15-сантиметровый слой золотого надува (слой 11), место было заселено в раннемезолитическую эпоху (слой 10). Уже тогда поверхность террасы начала нивелироваться за счет смыва с гор. Слои 5–9 отражают периоды заселения террасы в позднем мезолите. По-видимому, большое количество тонких погребенных почв не связано с деятельностью человека, а отражает какие-то климатические сдвиги на Средней Катуни в начале голоцена. В финальномезолитическом времени люди застали уже ровную площадку с незначительным подъемом к югу (к скалам), сnivelированную отложениями предыдущих эпох в старом русле Тьтгескена и засыпанную мелкой золотой лессовидной супесью (слой 4). В эпохи бронзы и железа терраса имела современный вид: постепенно нарастая, гумус полностью сгладил сложную стратиграфию площадки.

К сожалению, большая часть нижних горизонтов, перекрытых лессовидной супесью, пока исследована на очень небольшой площади. В данной работе вниманию читателя будут представлены только культурные слои гумусовой пачки, эпохи бронзы, раннего железа и средневековья.

Культурные слои эпохи средневековья (глубина залегания от 0 до 0,25 м). Зафиксированные объекты: каменная «выкладка» (рис. 2), «ритуальная» яма (рис. 3). Возможно, часть зафиксированных хозяйственных ям относится к эпохе средневековья, но находками это не подтверждается (в большей части ям вообще никаких находок нет).

Культурный слой средневекового времени прослежен по всей площади раскопа (включая первую шурфовку в 1985 г.). Попадание керамики, характерной для него, в низлежащие горизонты минимально. Характер керамики, даже без орнамента, существенно отличается от предшествующей посуды раннего железного века большей рыхлостью теста и толщиной стенок сосуда. Имеются все данные для обоснования принадлежности этому слою фаунистических остатков (см. табл. 1), иллюстрирующих скотоводческое хозяйство с развитой охотой. Споропыльцевые и палеокарпологические анализы демонстрируют, кроме того, развитую отрасль собирательства — сбор полезных ментоловых или иных трав. К сожалению, эти данные достаточно ущербны из-за особенностей почв, разрушающих пыльцу.

Характеристики керамики (рис. 4–1–7; 6). Керамический комплекс первого культурного слоя представлен 438 обломками керамики не менее чем от сотни сосудов. Наиболее распространенная форма — профилированные плоскодонные горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 4–1–4, 6, 7; 6–3, 4, 5, 8, 9, 11–14), закрытые баночные сосуды крупных размеров (рис. 6–2). Реже встречаются небольшие банки и миски (рис. 6–1). Орнаментация бедна: ямки неправильной формы (рис. 4–2; 6–2, 9, 10), насечки, зацепы (рис. 6–5), «след лося» — отпечатки отступающего двузубого штампа (рис. 6–7), очень редко встречаются гребенчатый штамп (рис. 6–6) и треугольники из отпечатков семечковидной формы (рис. 4–1). В целом следует отметить, что большая часть средневековой посуды оставлена без орнамента. Встречено только одно изделие из керамики — цилиндрическое пряслице, украшенное отпечатками штампа а — «трубочки», образующими соляный орнамент (рис. 5–10).

Орудийный набор. Количественно невелик, но достаточно выразителен: три железных ножа, шило, три

изделия из бронзы, костяное острие и обрезанный рог косули, нижний камень жернова и серия точильных камней-брусков.

Ножи разных размеров и типов. Один черешковый, небольшой величины со сточенным лезвием найден в центральной части выкладки (рис. 5-3). Два других обнаружены под скалой. Оба имеют изогнутую серповидную форму, но один маленький, приближающийся размерами к первому (рис. 4-8). Третий нож можно назвать жатвенным или даже серпом (рис. 4-9). К его особенностям следует отнести также волнистую форму выпнутого лезвия и загнутый для закрепления в деревянной рукоятке кончик черешка. Шило достаточно крупное, черешок не выделен, сечение квадратное. Подобное изделие было встречено нами при раскопках поселений Усть-Куюм в 1986 г. Крупные размеры этих изделий наталкивают на мысль, что они могут быть своеобразными пробойниками для металла и толстой кожи (рис. 5-4). Из бронзы сделана плоская подвеска (?) подтреугольной формы (рис. 5-6), несомкнутое кольцо с насечками по внешнему краю (серьга) и фрагмент изделия с заклепкой (рис. 5-5, 7). Костяное острие (рис. 5-9) — обычный предмет для комплексов эпохи железа, о назначении которого можно только гадать. Конец изделия разрушен, поэтому установить его функциональную необходимость, на мой взгляд, невозможно. Обрезанный рог (рис. 5-12) несет следы работы острым и достаточно массивным металлическим предметом (долото или тесло). К костяным предметам можно отнести зуб молодого медведя с недо-сверленным отверстием посередине (рис. 5-8) и несколько костей коровы со следами работы металлическими орудиями.

В квадратах 48-56/Д-М на глубине 0-0,25 м расчищена выкладка из известняковых глыб и валунов катунского аллювия, принесенных с берега реки (соотношение 1:15) (рис. 2). Назначение выкладки неясно. Она представляет собой бессистемное сложение камня длиной около 9 м и шириной от 1 до 7 м с простиранием с юго-восток на северо-запад. В раскопе 1989 г. выкладка не фиксировалась, также как и в квадратах 51-48/К-М, примыкающих к объекту с востока. Камни выложены в один слой (с редкими накладками друг на друга), но не сплошняком, а со значительными промежутками. Какой-либо закономерности не прослеживается, за исключением квадратов 54-56/И-Л. Здесь с определенной долей вероятности можно проследить круг диаметром 3 м из более крупных глыб. Хотя, скорее всего, это случайное образование. Не исключено, что перед нами какое-то развалившееся или намеренно разрушенное сооружение типа стенки-загородки от ветров, дующих с верховьев р. Тьткескеня. Концентрация находок довольно равномерна и не позволяет выделить какие-либо более насыщенные участки. В нескольких случаях среди развала камня встречены половинки зернотерок (рис. 5-11). Не вызывает сомнения их вторичное использование уже как галек. Подобные изделия (верхние и нижние камни) — обычная находка в подстилающем втором культурном слое раннего железа. Видимо, зернотерки были найдены обитателями Тьткескеня 3 эпохи средневековья и уложены в выкладку. Найти их можно было при рытье ям или в обрывах речки. В квадрате Ж/56 расчищен нижний камень жернова (рис. 5-1). Из-под него Г. Я. Барышниковым была взята почва на спорово-пыльцевой и палеокарпологический анализ. Было ожидание, что анализы покажут наличие злаков, однако

этого не случилось. Особенности почвы не позволили сохраниться большей части пыльцы и семян. Зато обнаружилось большое количество семян и пыльцы лекарственных и съедобных трав (крапива двудомная, лебеда, мята, душица, шалфей, лапчатка, котовник). Подобная подборка, на взгляд ботаников, могла возникнуть только искусственно.

Следует отметить находки нескольких пестов (рис. 5-2) с сильно избитыми рабочими плоскостями и нескольких кусков железной руды, свидетельствующих о знании древними тьткескенцами способов выплавки железа, однако никаких объектов, которые можно было бы связать с металлургическим производством, не зафиксировано. Рядом с северной оконечностью выкладки располагалось своеобразное сооружение, предположительно, этого же времени, названное нами, из-за отсутствия аналогий, условно «ритуальной» ямой (рис. 3). Верхняя часть этого объекта была раскопана в прошлые годы, но более широко вскрытая площадь позволила исследовать его полностью. Он представляет из себя яму размерами 1,9x1,2 м, неправильно-овальной формы, ориентированную по оси северо-восток—юго-запад. Глубина ямы (прослеженная) 1,3 м, но, видимо, первоначальная глубина была около 1,55 м (от нижнего уровня средневекового культурного слоя). Яма заполнена темно-серой гумусовой супесью с вмязками древесного угля и находок не содержала. Вокруг ямы в радиусе до 2 м зафиксировано 11 небольших ямок, напоминающих столбовые. Одна из них прорезает край жилища раннего железного века. Глубина ямок (первоначальная) колеблется от 0,35 до 1,7 м (из-за резкого поднятия уровня поверхности террасы к западу от «ритуальной» ямы). Заполнение всех ямок полностью идентично заполнению центральной ямы. Назначение этого объекта неясно.

В 1991 г. от существующего раскопа прирезан участок к скальному выходу (отвесной скале). Зафиксированы следующие моменты:

1. Средневековая выкладка к скальному выходу не примыкает (кв. ДГ/56-57);
2. Вдоль выхода искусственных сооружений не прослеживается, все камни просто части разрушающейся скалы;
3. Культурный слой (1-й) имеет здесь такую же насыщенность, как и на остальной поверхности раскопа.

В квадратах Б, В/54-55 расчищен грот 1. Полностью грот не исследован из-за его малых размеров (высота входа 0,4-0,5 м, ширина 1,6 м, высота самого грота 0,7 м). По мнению д. г. н. А. М. Малолетко, этот грот один из входов в более крупную карстовую полость, скрытую под рыхлыми отложениями. Вероятный вход в пещеру расположен восточнее обнажения известняка (на уровне 60-65/Г) и может быть открыт в результате дальнейшей работы, которая планируется на ближайшие годы. Все находки в гроте относятся к эпохе средневековья. Вероятно, он использовался в качестве погреба-хранилища.

Культурный слой эпохи раннего железного века (глубина залегания от 0,25-0,3 до 0,5-0,55 м, в ямах и котлованах до 1-1,5 м). Зафиксированные объекты: жилище, большая часть расчищенных на вскрытой площади хозяйственных ям.

Культурный слой раннего железного века также прослежен по всей площади раскопа. Видимо, основное количество ям относится именно к нему, так как в

некоторых встречены керамика раннего железа, оселок, зернотерка и т. п. Фаунистические остатки второго культурного слоя приведены в табл. 2. Они также демонстрируют развитое скотоводческое хозяйство с существенной ролью охоты. Кроме того, А. В. Гальченко отмечает наличие костей очень крупной волкообразной собаки, напоминающей современных пастушеских волкодавов. Подобные собаки сопровождают обычно пастухов на дальних длительных выпасах, что подтверждает еще раз сформировавшуюся в последние годы среди исследователей раннего железного века Алтая точку зрения об отгонном (яйлажном) скотоводстве в скифское время. Наличие жилища позволяет предположить зимний характер поселения Тьткескеня 3 в эпоху раннего железа.

Характеристика керамики (рис. 7). Керамический комплекс второго культурного слоя составляет 356 фрагментов не менее чем от сотни сосудов. Примерно треть их составляют профилированные горшки, остальное — банки закрытого типа. Орнамент традиционен для раннего железа Горного Алтая: жемчужник «чистый» и с разделителем, ямки, оттиски гладкого штампа, напечной валик. Единично встречаются насечки по краю венчика. В заполнении жилища находки практически отсутствовали, только в яме, исследованной наполовину (рис. 3), найден развал слабопрофилированного горшка без орнамента (рис. 7-2), небольшой черешковый четырехгранный наконечник стрелы (рис. 8-1), костяное лошдило (рис. 8-2) и обломок каменного оселка (рис. 8-3). Малое количество находок свидетельствует о том, что в жилище поддерживалась чистота. В 1989 г. была вскрыта часть этого же жилища и там был найден развал сосуда (рис. 7-1) и бронзовый нож более раннего времени (рис. 8-8). Видимо, эту находку, как и значительное количество каменных изделий — переместили на свой уровень дневной поверхности обитатели Тьткескеня 3 раннего железа. Скорее всего, это произошло при рытье многочисленных ям и жилища.

Описание жилища. Размеры (видимые, включая часть, исследованную ранее) восток-запад — 4 м, север-юг — 8,8 м (рис. 3). Контур котлована неровный, но, судя по нему, жилище было подквадратной или подпрямоугольной формы со скругленными углами. Углублено в горизонт лессовидной супеси на 0,1 м. Возможная глубина котлована несколько больше, так как на фоне гумусового горизонта, в который вмещен второй культурный слой, котлован совершенно не читался. В кв. 52/ЛМ на краю котлована лежит крупная глыба, которая, судя по всему, находилась там и в момент функционирования жилища. Не исключено также, что изгиб контура котлована в этом месте строителями совершен намеренно, с целью использования глыбы в качестве фундамента или крепиды жилой конструкции. Несколько скоплений камней зафиксировано на «полу» жилища, однако большая часть находок расчищена выше, видимо, они попали в котлован в ходе разрушения и замыва жилища. Центральная часть объекта углублена еще на 0,05–0,1 м. Здесь же зафиксирован центральный (?) очаг с довольно мощным (до 0,1–0,15 м) прокалом. Диаметр очага 0,7 м, т. е. для обогрева жилища с максимальной площадью 60–65 кв. м его вполне достаточно. Однако не исключена возможность, что жилище имеет не подквадратную, а вытянутую вдоль р. Тьткескеня подпрямоугольную форму и мы расчистили только торцевую часть. В любом случае дальнейшие исследования покажут это, а может быть, позволят найти какие-либо конструк-

тивные особенности жилища. Вдоль южного края жилища зафиксированы два пятисантиметровых углубления и яма, глубиной от дна 0,25 м (она уже упоминалась в связи с находками в ней). Заполнение этих объектов однородно с заполнением жилища.

В 4–8 м от жилища к берегу речки расчищено свыше 70 хозяйственных ям, а между ними встречены более древние очаги третьего культурного горизонта (очаги в кв. ИМ/25–28 и СФ/29–32), обложенные по периметру мелкими камнями.

Находок изделий с поселения немного, ими мы и заканчиваем характеристику раннего железа Тьткескеня 3. Это 7 обломков нижних и верхних камней зернотерок, небольшое костяное изделие в виде рыбки (рис. 8-4), обломок недоделанного оселка. Кроме этих находок на поселении со второго культурного слоя было собрано больше количество целых и колотых галек небольших размеров. В лаборатории археологии АГУ научным сотрудником Н. Ю. Кунгуровой были сделаны трасологические определения этих предметов, представленные в табл. 3.

Культурный слой эпохи ранней бронзы (рис. 23–7–11). Ни мощность, ни распространение этого (третьего) культурного слоя не установлены. Судя по находкам около очага с каменной обкладкой предполагаемый уровень залегания 3 культурного слоя 0,6–0,7 м. Здесь найден венчик сосуда елунинской культуры (рис. 8-5). К этому же комплексу относится еще несколько фрагментов, украшенных отпечатками крупнотубовообразной гребенки (рис. 8-6, 7) и прочерченными линиями, 3 дисковидных скребла (рис. 8-9) и бронзовый нож, о котором уже упоминалось (рис. 8-8). Он слегка изогнут, однолезвийный, с выделенной рукоятью, расширяющимся навершием и небольшой «хвостатостью» на конце лезвия. Подобные ножи характерны для памятников предандроновской бронзы (елунинская и кротовская культуры). Возможно, к этому времени относится обломок керамического изделия (пряслице), украшенный сеточкой (рис. 8-11) и обломок сланца со следами подшлифовки (рис. 8-10).

Датировка и культурная принадлежность верхних культурных слоев Тьткескеня 3. К сожалению, из имеющихся в Горном Алтае поселенческих комплексов эпохи средневековья изучено очень мало. Поэтому практически керамику первого культурного слоя сравнить не с чем. Датировать его можно на основании железных предметов, прежде всего, серповидного ножа (рис. 4-9). Подобный нож обнаружен в оградке XV могильника Кудыргэ [3, табл. V-3]. Оградка датируется VI–VII вв. н. э. В оградках VII–XII найдены похожие черешковые ножи [3, табл. IV-1–3, 9]. При раскопках поселения в устье р. Куюм в 1986–1988 годах в верхнем культурном слое встречены трехгранные небольшие наконечники стрел VI–VII вв. н. э. и с ними похожий железный пробойник или шило (рис. 5-4). В культурном плане поселение, по-видимому, принадлежало древнетюркским племенам Средней Катуни. Как и в раннем железном веке, очень трудно состыковать поселенческие и погребальные комплексы средневековья, но не исключено, что часть многочисленных древнетюркских сакральных памятников региона оставлена обитателями верхнего культурного слоя поселения Тьткескеня 3. Поселения раннего железа изучены лучше, благодаря раскопкам П. И. Шульги [6, 7] и С. М. Киреева [8–10], выделившего быстрянскую культуру раннего железа в предгорьях Алтая.

Таблица 1

**Фауна поселения Тыткескенъ 3. Эпоха средневековья
(определения А. В. Гальченко)**

<i>N п/п</i>	<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
1.	Неопределенные костные остатки (НКО) ближе к мелким копытным	191	—
2.	НКО ближе к крупным копытным	143	—
3.	Крупный рогатый скот	128	8
4.	Лошадь	195	19
5.	Коза	38	6
6.	Овца	181	13
7.	Косуля	135	12
8.	Сибирский горный козел	14	3
9.	Благородный олень	16	4
10.	Лось	2	1
11.	Кулан	18	2
12.	Свинья (?) Кабан	1	1
13.	Птица	1	1

Таблица 2

**Фауна поселения Тыткескенъ 3. Эпоха раннего железа
(определения А. В. Гальченко)**

<i>N п/п</i>	<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
1.	НКО ближе к мелким копытным	142	—
2.	НКО ближе к крупным копытным	90	—
3.	Крупный рогатый скот	53	6
4.	Лошадь	91	12
5.	Овца	96	7
6.	Коза	13	1
7.	Косуля	70	6
8.	Благородный олень	3	1
9.	Свинья (?) Кабан	3	1
10.	Медведь	1	1
11.	Собака	23	1
12.	Горный козел (архар)	10	1

Таблица 3

**Трасологические определения Н. Ю. Кунгуровой каменного материала
и культурного слоя эпохи раннего железа поселения Тыткескень 3**

<i>N n/n</i>	<i>Квадрат</i>	<i>Визуальное описание</i>	<i>Тип изделия по трасологическим наблюдениям</i>
1	2	3	4
1.	56/ИМ	Округлая галька с выбоинами	Изделия определены как шары боласов или прашные ора. Следы обработки свидетельствуют о придании предметам округлой формы
2.	44-52/И-М	—”—	
3.	Г-В ¹ /51-52	—”—	
4.	ИМ/52-54	—”—	
5.	НР/13-16 Яма 39	Маленькая плоская галька	Керамическое лоцило
6.	НР/13-16	Удлиненная галька	Терочник для формировки поверхности каменных изделий
7.	Г-В ¹ /51-52	Круглая плоская галька	Двустороннее лоцило для кожи
8.	Г-В ¹ /57-57	Удлиненная галька	—”—
9.	АВ ¹ /51-52	Крупная галька с выбоинами	Отбойник с оббитыми гранями
10.	З-Д/57-61	Сланцевая плитка	”Активный” абразив
11.	З-Д/57-61	Удлиненная галька	Лоцило по коже с функцией разминания
12.	49-52/ИМ	Небольшая плоская галька	—”—
13.	И*Ф/29-32	Плоская удлиненная галька	—”—
14.	ИМ/48-51	Удлиненная галька	Отбойник-колун для камня
15.	ИМ/33-35	Краевой обломок гальки	Терочник
16.	33-36/С-Ф	Скол в виде плитки песчаника	Скребло (?) или скобель по дереву
17.	ЗД/25-28	Краевой скол галечника	Скребло
18.	ЛЗ/49-52	Удлиненная галька	Пест
19.	ЗД/57-61	Плоская галька со сколами	Зернотерка, подвергавшаяся термической обработке
20.	—”—	—”—	Наковальня
21.	ОФ/13-16	Длинная узкая галька	Отбойник или «дробильник» по камню
22.	И/50	Плоская галька с подшлиф.	Курант
23.	КЛ/54-55	Удлиненная галька	Пест-«дробильник»

Таблица 3

**Трасологические определения Н. Ю. Кунгуровой каменного материала
и культурного слоя эпохи раннего железа поселения Тьгткескень 3**

<i>N n/n</i>	<i>Квадрат</i>	<i>Визуальное описание</i>	<i>Тип изделия по трасологическим наблюдениям</i>
24.	53–56/ИМ	–”–	Отбойник по камню
25.	–”–	–”–	Пест для дробления и растирания глины или охры
26.	МР/17–20	Удлиненная галька с подшлиф. конца	Затиранье с проворачиванием мелко- зернистого материала
27.	Н/54	Плоская галька с подшлиф.	Курант
28.	53–56/ИМ	Удлиненная галька с подшлиф.	Двухконцевой пест для пикетажной оббивки и затиранья каменных предметов
29.	19/21–24	Плоский камень с подшлиф.	Курант
30.	49–52/ИМ	Удлиненная галька с подшлиф.	Пест-терочник; «дробильник» по тамоту
31.	–”–	–”–	Пикетажный отбойник
32.	ГВ ¹ /51–57	Вытянутая галька	Пикетажный отбойник
33.	–”–	–”–	–”–
34.	КЛ/54–55	Обломки гальки	–”–
35.	53–56/ИМ	Вытянутая галька	Двухконцевой пест для разбивания и мельчения грубого каменного сырья на дресву
36.	ИМ/57–61	Плоская галька	Лоцило для размягчения кожи
37.	Ж/52	Плоская галька	Наковальня для оббивки камня
38.	ЗД/21–22	Вытянутая галька	Отбойник
39– 40.	КЛ/47–48 АГ/13– 16	Нуклеусы для получения галечных отщепов	
41– 98	разные	Разбитые и колотые гальки	Оббитые валуны, расколотые гальки, «облуния» (гальки, расколовшиеся в результате термического воздействия) и гальки без следов изработки

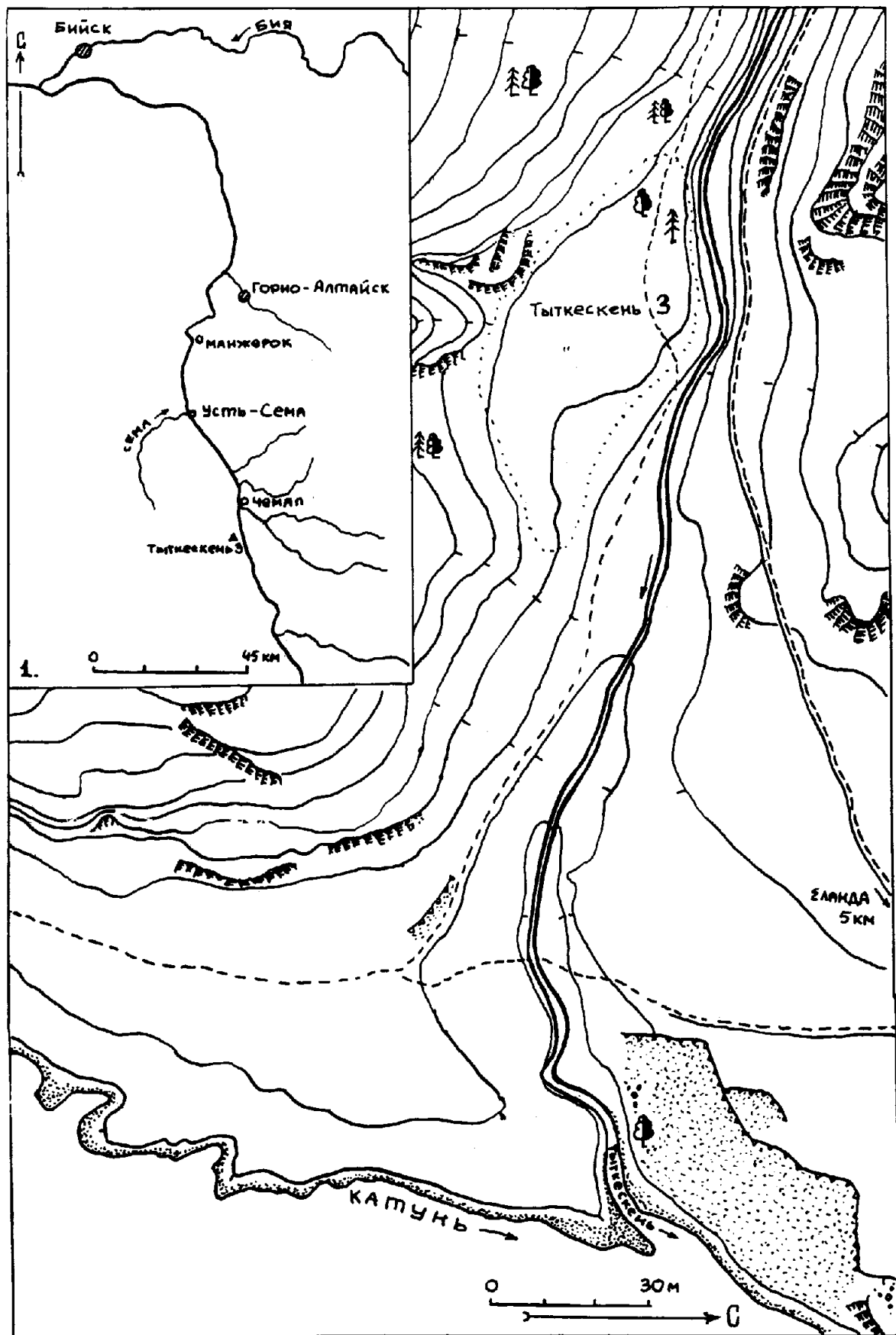

Рис. 1. Расположение поселения Тыткескенъ 3

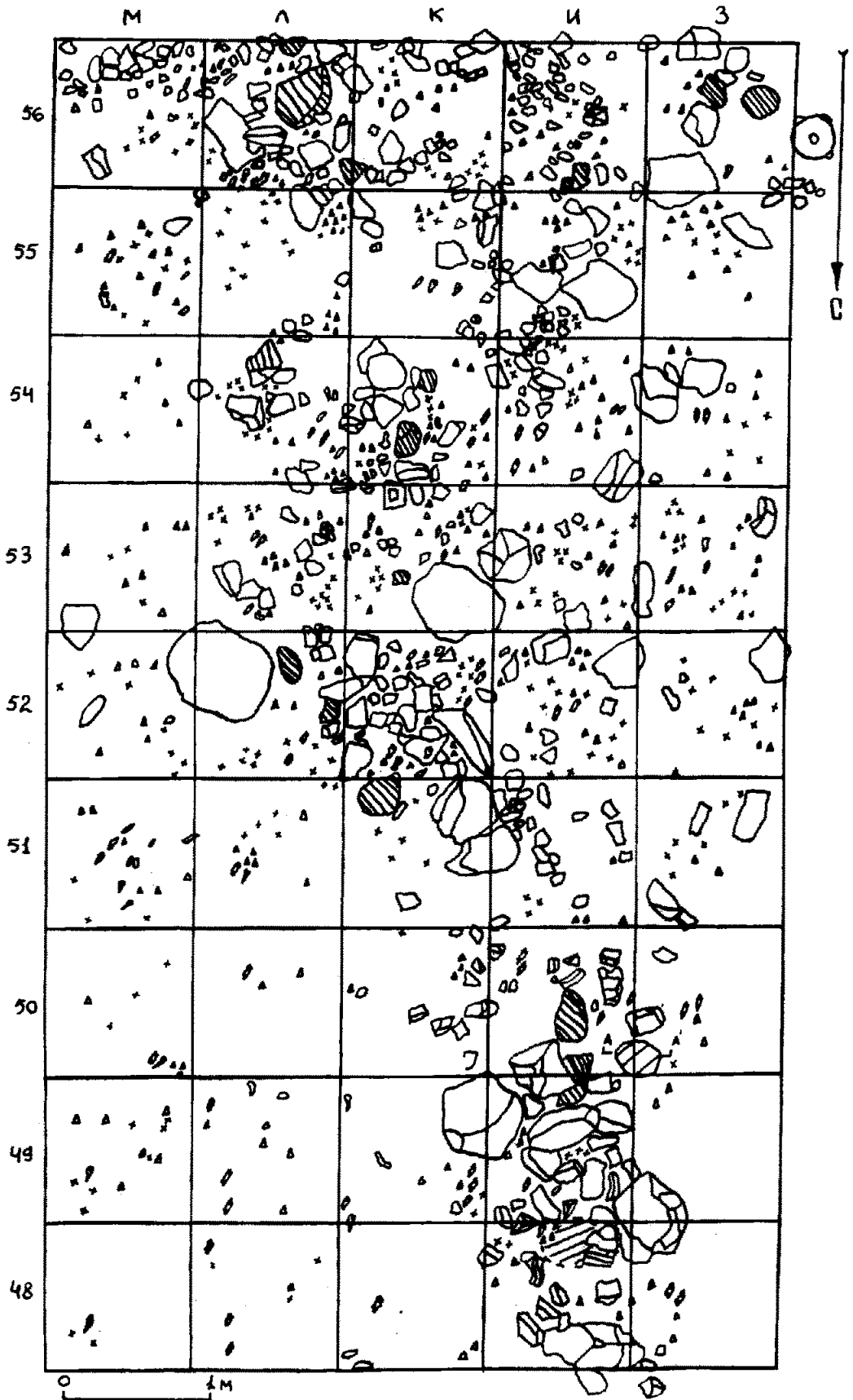

Рис. 2. Каменная выкладка эпохи средневековья. Тыгкескен' 3

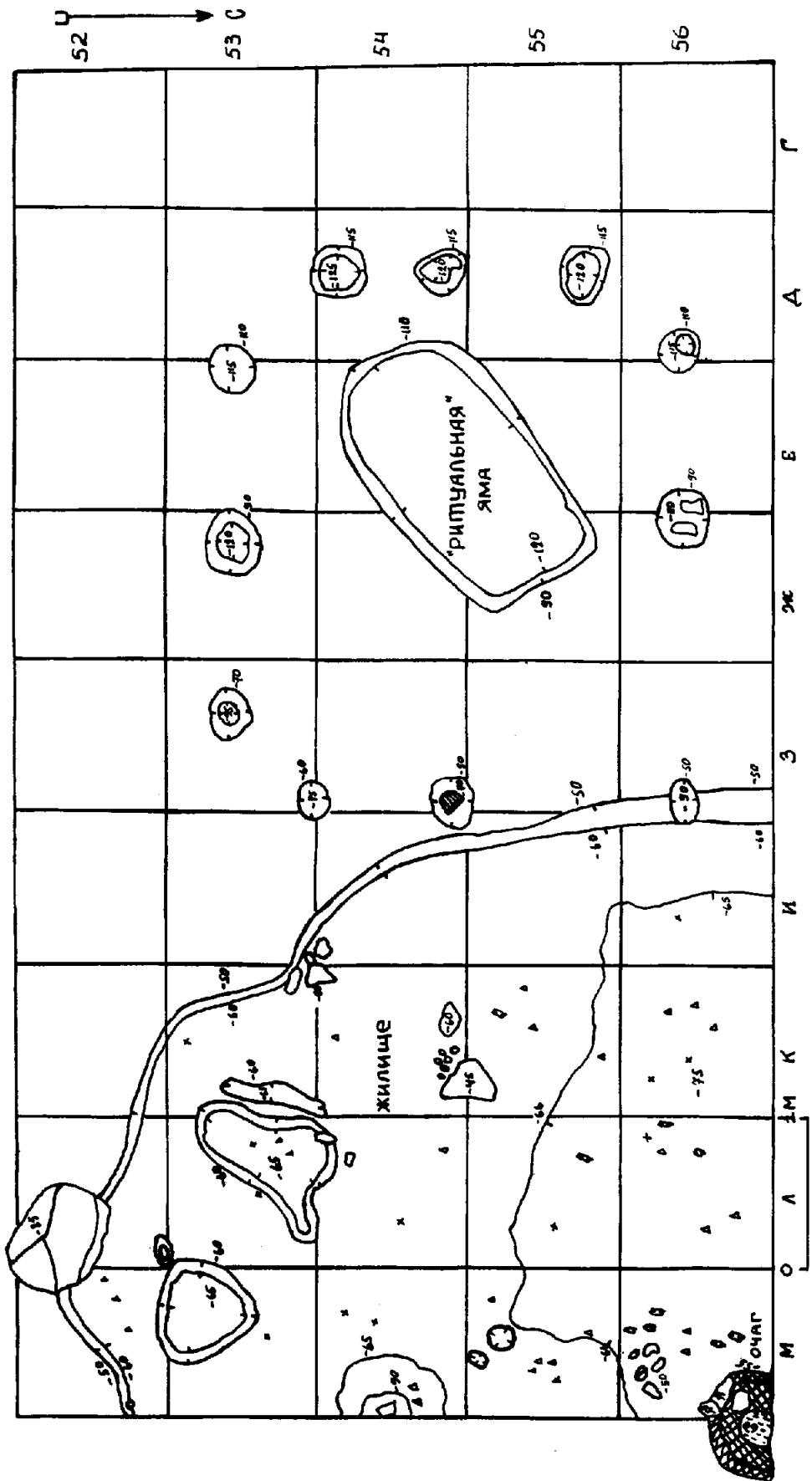

Рис. 3. Средневековая "ритуальная" яма и жилище эпохи раннего железа. Тылткескен 3

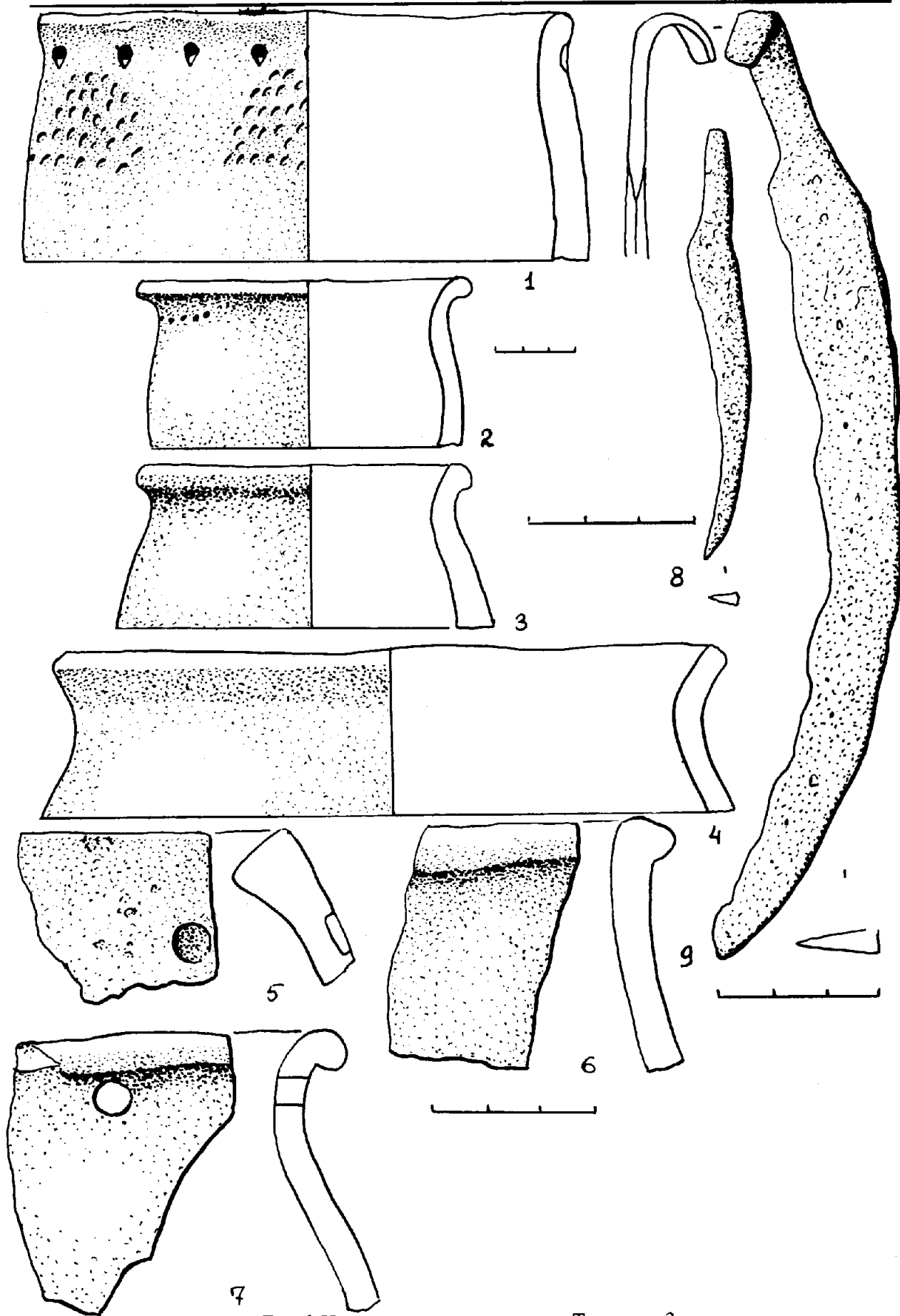

Рис. 4. Находки эпохи средневековья. Тыткескье 3

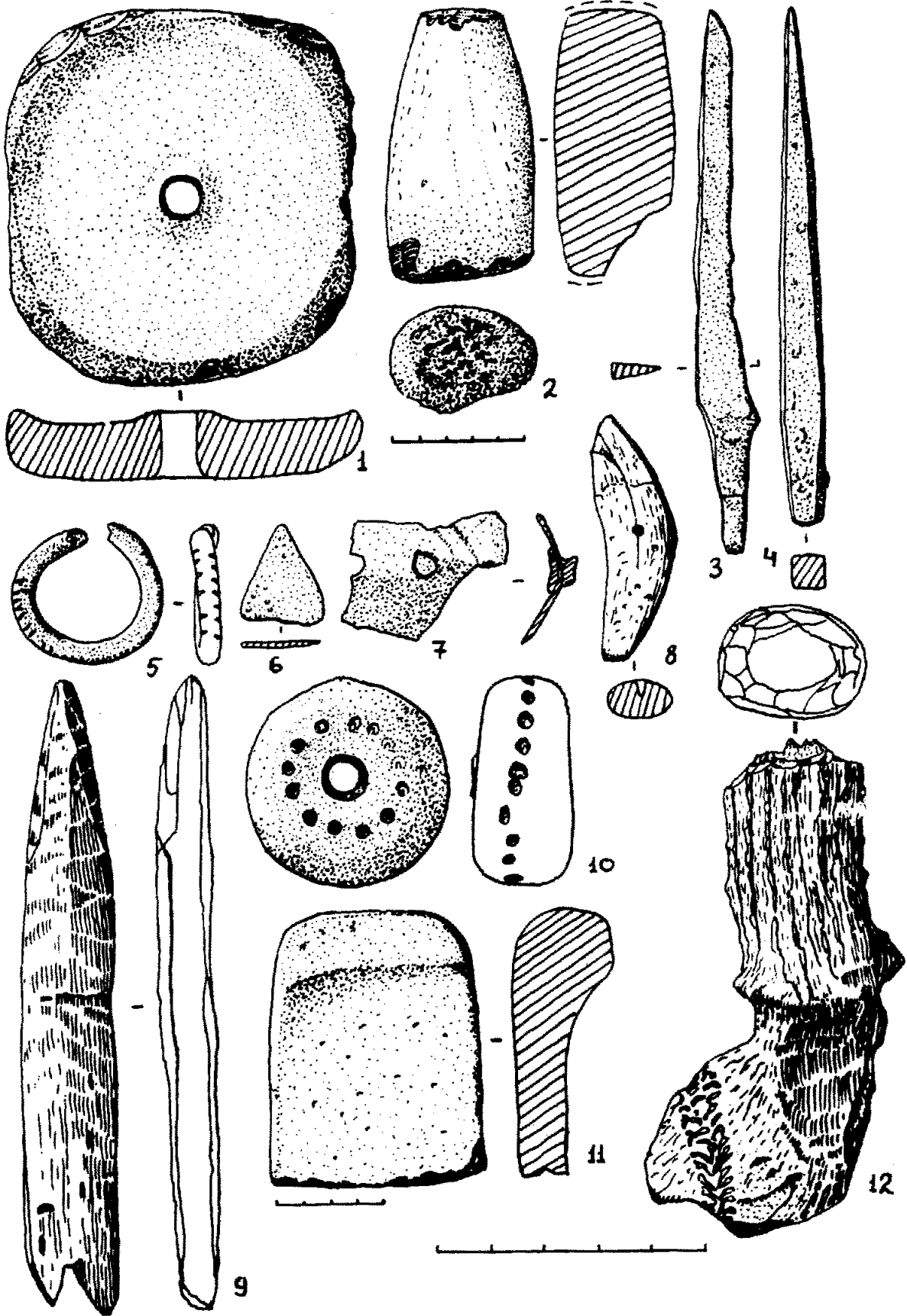

Рис. 5. Находки эпохи средневековья. Тыгкескен 3 (1, 2, 11 - камень; 3, 4 - железо; 5-7 - бронза; 8, 9, 12 - кость; 10 - керамика)

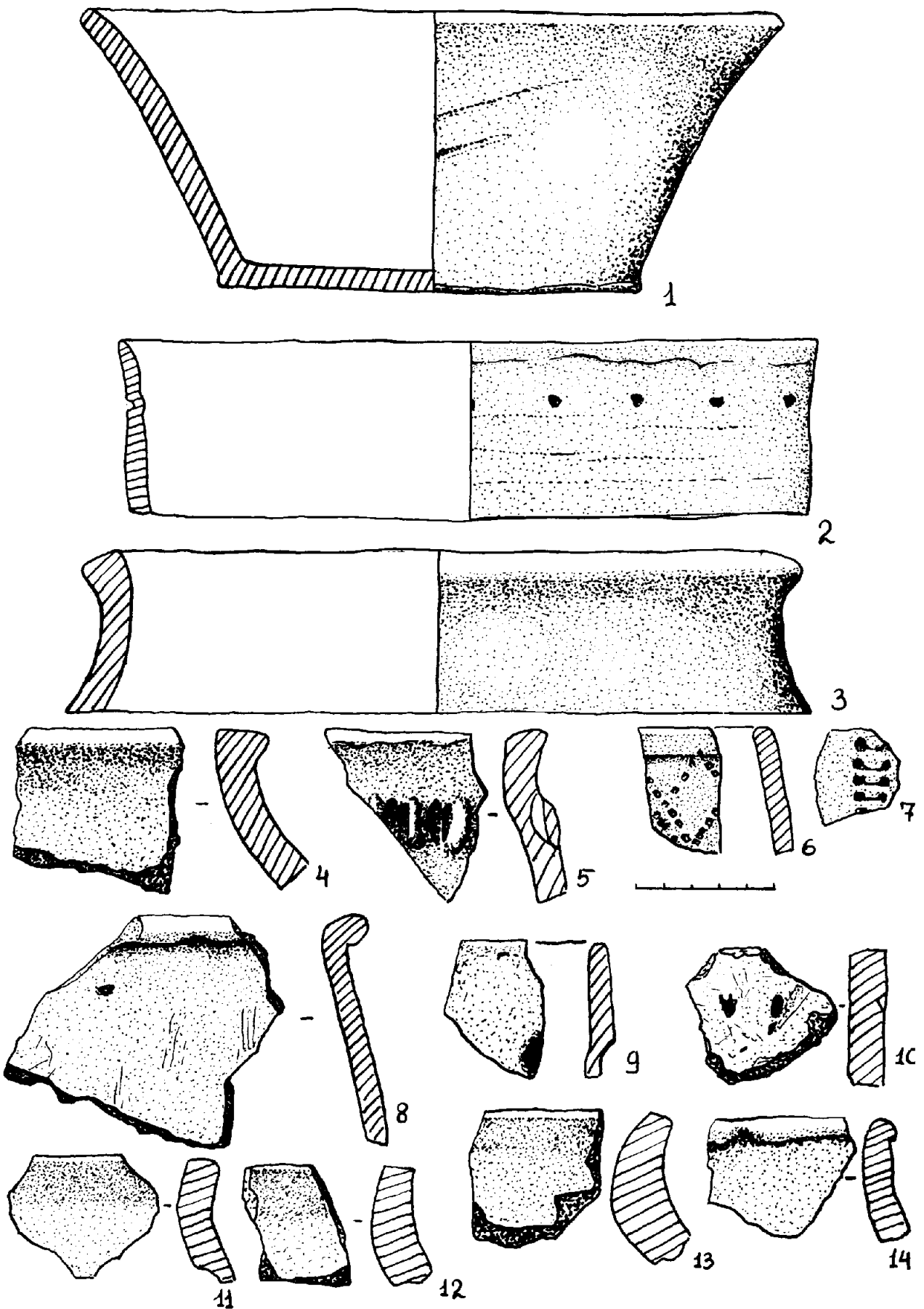

Рис. 6. Керамика эпохи средневековья. Тыткескен' 3

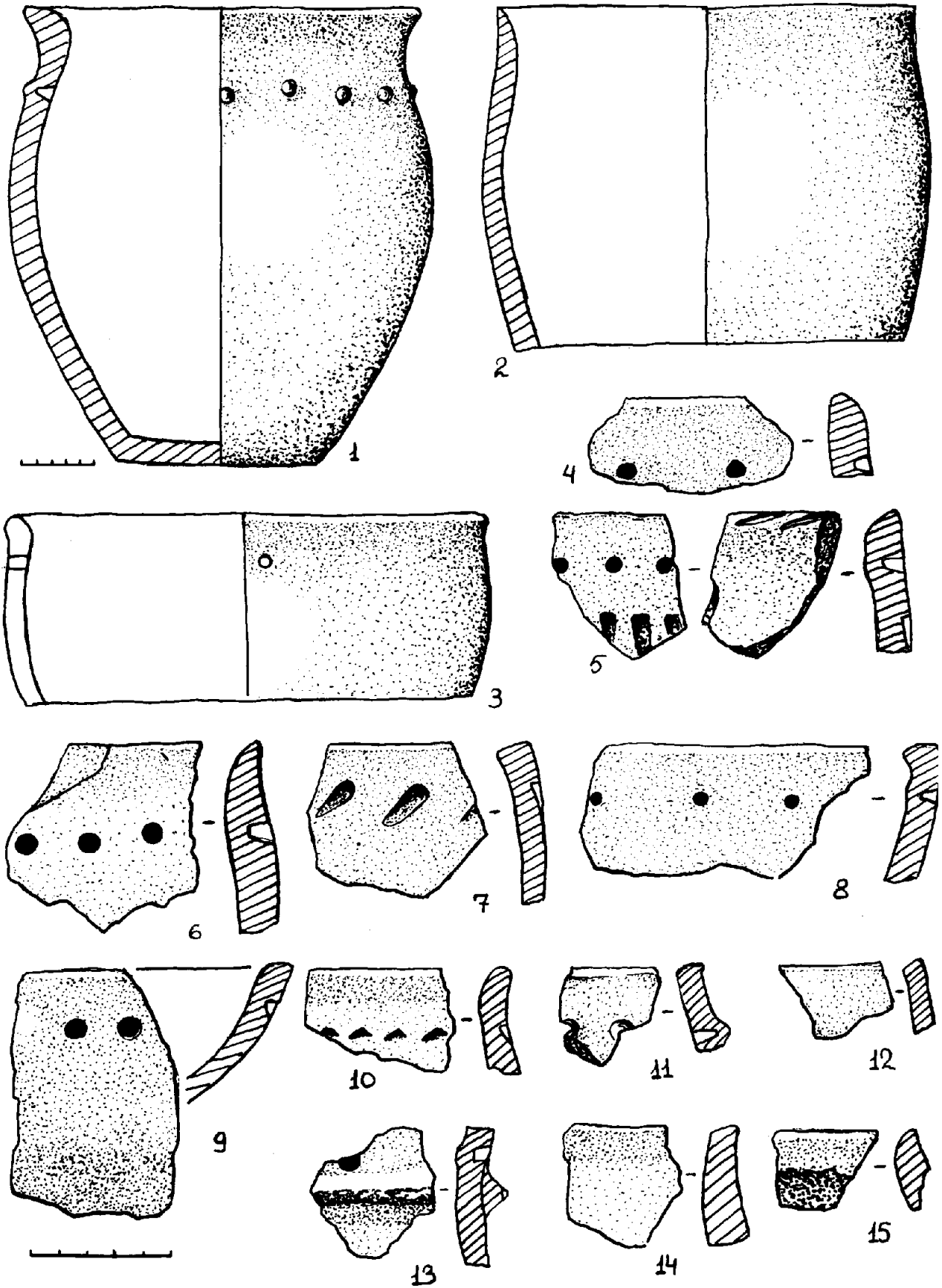

Рис. 7. Керамика эпохи раннего железа. Тыткескень 3

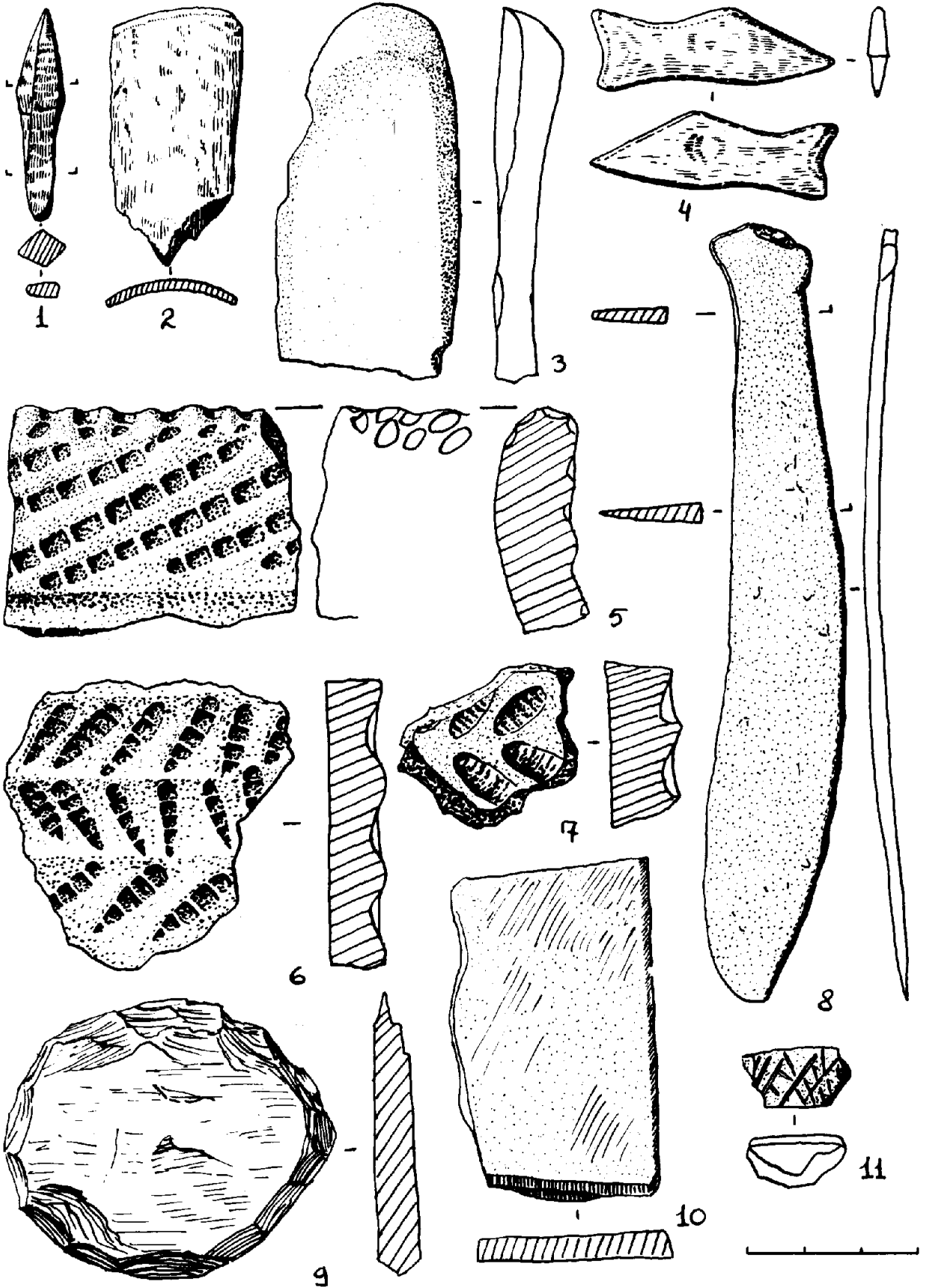

Рис. 8. Находки эпох раннего железа и бронзы. Тыткескень 3 (1, 2, 4 - кость; 3, 9, 10 - камень; 5, 6, 7, 11 - керамика; 8 - бронза)

По-видимому, 2 культурный слой относится к пазырыкской культуре с сильным влиянием предгорий. Определить его сложно, т. к. практически отсутствуют датированные предметы. Однако значительный удельный вес жемчужника указывает на время IV–VI вв. до н. э. Скорее всего, к этому периоду относится часть из 60 раскопанных курганов могильника Тьткескенъ 6, расположенного на другой стороне Тьткескена, так как там встречены сосуды с жемчужником близких форм. Еще сложнее дело обстоит с культурным слоем эпохи бронзы [1, 2], так как планиграфически он представлен только двумя очагами, десятком фрагментов керамики, бронзовым ножом и несколькими каменными изделиями. Керамика и нож определенно указывают на елунинскую культуру, хорошо известную в лесостепной и предгорной зонах Алтайского края. Однако в Горном Алтае изучение эпохи бронзы до- и после афанасьевского времени только начато, пока не разработаны ни хронология, ни культурная принадлежность этих памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Находки ранней бронзы со средней Катунь//Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 67–69.
2. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Долинин Е. В., Кирюшин К. Ю. К вопросу о бронзовом веке средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 39–40.
3. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л., 1965. 145 с.
4. Кунгурова Н. Ю. Древнее поселение в устье Куюма//Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.
5. Барышников Г. Я. Нетрадиционные методы исследования археологических памятников Горного Алтая//Палеоэкология и расселение древнего человека в северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 18–22.
6. Шульга П. И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае//Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 83–87.
7. Шульга П. И. Раскопки «скифского» поселения Ашат II на Ср. Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 64–65.
8. Киреев С. М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н. э.//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 65–73.
9. Киреев С. М. Поселение Майма 1 в предгорьях Алтая//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.
10. Киреев С. М. Работы на майминском комплексе в 1990–1991 гг.//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56.

Ю. Т. Мамадаков

РИТУАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ритуальные сооружения I тыс. н. э. в Горном Алтае, исследуемые в комплексе с каменными изваяниями, стелами, балбалами представляют самостоятельный вид археологических источников по истории древних племен. Начало научному изучению ритуальных сооружений (правда, древнетюркских оград) в Горном Алтае положено публикацией материалов кудыргинского могильника [1, с. 14–18], датированного второй половиной I тыс. н. э. Четких ритуальных сооружений (оград) с обязательными сопутствующими деталями (стелы, балбалы, изваяния) более раннего периода на рассматриваемой территории до сих пор не было известно. И вот на курганном могильнике Булан-Кобы IV были открыты и исследованы 7 таких сооружений. Все раскопанные оградки сторонами ориентированы с северо-востока на юго-запад, если мы условимся считать основным направлением восточное. Объективность подобного условия продиктована тем, что подавляющее большинство исследованных погребений на данном памятнике черепами ориентированы на восток.

Ограда 1 квадратной формы сложена из наклонно вкопанных плит, ориентирована сторонами с северо-востока на юго-запад, а углами — по сторонам света. Размеры 2,80x2,80 м, высота 0,52 м. К юго-западу от оградки, вертикально установлена плита, обращенная широкой лицевой плоскостью на юго-запад (ее размеры 0,60x0,15x0,18 м). Внутреннее пространство ограды выложено двухслойно из плит и камней, т.е. метод кладки совершенно аналогичен способу

выкладки плит стенок-колец вскрытых погребений [2, с. 173–179; 3, с. 197]. Мощность внутренней кладки составляет 0,25–0,30 м. Плиты ограничения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,16 м), размерами 2,55x2,50 м. Найдены обломки костей животных.

Ограда 4 квадратной формы (размеры 3,25x3,25 м, высота 0,6 м), сложена из 13 наклонно вкопанных плит (рис. 1, 5, 6). Четырьмя углами оградка ориентирована по сторонам света. Снаружи оградки вертикально установлена плита, обращенная широкой лицевой плоскостью на юго-запад (высота плиты 0,71 м). На юго-запад от оградки со стелой, на равных расстояниях друг от друга, в ряд вкопаны пять камней-балбалов. Внешний периметр оградки и ее внутреннее пространство заполнены двух-трехслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит и камней, т. е. метод кладки совершенно аналогичен способу сооружения стенок-колец, исследованных на данном памятнике захоронений. Мощности кладки составляет 0,23–0,36 м. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,30 м) квадратной формы, размерами 2,75x2,70 м. Встречались углы.

Ограда 5 прямоугольной формы (размеры 2,60x2,30 м, высота 0,50 м) сложена из 19 вертикально и наклонно поставленных плит. Четырьмя углами ориентирована по сторонам света. Две стелы (высота 0,55 м и 0,60 м) поставлены вплотную к ее северо-восточной стенке и широкой лицевой плоскостью обращены на восток.

Внешний периметр оградки и ее внутреннее пространство выложены двух-трехслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит и камней, т. е. метод кладки совершенно аналогичен способу сооружения стенок-колец вокруг исследованных здесь же погребений. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,28 м) прямоугольной формы размерами 2,30x2,00 м.

Ограда 6 прямоугольной формы (размеры 2,60x2,00 м, высота 0,58 м) (рис. 2, 7–10) сложена из 10 наклонно поставленных плит. Сторонами оградка ориентирована по сторонам света. На юго-запад от оградки, примерно на равных расстояниях друг от друга, в ряд вкопаны 3 камня-балбала. Внутренняя площадь выложена двухслойной насыпью из хорошо подогнанных плит. Выявлена прямоугольная яма размерами 1,10–0,50 м, глубиной 0,75 м. Она ориентирована с востока на запад. На дне стоял незавершенный ящик из 6 плит (отсутствовали торцовые стенки), перекрытый плитами. На дне ящика обнаружены железная пряжка, 3 железных и 1 костяной наконечники стрел, в его заполнении встречались угли. Размеры ящика 1,05x0,50 м, высота 0,34 м. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной подпрямоугольной площадки. В насыпи встречались угли.

Ограда 7 квадратной формы, размерами 2,50x2,50 м, высотой 0,55 м (рис. 1, 2–4). Углы оградки ориентированы по сторонам света. На юго-запад от оградки в ряд вкопаны пять камней-балбалов. В центре оградки выявлен незавершенный ящик (размеры 0,52x0,43 м, высота 0,19 м). Встречались угли. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки.

Оградка 8 подквадратной формы, сооружена из наклонно поставленных и плашмя уложенных плит, ее размеры 2,50x2,50 м (рис. 2, 1–4). Углы оградки ориентированы по сторонам света. Под однослойной насыпью выявлена прямоугольная яма размерами 0,44x0,31 м, глубиной 0,22 м, ориентирована по линии север-юг. На дне ее сооружен ящик из 3 плит. Размеры ящика 0,44x0,29 м, высота 0,30 м, перекрыт плитами.

Ограда 44 квадратной формы (размеры 3,40x3,40 м). Сооружена из 27 плит (рис. 2, 5–6), углами ориентирована по сторонам света. Внутреннее пространство оградки заполнено двухслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу плит и камней. Под насыпью выявлена овальная могильная яма, ориентированная по линии северо-восток—юго-запад (наибольшие размеры 3,60x2,60 м, глубина 0,90 м). На дне обнаружен расчлененный конский костяк (рис. 1, 1). Встречались угли. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной квадратной площадки.

Все исследованные оградки сооружались из поставленных на ребро каменных плит, и определенная площадь вокруг них, включая внутреннее пространство, перекрывалась каменной насыпью преимущественно из плоских плит, камней. При возведении насыпи в большинстве случаев использовался метод вымостки, чаще в несколько слоев (оградки 1, 4, 5, 6, частично оградка 7) и забутовки камнями. Только в одном случае (оградка 8), на наш взгляд, можно говорить о «комбинированном» способе возведения насыпи, т. е. это случай одновременного присутствия двух упомянутых способов.

Но прежде всего, как установили в процессе исследования всех оград, готовили специально углубленную площадку определенной формы, и в 3 случаях

(оградки 6, 7, 8) выявлены незавершенные ящики. Только в одном ящике найдены вещи (ограда 6). Следы огня зафиксированы в виде маленьких кусочков углей, также встречались кости животных. Как видим, булан-кобинские ограды не выделяются разнообразием вещей, находимых в них. И тем не менее их наличие внутри оград, конечно, не случайно.

В отличие от всех известных поминальных комплексов древнетюркского времени, булан-кобинские оградки ориентированы углами по сторонам света, и камни-балбалы отходят на юго-запад. Объяснение устройства оградок и их особенностей в настоящее время, на наш взгляд, затруднено. С накоплением источников, полнее характеризующих исследуемые памятники, видимо, можно будет раскрыть смысл подобного устройства.

Булан-кобинские оградки по конструкции, размерам и материалу, взятому для их сооружения, не отличаются от многочисленных древнетюркских оградок Горного Алтая [1, с. 14–17, табл. III, А, Б, В, табл. IV, А; 4, с. 47–81; 5; 6, с. 114–117; 7, с. 86–98; 8, с. 135–160 и т. д.]. С учетом планировки сооружений и их компоновки со стелами, балбалами и другими сопутствующими деталями исследователи выделяют несколько типов оград [1, с. 98–103; 4, с. 49–51; 5, с. 7]. Булан-кобинские оградки, на наш взгляд, не могут быть отнесены к какому-либо одному из предложенных типов (сознаем их хронологические и культурные различия). Главное отличие, как не раз отмечалось, в ориентации оград и камней-балбалов, а также в способе выкладки плит и камней насыпи в несколько слоев. Видимо, необходимо выделять новый тип ритуальных сооружений первой половины I тыс. н. э. — булан-кобинской, характеризующейся вышеперечисленными деталями. Тем не менее ряд черт в устройстве сближает булан-кобинские ограды с древнетюркскими. Рассмотрим, какими же особенностями они сближаются. Как известно, в хронологическом ряду древнетюркских оград кудьргинские занимают наиболее раннюю позицию (V–VI вв. н. э.). Последние сближаются с булан-кобинскими оградками прежде всего устройством каменных ящичков внутри сооружений, их незавершенностью в некоторых случаях, как в могильнике Кудэргэ (1, табл. IV, оградки XI, VII), наличием на дне ящика горизонтально положенных плит (1, оградка III; Булан-Кобы IV, оградка 8), ориентацией кудьргинских оград V, VII–XII, XV углами по сторонам света [1, с. 15, табл. III, IV]. К тому же редки в булан-кобинских и кудьргинских оградках следы огня и кости животных. Далее, судя по разрезам кудьргинских оград, показанных в табл. IV [I], плиты ограждений ставились по краям углубленной площадки, так же, как у булан-кобинских. Здесь должны заметить, что по отдельным элементам (камни-балбалы, стелы, каменные ящики, специально вырытая, углубленная площадка и т. д.) булан-кобинские ограды сближаются с яконурскими и юстыдскими типами древнетюркских оград [1, с. 99; 8, с. 149–154]. Все это указывает, на наш взгляд, на близкую культурную традицию сооружения рассматриваемых оград, несмотря на приличный временной отрезок между ними. В хронологическом ряду древнетюркских поминальных оград кудьргинские коллективные датируются ранним временем (V–VI вв. н. э.) [1, с. 17]. Между тем необходимо отметить, что датировка оград вообще, независимо от их культурной принадлежности, без серии находок в них, весьма сомнительна. Поэтому вопрос о датировке, культурной принадлежности

одиночных оград могильника Булан-Кобы IV следует рассматривать в контексте с конструктивными особенностями погребальных сооружений и классификацией сопроводительного инвентаря захоронений. Такие признаки оград, как специально углубленные площадки для их сооружения, двухслойная насыпь из хорошо подогнанных плит, наличие и месторасположение каменных ящиков, свидетельствуют о прямой связи данных объектов с погребальными сооружениями этого могильника, т. е. это памятники также булан-кобинской культуры [2, с. 173–178; 3, с. 197–198; 9, с. 15–18].

Что же касается инвентаря, то должны заметить, не может быть и речи об их серийном количестве с поминальных памятников вообще, с булан-кобинских в частности. Только в одной оградке 6 найдены предметы (железная пряжка, костяной наконечник стрелы, три железные трехлопастные наконечники стрел с общим ромбическим контуром головки (рис. 2, 11, 12). В серии булан-кобинских железных наконечников стрел (материалы с погребений могильников Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Бошту 1, Улита) [9, с. 10–12] довольно часто встречаются трехлопастные с общим ромбическим контуром головки. Появление таких наконечников стрел относятся к III–V вв. н. э. В это время они известны в Хакасии, Туве, Средней Азии, Горном Алтае [10, рис. 5, 13; 11, рис. 2, 5; 12, рис. 6; 13, рис. 5, 7, 8, 10; 14, рис. 3, 4; 15, табл. 4, 193]. А по мнению Л. Р. Кызласова, они появляются в Южной Сибири все-таки в более раннее время, что подтверждается находками в курганах хунну и ранней шурмакской (или кокзальской по Д. Г. Савинову) культуры Тувы первой половины I тыс. н. э. (II в. до н. э. — II в. н. э.) [16, с. 109].

В памятниках Горного Алтая железные наконечники стрел, аналогичные рассматриваемым (ограда 6, рис. 2, 11), известны из кургана 227 Балыктыкольского могильника поля, датируемого не ранее II в. н. э. — IV в. н. э. [13, с. 63–65, рис. 5, 8, 9], кургана 13 погребения 1 могильника Белый Бом II (II в. до н. э.) [18, с. 121, табл. IV, 7, 8]. Среди значительного количества трехлопастных наконечников стрел, известных на сегодняшний день с памятника Кок-Паш, также присутствуют подобные, но, судя по опубликованным рисункам, всего лишь в 9 экземплярах [17, рис. 3, 4, 5, рис. 4, 2, рис. 6, 9, 10, 19, рис. 9, 4, 18, 20]. А. С. Васютин, А. М. Илюшин, В. Н. Елин и другие считают, что «материалы из Кок-Паша... синхронны памятникам берельского типа...» [17, с. 36–37], т. е. кок-пашские погребения могут быть отнесены к IV–V вв. н. э. [1, с. 57]. Это подтверждается близостью, а в некоторых случаях идентичностью кок-пашских могил раннекудыргинским погребениям по обряду труположения на спине с южной ориентировкой, без коня, внутримогильными конструкциями [17, рис. 1, 2, 3, 4, рис. 2, 1, 2, 3 — Кок-Паш; 1, табл. VIII, А, табл. IX, Б, табл. XXII, В-Кудыргэ]. В связи с этим становится вполне понятным, на наш взгляд, довольно незначительное количество (9 экз.) малых по размерам трехлопастных наконечников стрел с закрытых комплексов указанного могильника. Видимо, во второй четверти I тыс. н. э. указанные наконечники практически выходят из «повседневного» пользования булан-кобинского населения Центрального Алтая, уступая «место» более крупным функционально усовершенствованным трехлопастным наконечникам стрел с общим ромбическим контуром боевой головки.

На сопредельных территориях подобные наконечники стрел известны в памятниках кокзальской (шурмакской по Л. Р. Кызласову) культуры Тувы [19,

табл. III, 16, 26, 45; 20, рис. 12, 18, 12, рис. 14, 2, 3, 4, рис. 20, 1, 2, рис. 21, 4 и т. д.; 21, табл. III, 10, 14, 22, 23, 24, 48; 2, табл. III, 4]. При этом надо иметь в виду, что время существования курганов-кладбищ 11, 37, 39, содержащих наибольшее количество наконечников стрел, аналогичных булан-кобинскому из оградки 6, соответственно определяются I в. до н. э. — III–V вв. н. э.; I в. до н. э. — I в. н. э.; II в. до н. э. — II–III вв. н. э. [19, с. 255; 21, с. 195, 209]. Комплекс инвентаря и предложенные В. П. Дьяковой хронологические рамки существования кургана-кладбища II, свидетельствуют, видимо, о наличии как ранних, так и более поздних типов предметов в одном закрытом объекте, дробной классификации и типологии последних не создано до сих пор. Сложившаяся ситуация в определенной степени затрудняет и установление более узкого времени бытования трехлопастных наконечников стрел из оградки 6 могильника Булан-Кобы IV. Тем не менее мы должны учитывать, что в булан-кобинских захоронениях Центрального Алтая малые по размерам трехлопастные наконечники стрел с ромбическим контуром головки, аналогичные из оградки 6, найдены в погребениях с инвентарем, подавляющее большинство которого датируется I в. до н. э. — II–III вв. н. э. [9, с. 22–15]. Этим же временем следует определять хронологические рамки укороченного костяного зажимного наконечника стрелы, круглого в сечении, с треугольной головкой из оградки 6 (рис. 2, 12). Необходимо подчеркнуть, что костяные зажимные наконечники в материалах ранних кочевников Горного Алтая не встречались. В этой связи предполагаем, что нижнюю хронологическую границу их распространения в данном регионе следует определять не ранее I в. до н. э.

Относительно железной круглой безщитковой пряжки из оградки 6 можно констатировать, что они были широко распространены на обширной территории Евразии на протяжении всего I тыс. н. э.

Археологическое изучение булан-кобинских оград позволяет нам установить более тесную связь подобных сооружений раннего времени с многочисленными ритуальными памятниками древнетюркского времени, а далее, с поздними поминальными обрядами народов Сибири. Так известно, что в шаманском ритуале южных алтайцев одну из главных ролей играла лошадь. Ее приносили в жертву как при похоронах, так и в некоторых культовых действиях [23, с. 20]. Отдельные конские кости встречаются и в вышеупомянутых сооружениях могильника Булан-Кобы IV. В могильной яме оградки 44 лошадь была представлена черепом, передними и задними конечностями, ребрами, лопатками. Вполне возможно, что яма выполняла одновременно и функцию символического очага. Это тем более вероятно, если учесть, что в яме встречались угли. По представлениям алтайцев, огонь служил средством очищения от скверны и защиты от нападения злых духов [24, с. 149]. Такие же охранительные функции несли, вероятно, и плиты ограждения оградок, поставленные на ребро, оберегая живых от умерших.

В то же время рассмотренные ритуальные оградки, вероятно, в определенной мере иллюстрируют факт раздельного расположения погребальных и культурно-поминальных сооружений у булан-кобинского населения. Этот древний обычай, зародившийся в среде кочевников Горного Алтая и не утративший смысловой нагрузки, видимо, сохранился и в последующее древнетюркское время. Убедительным подтверждением тому являются оставленные древними тюрками многочис-

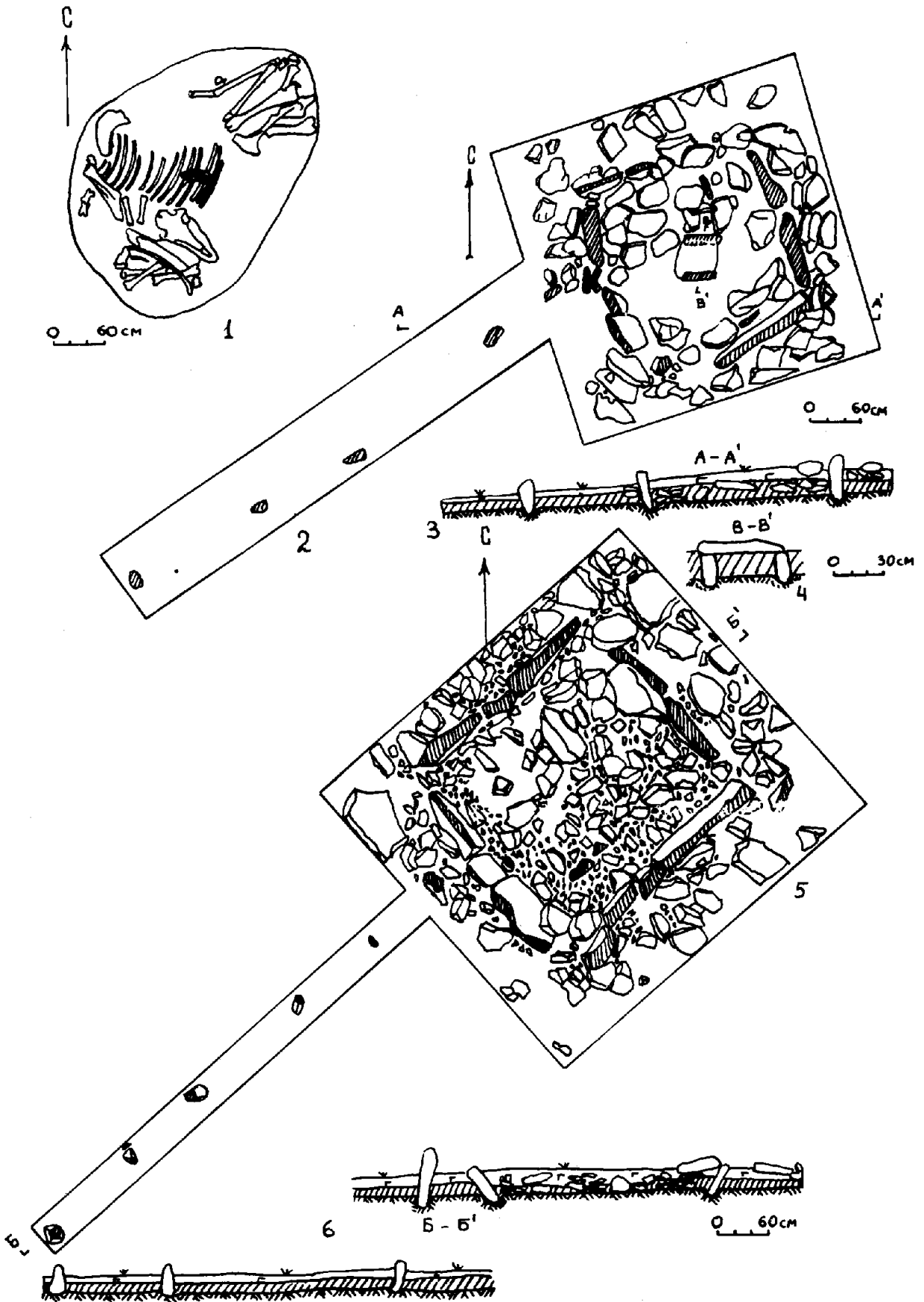

Рис. 1. 1 - ограда 44; 2-4 - ограда 7; 5, 6 - ограда 4

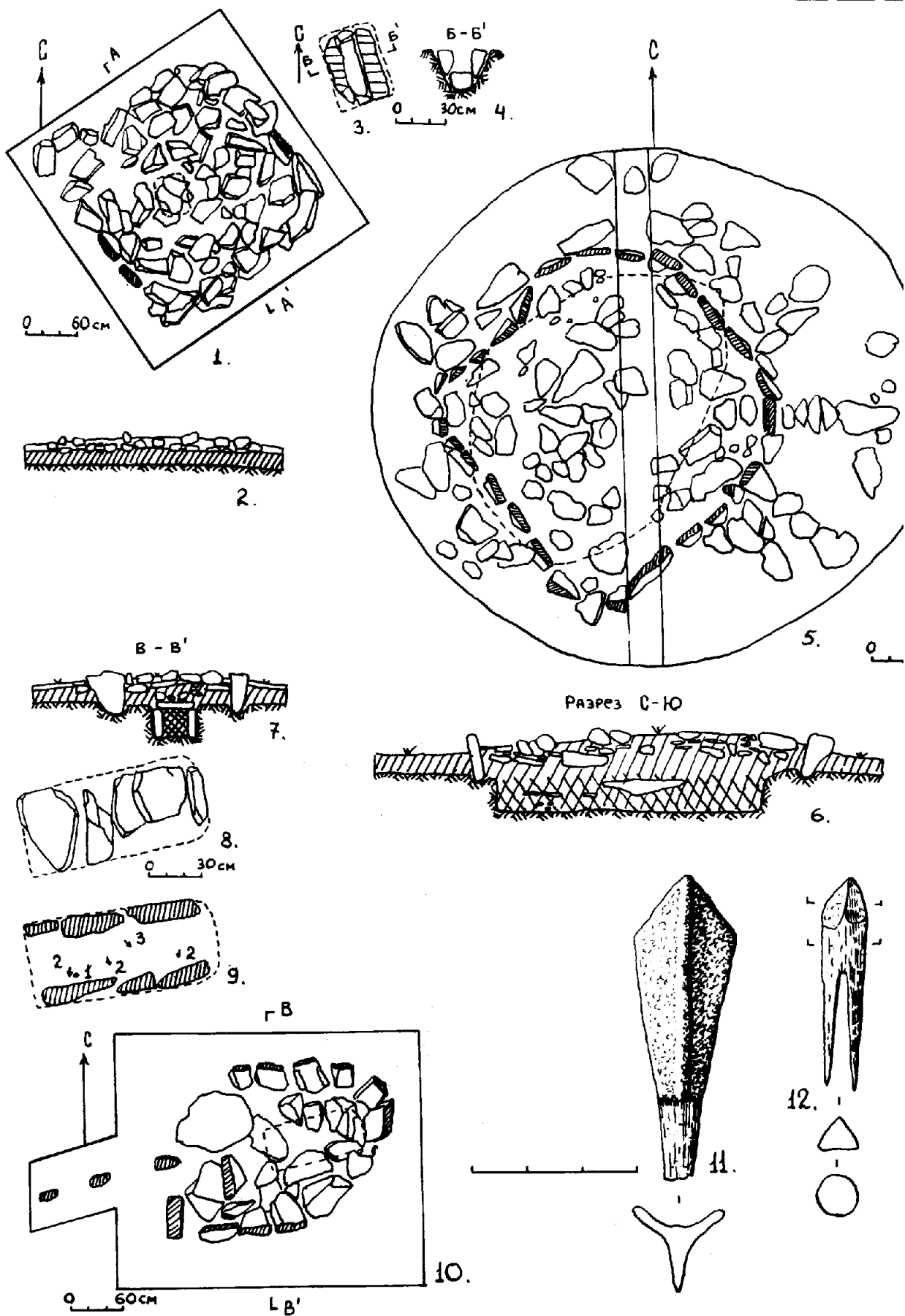

Рис. 2. 1-4 - ограда 8; 5-6 - ограда 44; 7-12 - ограда 6 (1 - железная пряжка, 2 - железные наконечники стрел - 3 шт., 3 - костяной наконечник стрелы)

ленные курганные захоронения и поминальные оградки. И к тому же исследованные оградки свидетельствуют если не о прямой связи, то во всяком случае о близости мировоззрения булан-кобинского населения с определенной группой древних тюрков. И в данном случае, естественно, встает один из наиболее сложных, главных вопросов в общей проблеме древнетюркских ритуальных сооружений — о начальном пути их развития. Булан-кобинские оградки, видимо, могут быть рассмотрены как одни из самых ранних в развитии раннесредневековых ритуальных сооружений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаврилова А. А. Могильник Кудьгэргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965, 143 с.
2. Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.
3. Мамадаков Ю. Т. О памятниках первой половины I тыс. н. э. в Горном Алтае//Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 197–203.
4. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 229 с.
5. Васютин А. С. Культовые памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв. н. э.). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 16 с.
6. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.//Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XVI.
7. Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
8. Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
9. Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
10. Арсланова Ф. Х. К вопросу о взаимосвязи урало-алтайского населения в IX–X вв.//Урало-алтаистика/ Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 63–69.
11. Генинг В. Ф. Ижевский могильник IV–V вв.//ВАУ. Ижевск, 1967. Вып. 7. С. 123–140.
12. Литвинский Б. А. Среднеазиатские наконечники стрел//СА. 1965. № 2. С. 75–91.
13. Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка//АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.
14. Худяков Ю. С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н. э.//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 81–99.
15. Кызласов Л. Р. Ташгытская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.
16. Кызласов Л. Р. Древняя Тува: от палеолита до IX в. М., Изд-во МГУ, 1979. 204 с.
17. Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н., Миклашевич Е. А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая//Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29–80.
18. Глоба Г. Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.
19. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.—первых веков нашей эры// Тр. ГКАЭЭ. М.-Л., 1966. Т. II. С. 185–291.
20. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году (погребения казылганской и сын-чорекской культур)//Тр. ГКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 7–79.
21. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.)//Тр. ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 80–209.
22. Дьяконова В. П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г.//Тр. ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 210–238.
23. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., Наука. 1969. 196 с.
24. Сатлаев Ф. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1974. 199 с.
25. Савинов Д. Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Е. М. Берс, Ю. С. Худяков

ПОГРЕБЕНИЕ У с. БИЧИКТУ-БОМ

В полевом сезоне 1964 года Алтайским археологическим отрядом Отдела гуманитарных исследований СО АН СССР, под руководством Е. М. Берс, было исследовано своеобразие погребения у с. Бичикту-Бом в Онгудайском районе Горно-Алтайской а. о. В окрестностях с. Бичикту-Бом сосредоточено большое количество археологических памятников. На террасе левого берега р. Каракол, к северо-западу от села расположена цепочка каменных стел и курганов с каменной наброской, диаметром 10–20 м. На поверхности террасы, между скальными выходами, обнаружены древние поселения с культурным слоем. На скалах р. Каракол, зафиксированы выбитые и гравированные рисунки, древнетюркские рунические и тибетские надписи, изображение Будды [1]. На вершинах гор

имеются жертвенники алтайцев [2]. В 60-е годы археологические исследования в долине р. Каракол в окрестностях с. Бичикту-Бом, проводили А. П. Окладников, Е. М. Тошкова, А. Л. Сперанский [3]. Е. М. Берс проводились раскопки культурного слоя поселения в трех пунктах на площади террасы к северо-западу от черты с. Бичикту-Бом. Она занималась фиксацией наскальных рисунков, осматривала жертвенники, опрашивала местных сторожилов о погребальных обычаях алтайцев-теленгитов, описывала алтайские жилища [4].

Среди исследованных ею памятников особый интерес представляет раскопанное средневековое захоронение. О нем имеется только краткое упоминание в статье А. Л. Сперанского [5]. Между тем в архиве

Е. М. Берс сохранилось подробное описание раскопок погребения, коллекционная опись, чертежи и фотографии, которые позволяют составить адекватное представление об этом памятнике. В фондах ИИФФ СО АН СССР хранится коллекция предметов из погребения у с. Бичикту-Бом. Сама Е. М. Берс высказывала желание опубликовать эти материалы, однако осуществить это намерение не успела.

К сожалению, в рукописях Е. М. Берс утрачены некоторые страницы, в которых должно было содержаться описание выбора объекта, начала раскопок, конструкции сооружения. Из-за этого сведения о данной стадии раскопок не полны и противоречивы.

Памятник характеризуется следующим образом: «Археологические памятники залегают на северо-западной и западной окраине деревни, за ее домами. Это группа из 10 курганов, до раскопок поросшая крапивной почтой в рост человека. Это курганы с каменной наброской из разбитых камней скального грунта. Часть их хорошо выделяется на поверхности и высота наброски до 20 см от современной почвы. Каменные плиты не были употреблены. Диаметр таких набросок от 10 до 20 м, можно предполагать, что таких курганных насыпей здесь больше, но они еле заметны над поверхностью, так как занесены наносами с гор, покрыты травой и лишь выступают камни верха центра набросок. Один из курганов такого типа был нами раскопан» [6]. На генеральном «плане местности у д. Бичикту-Бом», вдоль северо-западной окраины села, показана цепочка из 10 объектов, обозначенных в легенде как «круги из камней». Один из них, последний в цепочке с северо-восточной стороны, отмечен как раскоп 2 (рис. 1). Однако на «сводном плане: стоянки и могилы у д. Бичикту-Бом», отмечено, что это раскоп 3, который, согласно генеральному плану, был заложен у подножия горы, в 600 м к западу от черты села. Об этом же пишет и А. Л. Сперанский: «У подножия горы, где зафиксированы петроглифы, находится древнетюркский могильник (один из курганов раскопан в 1964 г. экспедицией Новосибирского государственного университета под руководством Е. М. Берс, датированной по комплексу вещей это древнетюркское погребение VIII веком н. э.)» (7). Действительно, рядом с раскопом 3 на генеральном плане отмечена группа из шести «кругов из вертикально поставленных плит», а в 100 м на северо-восток от нее — стела.

Исследуемый объект был включен в раскоп прямоугольной формы площадью 8х6 м, ориентированный по длине по линии север-юг. Необходимо отметить, что данный памятник трудно назвать «курганом». На плане место, где находится могила, обозначено как яма 2, образованная двумя перекрывающимися друг друга «углублениями от уровня материка». На площади ямы, к северу от могилы, находится основание очага, заполненное «землей с примесью разложившегося угля». В юго-восточном углу раскопа отмечена яма 1, частично перекрывающая зольник и основание второго очага. На всей площади раскопа отмечены сланцевые плиты, тремя скоплениями с южной, восточной и северо-восточной стороны от могилы (рис. 1–2). Однако эти скопления не образуют сомкнутой насыпи. На разрезе могильной ямы на глубине 0,7 м от поверхности до могильного пятна отмечен слой дерна, «культурный слой», слой глины с примесью песка (рис. 1–3). Судя по этим данным, могила не была перекрыта каменной насыпью. Сланцевые плиты, зафиксированные на поверхности раскопа и встречавшиеся в процессе

разборки культурного слоя, являются результатом оползания склона горы. На всей площади раскопа был зафиксирован культурный слой поселения, к которому относятся ямы, очаги, зольник. В культурном слое зафиксировано большое количество фрагментов керамики, изредка с орнаментом, обломки костей животных, отщепы. Находки из первого слоя рассредоточены по всей площади раскопа, находки из второго слоя встречаются в ямах и вокруг них.

Судя по тому, что среди находок отмечены «черепки с неолитическим орнаментом», поселение было многослойным и существовало длительный период. Е. М. Берс не ставила вопроса о соотношении погребения с культурным слоем поселения.

Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0,75 м от поверхности. Оно имело вытянуто-овальную форму, площадью 3х0,75 м, было ориентировано по длине по линии северо-запад—юго-восток. При разборке заполнения могильной ямы была обнаружена пряжка-блок овальной формы с двумя отверстиями и пазом для ремня. Вдоль юго-западной стенки могильной ямы были наклонно поставлены массивные каменные плиты. В северо-западной части могилы был обнаружен череп лошади, в центре могилы — копыто и фаланга, в юго-восточной части — берцовая кость. Под нижней челюстью лошади обнаружены обломки железных удиц. В яме, вдоль каменных плит, найдены обломки от «железных предметов сбруи», железная пряжка, фрагмент керамики, подвеска из ляпис-лазури в норе грызуна. В северо-восточной стенки ямы находилось пятно от вертикального столба (рис. 1–3).

После разборки заполнения могильной ямы и снятия наклонно стоящих плит, обнаружен подбой. На глубине 1,6 м в подбое обнаружена колода из выдолбленного ствола лиственницы. Концы колоды имели следы от обручей. Стенки колоды сильно истлели. Внутри колоды находилось погребение. Скелет взрослой женщины 30–40 лет лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Правая рука согнута в локте, левая кисть на костях таза. Ноги соединены ступнями вместе.

В области черепа находилась россыпь мелких двойчатых бусин из раковин, камня, пасты. На черепе обнаружена полоса расшитого бисером истлевшего шелка от головного убора. По обеим сторонам черепа, близ ушных раковин находились височные кольца из металлического сплава. В области шеи и груди были обнаружены подвески из синей ляпис-лазури с геометрическим орнаментом, биконические халцедоновые бусы, подвески из перламутра с резьбой.

Между бедренных костей находился сильно коррозированный железный нож, сланцевая плитка и истлевший шелковый мешочек. У левой берцовой кости найдена роговая пряжка с приостренным концом, двумя отверстиями для ремня и обломанным железным язычком. На дне могилы встречались мелкие фрагменты керамики (рис. 1–4).

В заключительной части рукописи Е. М. Берс анализирует ритуал захоронения, отмечая аналогии различным деталям погребальной обрядности, инвентарю в известных памятниках Евразии [8]. Она указывает, что обычаем погребать человека с конем, в колоде восходит к пазырыкской культуре. В то же время обряд захоронения с конем «указывает на тюркский обычай», что позволяет отнести погребение из Бичикту-Бом к «группе алтайских захоронений».

Ссылаясь на раскопки С. В. Киселева в Курае, она указывает, что существовал обычай разделения погреб-